В.Г. Блохин,
Л.В. Яворская

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Ukek
ukekest.ru

ukekfest.ru

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет истории и международных отношений
Кафедра археологии, древней и средневековой истории

ukekfest.ru

В.Г. Блохин, Л.В. Яворская

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 030400 История*

Волгоград 2006

ББК 63.4
Б70

Ответственный редактор – д-р ист. наук, проф. *А. С. Скрипкин*

Рецензенты:
канд. ист. наук *М. Д. Полубояринова* (МГУ);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. каф. ист. России ВГПУ
Е. П. Мыськов;
канд. ист. наук, доц. *М. В. Цыбин* (ВГУ)

Блохин, В. Г., Яворская, Л. В.

Б70 Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья [Текст] : [учеб. пособие] / В. Г. Блохин, Л. В. Яворская ; ВолГУ, Фак. ист. и междунар. отношений, Каф. археологии, древ. и средневек. истории ; отв. ред. и авт. предисл. А. С. Скрипкин. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 268 с.: ил.

ISBN 5-9669-0226-7

Учебное пособие посвящено вопросам формирования и развития городской культуры золотоордынского Поволжья. Прослежены этапы градостроительной деятельности в регионе в золотоордынскую эпоху, подробно охарактеризованы основные городские центры, раскрыты архитектурно-строительные традиции, рассмотрены различные виды ремесла и направления торговых связей.

Книга адресована археологам, историкам, студентам исторических факультетов вузов и всем, кто интересуется средневековой историей.

ББК 63.4

ISBN 5-9669-0226-7

© В. Г. Блохин, Л. В. Яворская, 2006
© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое учебное пособие посвящено одной из наиболее ярких страниц средневековой истории Нижнего Поволжья. Образовавшееся в середине XIII в. в результате монгольских завоеваний государство Золотая Орда представляло собой уникальное явление. На его территории в течение многих веков обитали преимущественно кочевые этносы, да и сами создатели государства вышли из кочевой среды. Известно, что у народов, ведущих кочевой образ жизни, социально-экономические и политические процессы, характеризующие внутренние отношения, развиваются относительно слабо. Кочевому обществу для регламентации внутренних отношений такой институт, как государство, не нужен. Государство у кочевников появляется в особых случаях. С этой точки зрения изучение истории Золотой Орды имеет не только прикладное, но и теоретическое значение.

В пособии достаточно подробно рассматриваются вопросы, касающиеся причин возникновения и развития городов как одного из атрибутов золотоордынской государственности. Государственные институты монголов, как и выделившейся впоследствии Золотой Орды, складывались и развивались в результате необходимости осуществления контроля над непосредственно завоеванным ими населением или находящимся в зависимости от них. Кочевая ставка хана не могла оперативно выполнять многообразные и все возрастающие государственные функции. Известно выражение, что империю можно создать сидя в седле, но управлять ею из седла невозможно.

Возникшие при активном содействии ханской власти в Поволжье города были полифункциональными по своему назначению, особенно это касается крупных из них. Они являлись административными, а с распространением ислама и религиозными центрами. Необходимость развития ремесла и торговли превращала эти города в крупные экономические центры.

Феноменальным в этом процессе является быстрота, с которой создавались большие и малые города в регионе, не имевшем в предшествующее время градостроительных традиций. Этот всплеск был ярким, но для истории кратким как мгновение. Срок существования многих золотоордынских городов равнялся сроку жизни одного поколения людей, для города это очень мало. Начало строительства большинства золотоордынских городов приходится на первые десятилетия XIV в., а в 60—70-е гг. того же века начинается их упадок.

История изучения городов Золотой Орды насчитывает многие годы, существует обширная историография по этой теме. Многое изучено и не вызывает особых возражений у исследователей, однако существуют еще проблемы, которые ждут своего положительного решения.

Авторы учебного пособия постарались достаточно полно осветить все основные вопросы, связанные с историей золотоордынских городов. Интересующиеся этой темой найдут здесь сведения, касающиеся причин появления городов в то время на Нижней Волге, этапов градообразования и динамики градостроительства, архитектурных особенностей, специфики развития ремесла и торговли в золотоордынских городах. Кроме того, в учебном пособии освещается история изучения городов Золотой Орды, рассматриваются вопросы, связанные с их локализацией.

Следует отметить, что учебное пособие написано на высоком научном уровне. При его подготовке была использована вся основная, в том числе и новейшая, литера-

тура, посвященная данной теме, широко привлекаются данные археологических исследований и нумизматический материал. Высокий уровень учебного пособия объясняется тем, что для его авторов предложенная тема является непосредственным объектом их научных интересов. Они неоднократно принимали участие в археологических экспедициях, исследовавших различные памятники, о которых идет речь в их совместной работе. Научной общественности авторы известны рядом своих публикаций по золотоордынской тематике.

Полагаю, что изданная книга будет использована студентами исторических факультетов университетов не только как учебное пособие, но широко будет привлекаться для их научной работы. В последнем качестве она может быть востребована и уже состоявшимися исследователями.

А.С. Скрипкин,
доктор исторических наук, профессор

Lukfest.ru

ВВЕДЕНИЕ

После монгольских завоеваний в XIII в. на обширных пространствах степной Евразии от Дуная до Иртыша образовалось государство во главе с потомками старшего сына Чингисхана – Джучи.

Образование государства и необходимость эффективного управления огромной территорией требовали дальнейшего развития старых домонгольских городов и формирования новых городских центров, которые бы синтезировали определенные функции – административного управления, обеспечения экономической деятельности (ремесленного производства и торговли), регулирования социокультурных процессов. Первоначально центрами административного управления стали крупные города, завоеванные монголо-татарами. Для Поволжья таким центром, по-видимому, являлся город Болгар. Позднее центр улуса Джучи переместился на специфически кочевническую территорию Нижнего Поволжья. Необходимость организации управления кочевыми территориями определила место столицы Золотой Орды, города Сарай, в самом центре кочевой степи. Здесь расположились и кочевья самого хана. Помимо столицы, в Нижнем Поволжье функционировал еще целый ряд поселений и городов. Эти оседлые центры находились на кочевнических землях и выполняли целый ряд функций: административные, торговые, производственные.

В структуре золотоордынского государства Нижнее Поволжье занимало особое место. Территория региона являлась личным доменом Джучидов и представляла исторически сложившуюся единую столичную область Саксин, Дешт-и-Кипчак или Сарай арабских и персидских источников. Здесь пересекались сухопутные и водные торговые маршруты, связывающие Запад со Средней Азией, Индией, Китаем. Как отмечал А.Ю. Якубовский,

на территории Нижнего Поволжья была уникальная возможность сочетания кочевого и оседло-земледельческого укладов.

Естественный процесс градообразования основывался на постепенном оседании кочевников, выделении земледелия в специальную отрасль, специализации ремесла, концентрации аппарата управления. Это вело к развитию товарно-денежных отношений и формированию местного и международного рынков сбыта. В Золотой Орде данный процесс был интенсифицирован и искусственно подпитывался в результате притока материальных и людских ресурсов из завоеванных областей с развитыми городскими традициями – Руси, Волжской Болгарии, Средней Азии, Закавказья. В результате на Нижней Волге возник своеобразный «котел», в котором синтезировались отдельные инновационные элементы, привнесенные различными этносоциальными группами населения. Причем становление золотоордынских городов было спрессовано во времени и протекало в довольно короткие сроки. Процесс развития городской культуры усилился с принятием мусульманства. В кочевой степи вырастали прекрасно спланированные городские центры с культовыми зданиями, административными и торговыми учреждениями, богато декорированными, шумными базарами, ремесленными мастерскими, с мусульманскими банями, с водопроводом и дренажными системами. В итоге на Нижней Волге сформировалась яркая восточная городская культура.

История археологического изучения городов и поселений периода Золотой Орды на Нижней Волге насчитывает уже более полутора столетий. За это время был накоплен значительный по объему материал, особенно после того, как начала работать Поволжская археологическая экспедиция в 1959 г., появился целый ряд исследований, посвященных отдельным проблемам городской культуры и археологии Золотой Орды. А вот из обобщающих трудов следует отметить, пожалуй, лишь работы Г.А. Федорова-Давыдова «Золотоордынские города Поволжья» (1994) и «Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт» (2001). Задачи настоящего учебного пособия заключаются в том, чтобы дать представление о процессах формирования и развития город-

ской культуры на территории Нижнего Поволжья в золотоордынское время, а также сведения о наиболее значимых поселенческих памятниках, результатах их археологического изучения. В работе рассматриваются особенности и специфика инфраструктуры золотоордынского города, возможности и уровень ремесленного производства, направления торговых связей, оцениваются те выводы и интерпретации, которые предлагались в ходе разработок тех или иных вопросов отдельными исследователями.

В основе пособия лежат специальные курсы лекций, читаемые авторами студентам исторического факультета Волгоградского государственного университета.

Введение, заключение, главы II–VIII написаны В.Г. Блохиным; главы I, IX, а также § 2 главы II, § 5 главы IV и §§ 4–5 в главах V, VI – Л.В. Яворской.

chekfest.ru

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ У МОНГОЛОВ

1. Проблема общественного строя монголов накануне завоеваний

В самом начале XIII в. на оседлые страны Востока обрушилось очередное нашествие кочевников из Азии. Это была далеко не первая и даже не последняя волна азиатских кочевников, но она была уникальна в своем роде по двум причинам – это была не просто волна кочевнического переселения, попутно сметавшая все на своем пути, вынуждая встречные племена к сопротивлению или переселению, это была целенаправленная завоевательная политика. Вторая причина, по которой монгольская волна кажется особенной, состоит в том, что она привела к принципиальным изменениям в средневековом мире, как политическим, так и этническим. В древних оседлых странах Востока завоевания привели к смене династий, в степном поясе образовались новые, не существовавшие ранее государства во главе с кочевниками-монголами. Главы степных династий продолжали традиции кочевой культуры, при этом активно функционировали городские центры – пункты административные, торговые и ремесленные. Сам факт возникновения большого количества центров оседлости в кочевой степи представляется уникальным, что ставит перед исследователями степного Средневековья ряд проблем и в первую очередь проблему общественного строя монголов накануне завоеваний. Несли ли монголы другим степным народам развитую государ-

ственность, необходимость развития городской жизни, земледелия, ремесла и торговли? Были ли у монголов собственные центры городской жизни, когда они возникли и какую роль играли в жизни кочевого общества?

Проблема общественного строя монголов накануне завоеваний впервые поставлена в отечественном востоковедении В.В. Бартольдом в связи с решением вопроса о причинах возникновения монгольской государственности в процессе завоеваний. Он полагал, что в борьбе между степной аристократией и демократическими элементами в среде кочевников-монголов верх взяла аристократия и вся монгольская государственность, созданная Чингисханом и развитая его преемниками, стала аристократической. Советское монголоведение в 30-е гг. встало перед проблемой выработки подхода к общественному строю монголов с историко-материалистических позиций, то есть появилась необходимость «вписать» монгольское общество в выработанную марксистскими обществоведами теорию общественно-экономических формаций. В работе «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (1932) академик Б.Я. Владимирцов проводил мысль о том, что общество кочевников-монголов к XII в. находилось на стадии перехода от родовых отношений к раннефеодальным, выражением чего явилось возникновение уже в XIII в. вассально-сеньориальных отношений «кочевого» феодализма. Этот термин, введенный Б.Я. Владимирцовым для общества монголов XII в. стал основой для рассмотрения под таким углом почти всех кочевых обществ Евразии, начиная с эпохи Средневековья. В отечественной этнографии, тем не менее, сразу появилась оговорка об особом «налете патриархальности», характерном для общественной структуры и быта кочевников, что давало возможность отмечать большое количество «пережитков» родоплеменных, а по сути первобытно-общинных отношений в «кочевом феодализме».

Двойственное отношение к особенностям средневековых государств Евразии, образовавшихся после монгольских завоеваний, хорошо видно по работам А.Ю. Якубовского – ученика

В.В. Бартольда. С одной стороны, он критикует Б.Я. Владимирцова за то, что последний придал монгольскому кочевому обществу формы западноевропейского феодализма. С другой стороны, он соглашается со сторонниками «кочевого феодализма» в том, что в процессе завоеваний и сложения империи окончательно победил феодальный способ производства. Исследователь распространяет это представление и на золотоордынские города, структуру и ремесло которых он изучал по археологическим материалам, происходящим с Царевского городища. И если по проблеме феодализма у кочевников автор еще применяет термин «полупатриархальные-полуфеодальные» отношения, то по проблеме города, сомнений в его феодальной специфике у автора не остается. По мнению А.Ю. Якубовского, золотоордынский город, как центр ремесла и торговли, средоточия ханской администрации, мало чем отличается от феодального европейского по функциям, структуре, организации ремесла, правда, с некоей «восточной» спецификой (Якубовский, 1932). Характерно название его работы – путеводителя по выставке археологических материалов с Царевского городища: «Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды – Сарай Берке».

Дискуссии, которые возобновились среди востоковедов и кочевниковедов в 50-х гг., так или иначе рассматривали кочевые общества как феодальные, в центр дискуссий поставив вопрос о собственности у кочевников на скот или пастбищные угодья. Однако к 80-м гг. в среде этнографов-кочевниковедов получает развитие идея о специфике кочевнических обществ, которые не вписываются в теорию общественно-экономических формаций (С.Е. Толыбеков, Г.Е. Марков). С этого момента начинается осмысление и монгольского кочевого общества накануне завоеваний как очень динамично развивающегося, но в рамках родоплеменных отношений, постепенно выходящих на раннегосударственную стадию. К общественно-политической организации монголов исследуемого периода становится вполне приложимо такое понятие, как вождество. В подобных случаях успешные военные действия приводят к подчинению соседних родовых и племенных подразделений и образованию военно-иерархических структур.

Именно в этой парадигме рассматривают кочевые общества ряд современных исследователей. Н.Н. Крадин пишет о свойственной кочевникам специфической государственности – «экзополитарной», связанной с завоеваниями и направленной вовне общества (Крадин, 1992, с. 165, 182, 184).

В.В. Трепавлов показывает важнейшую роль традиции, выработанной предшествующими государственными образованиями кочевников, в идеологическом оправдании завоеваний и построении империй, наиболее жизнеспособными из которых оказались степные государства во главе с монголами в самой Монголии и Золотая Орда (Трепавлов, 1993, с. 113, 117).

Т.Д. Скрынникова, анализируя терминологию, отражающую иерархию военных лидеров, специфику выборов определенных лиц на должности и наследование должностей, приходит к мысли, что монгольское общество за XII–XIII вв. прошло путь от преимущественного отсутствия основных признаков государственности, с традиционными институтами власти, олицетворявшимися родовой аристократией (XII в.) к обществу военно-иерархическому, где власть принадлежит военным предводителям – харизматическим лидерам (к началу XIII в.). Но между двумя этими типами власти с двумя вариантами развития общества нет резкой границы, большую роль играет конкретный период в истории общества: мирный или военный. Поскольку на рубеже XII–XIII вв. решительно возобладал военный период, монгольское общество в целом сохранило свой потестарно-политический характер с неразвитой классовой и государственной структурой с традиционными институтами власти, но огромную роль в жизни социума играл лидер (Скрынникова, 1994, с. 32).

Таким образом, монгольские завоевания не могли нести с собой на завоеванные территории развитой государственности.

2. Возникновение улуса Бату

До конца XII в. на территории современной Монголии и Южной Сибири проживали родственные по языку и культуре племена скотоводов и звероловов, не объединенные в политическую

или этническую общность. В XII в. социальная организация скотоводческих племен вступает в фазу вождества, выделяются аристократические роды, а их главы становятся лидерами процесса этносоциальной консолидации. В начале XIII в. (1206 г.) большая часть этих объединений была подчинена Тэмучжином из рода Борджигин, получившего титул Чингисхана. С этого момента начинаются активные завоевательные походы сначала в земли кочевых и оседлых соседей, а затем и на более отдаленные территории, а также ряд походов разведывательного характера. К моменту смерти Чингисхана его империя достигла огромных размеров. Важными составляющими частями этой империи были как собственно монгольские и южносибирские кочевые территории, так и высокоразвитые государства средневекового Востока: Древнехакасское государство, земли северного Китая и среднеазиатское государство хорезмшахов, простиравшееся от Арала до Инда. Со смертью Чингисхана в 1227 г. завоевания не закончились – они были активны и шли в разных направлениях. К концу 1234 г. основные завоевательные планы были реализованы, произошла перестановка политических сил на Востоке, и для одобрения новых планов в столице монгольской империи Каракоруме в 1235 г. новый великий хан, преемник и сын Чингисхана Угедей созвал курултай – собрание глав монгольских аристократических родов во главе с чингисидами. На этом историческом собрании было принято решение предпринять сразу несколько операций, важнейшей из которых должен был стать поход на Запад, «завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату». Расширение границ империи в этом направлении рассматривалось как потенциальное расширение улуса Джучи, старшего сына Чингисхана, наследником которого по смерти отца и, соответственно, главнокомандующим этого фронта, был Бату. Это военное предприятие стало общемонгольским делом, поскольку в традициях чингисидов было выделение из состава своих войск подразделений для крупных операций. С 1236 по 1242 г. проходила эта военная компания. Войска Бату прошли через Волжскую Булгарию, земли Нижнего Поволжья (область Саксин),

северо-восточной, позже южной Руси, южнорусских степей, населенных преимущественно половцами. Нападению подверглись также земли Венгрии и Польши, ряд территорий Центральной и Южной Европы. К 1242 г. относится возвращение монгольских войск из Европы и основание улуса Бату (Золотой Орды). Практически весь пояс евразийских степей от Дуная до Иртыша вошел в состав земель этой части империи. Берега среднего и нижнего течения Волги стали центром этого государства и личным кочевьем хана. Здесь же, на левом берегу Волги-Ахтубы, по сообщениям европейских дипломатов, к 50-м гг. XIII в. сформировалась и первая собственная столица нового государства город Сарай.

3. Первые монгольские города и их синкретический характер

Период в истории Центральной Азии, предшествующий возникновению Монгольской империи, представлен рядом памятников – крепостей уйгурского и киданьского времени (IX–XII вв.). Отечественными и монгольскими археологами исследован ряд поселений и городищ этого времени: Зуун-хэрэм, укрепленный замок на р. Кондуй, Харухаин-балгас у ст. Хадасан и крупный центр Чин-Тологой. Два последних города-крепости обнесены стенами, внутри которых размещались жилые кварталы, состоящие из домов с подпольным отоплением и садов, орошаемых каналами (Киселев, 1957, с. 95–97). Им предшествует огромный город уйгурского времени Хара-балгас, с укрепленной цитаделью, прекрасно распланированными кварталами с садами, который окружали форты в виде массивных башен. Практически в округе всех городов имеются следы земледелия. Таким образом, как отмечал С.В. Киселев, «эпоха, предшествовавшая сложению древнемонгольского государства Чингисхана, была для этой части Центральной Азии временем особенно большого градостроительства, развития городов – центров ремесла и торговли» (Киселев, 1958, с. 109). Эти города не принадлежали собственно монголам, но

заложенные ранее традиции градостроительства развивались в рождающейся империи.

Для раннего этапа функционирования империи известны памятники, раскопанные С.В. Киселевым в Читинской области, Хир-Хира и Хара-Хорин. Городище Хирхиринское датируется началом XIII в. и отражает ранний этап функционирования монгольского государства. Оно представляет собой довольно рассредоточенный комплекс замков-усадеб вокруг основного крупного замка. В центре города обнаружена укрепленная цитадель с дворцом правителя, по-видимому, осуществлявшего власть на северо-востоке государства Чингисхана. Дворец имел деревянные щитовые на каркасе стены, крыша покрыта неглазурованной черепицей. К нему примыкали усадьбы вассалов. Важно отметить, что каждая усадьба имела собственные оборонительные стены, то есть город представлял собой скопление укрепленных замков, не было общей оборонительной линии. У стен этих замков-усадеб обнаружены дома ремесленников и торговцев. Это означает постепенное превращение города из политико-административного центра в центр экономической жизни. Рядом с городищем открыты богатые курганы с предметами буддийского культа, видимо, уже начала XIV в., принадлежащие потомкам монгольских аристократических родов (Киселев, 1958, с. 110–111).

Значительным памятником считается городище Хара-Хорин – остатки древнего Каракорума – столицы Чингисидов до того момента, когда великий хан Хубилай перенес ее в Китай в Пекин. По источникам известно, что по приказу преемника Чингисхана великого хана Угедея к 1236 г. китайскими мастерами был отстроен Каракорум. Здесь, как пишет персидский историограф Рашид-ад-Дин: «Он... приказал построить... дворец с очень высоким основанием и колоннами...», затем последовал указ о том, чтобы «каждый из (его) братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому» (Рашид-ад-Дин, 1960, с. 40)..

В ранней фазе своего функционирования столица, видимо, очень напоминала город на реке Хир-Хира. В дальнейшем Хара-

Хорин в своей центральной части был густо застроен городскими кварталами, которые крест-накрест перерезали две магистральные улицы, а в юго-западной части городища располагался обширный дворцовый комплекс с крупным зданием в центре. Дворцовый квартал был обнесен особо мощной стеной, внутри которой С.В. Киселевым исследованы остатки дворцового комплекса. Дворец был возведен на земляной платформе, высотой в 2 м, на которой расположены 64 каменные плиты, служившие базами для деревянных колонн огромного центрального зала. Крыша сооружения была покрыта разноцветной черепицей красного – императорского и зеленого цветов (Киселев, 1957, с. 97). Крышу украшали изображения драконов и львов, а возле дворца обнаружена большая каменная черепаха с пазом в спине, куда вставляли каменные стелы с указами императора. Вокруг центрального зала располагались сравнительно небольшие, скорее всего жилые, помещения с кирпичными стенами и деревянными полами. Дворец обогревался жаровнями – большими чугунными чашами. С юга были расположены ворота, богато украшенные скульптурой и окованные золоченой медью. Остальные кварталы исследованы выборочно, однако ясно, что город имел довольно четкую квартальную планировку, дома с подпольным отоплением. Описание города можно найти в труде европейского посланника Вильгельма Рубрука, побывавшего в Каракоруме где-то на рубеже 1253 и 1254 гг.: «Там имеются два квартала: один Сарацинов, в котором бывает базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал Катайев, которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых постоянно провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеною и имеет 4 ворот» (Путешествия..., 1993, с. 146–147).

Археологические исследования выявили здесь многочисленные свидетельства металлургического производства: обнаруже-

но до десяти горнов и огромное количество изделий и заготовок к ним. С.В. Киселев полагает, что Каракорум был военно-металлургической базой государства, на которой основана военная мощь монголов. Кроме того, было развито керамическое ремесло – есть и печи, и образцы великолепной расписной посуды. Только особые дорогие сорта посуды, такие как селадон и фарфор, привозились из Китая – их полуфабрикатов не найдено у печей Хара-Хорина. На днищах многих сосудов указаны имена мастеров-китайцев. В торгово-ремесленных кварталах города обнаружены плитки для растирания туши, бронзовые сосуды, гравированные тонким рисунком, прекрасные китайские зеркала, бляхи и пряжки поясов, серьги и обломки браслета, обрывки роскошных тканей и обломки стеклянных сосудов хорошего качества, игральные кости, бусы, стеклянные палочки для еды, обрывки изделий из шелка. Огромное количество монет, весовые гирьки и весы свидетельствуют об обширной торговле, сведения о которой дополняют письменные источники. Из того же сообщения Рубрука следует, что у северных ворот продавали коней, у западных – баранов и коз, у южных – быков и повозки, а хлеб – у восточных ворот (Путешествия..., 1993, с. 147). Как видно, очень многое в культуре и быте первой монгольской столицы связано с Китаем. Необходимо отметить, что город сам снабжал себя земледельческой продукцией. На обширных надпойменных участках с северной и западной стороны города до сих пор сохранились следы земледелия – видны каналы, подававшие воду из Орхона, лежат молотильные валы и ступы (Киселев, 1957, с. 100).

Дальнейшим развитием монгольского градостроительства времен империи можно считать дворцовый комплекс у с. Кондуй, исследованный С.В. Киселевым в 1957 году. По основным показателям комплекс напоминал дворец Угедея в Хара-Хорине, включая сюда особенности строительства и отделку (Киселев, 1958, с. 114–118). Но это был более поздний комплекс, уже не игравший важной роли в военной империи монголов.

В самом сердце, в «тылах» возникающей монгольской империи на территории Восточного Алтая и Тувы также известен

ряд земледельческих и ремесленных поселений – Межегейское, Элегестское, Ден-Терек, Оймак, Могайское. Все они не были укреплены, что, по мнению автора раскопок Л.Р. Кызласова, характерно для городов на завоеванных монголами территориях (Кызласов, 1965, с. 61). Из пяти пунктов раскопки производились на двух – Ден-Терек и Межегейском. Городище Ден-Терек расположено в труднодоступном естественно-защищенном месте. Кварталы ремесленников здесь располагались по дуге длиной 1200 м. Каркасные деревянные конструкции домов укреплялись на столбах и обмазывались глиной с двух сторон. В целом автор раскопок отмечает, что строительные приемы, использованные ремесленниками, несут на себе синкретический характер, то есть и китайские и местные черты домостроительства X–XIII веков. Здесь исследованы жилые усадьбы, где дома имели систему подпольного отопления при помощи канов, дворовые загоны для стойлового зимнего содержания животных, а также административные центры, ремесленные комплексы, более поздние буддийские культовые места (Кызласов, 1965, с. 113).

Часть населенных пунктов расположены недалеко от мест рудных месторождений и, видимо, специализировались на добыче и первичной обработке железной руды.

Таким образом, на раннем этапе функционирования империи в степных кочевых районах появилось множество новых городов и поселений с разной специализацией. Можно выделить несколько особенностей этого времени.

Во-первых, формируются административно-политические центры, которые постепенно перерастают в города с торговой и ремесленной функциями. Административные центры развивались вокруг центрального сооружения – дворцового комплекса, в ближайших окрестностях которого вассалы ставили свои укрепленные усадьбы, а они, в свою очередь, «обрастали» торгово-ремесленными кварталами. На первом этапе развития это – конгломерат укрепленных замков, на втором – укрепленная цитадель с дворцом правителя и стеной, ограждавшей часть округи. Градостроительная структура этих населенных пунктов имеет определенные

параллели в структуре средневекового кочевого лагеря-ставки с юртой предводителя в центре, окруженной юртами личной гвардии и родственников. Дальше располагались юрты остальных соплеменников, скот, повозки. Этот «куренной» принцип организации как стойбищ, так и поселений прослеживается у многих кочевых этнокультурных общностей Средневековья и, как мы теперь видим, у монголов эпохи становления империи.

Во-вторых, формировались поселения без укреплений с ремесленной или земледельческой специализацией, видимо, как источники экономических ресурсов для страны.

4. Исторические особенности городов в монгольских государствах

Работы С.В. Киселева и Л.Р. Кызласова позволили специалистам по истории и археологии монгольских государств проанализировать причины появления новых городов в монгольскую эпоху в странах Европы и Азии. Для стран с развитой традицией оседлости новые города преимущественно были новыми административными центрами, не связанными с прежними династиями. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, они основывались по приказам монгольских завоевателей и быстро вырастали трудом подневольного населения как ремесленные и торговые центры (Федоров-Давыдов, 1983). Важнее было проанализировать причины градостроительного всплеска, типов и структуры новых городов в степной кочевнической зоне. Анализируя процесс формирования городов у монголов, В.Л. Егоров пришел к выводу о том, что основные причины возникновения городов у монголов связаны с изменениями в обществе самих кочевников. В доимперскую эпоху монголы не имели собственно городов, со всей необходимой инфраструктурой. Возможно, были укрепленные замки (керман), поскольку в «Сокровенном сказании» упоминаются монголы, живущие за войлочными стенами, и монголы, живущие за деревянными. У многих воинственных кочевников можно отметить подобные сооружения, например вежи у половцев, но это не города с торгово-ремесленными функциями. Необходимость в них появля-

ется с образованием бюрократического государства и необходимости в организации управления, аппарата чиновников и т. д. Ведь с образованием империи монголам уже принадлежат не небольшие кочевые улусы, а огромные пространства. Решать административные вопросы, по мнению В.Л. Егорова, невозможно на ходу или «на коне». Передвигать с собой огромный чиновничий аппарат, конечно, было возможно, но громоздко, что и подвигло чиновников к оседанию на зимней ставке хана. Таким образом, ключевые вопросы решает хан в кочевой ставке или там, где он находится, а задачи административные и бюрократические решаются в поселениях, которые становятся ядром нарождающегося города. Это первая стадия развития монгольских городов. Однако, по мнению В.Л. Егорова, если город возникал только как административно-политический центр, то жизнь его без экономической подпитки была недолгой. Он должен стать центром экономической жизни – сначала обрасти кварталами ремесленников, затем застройкой купцов. Эта новая структура – вторая стадия развития, когда небольшой политико-административный центр становится центром ремесла и торговли, перерастая в многолюдный город (Егоров, 1969, с. 45–49). Первую стадию развития рисует нам городище Хир-Хира и ранняя застройка Каракорума. Вторую стадию пронаблюдал и описал Вильгельм Рубрук, побывавший в монгольской столице где-то на рубеже 1253 и 1254 гг. (Путешествия..., 1993, с. 146–147). В.Л. Егоров полагает, что для Золотой Орды характерны те же самые причины возникновения городов. Они возникают в Орде не сразу. Сначала административную роль играют старые домонгольские центры городской жизни – Болгар, Крым. Собственная столица – Сарай появляется у монголов среди степей, там, где ее меньше всего следовало ожидать. Находясь практически в центре завоеванной степной территории, Нижнее Поволжье превратилось в зону кочевания самого хана, «ханский домен». Опираясь на сообщение Рубрука, В.Л. Егоров предполагает, что в начале его функционирования столичный город был небольшим, скорее напоминающим кочевье (Егоров, 1969, с. 44–45).

На основании работ советских и монгольских археологических экспедиций в Забайкалье, статей и монографий С.В. Киселева и Л.Р. Кызласова В.Л. Егоров выделяет два основных типа городов у монголов в степной зоне и на ранней фазе развития государства.

Тип 1. Город, возникший как административный центр вокруг зимней ставки, когда «на помощь армии, вооруженной луками и саблями, приходит армия, вооруженная перьями и законами». На втором этапе развития этого города характерно появление ремесла и регулярной караванной торговли. Все крупные собственно золотоордынские города возникали так же, как и в Монголии. Конечным итогом их развития становилось появление бахчей и посевов, как в Средней Азии (Егоров, 1969, с. 46).

Тип 2. Город-колония. Их возникновение было обусловлено стремлением быстрейшей колонизации захваченных земель. Населялись они пленными ремесленниками и земледельцами и обеспечивали кочевников своей продукцией. Этот тип нехарактерен для Золотой Орды, поскольку в роли поставщиков оседло-земледельческой продукции выступали, по мнению В.Л. Егорова, древние оседлые центры – Средняя Азия, Волжская Булгария, Русь (Егоров, 1969, с. 48–49). Однако в Золотой Орде были города, возникшие с исключительно хозяйственной необходимостью, в качестве примера В.Л. Егоров приводит Бельджамен (Водянское городище) на Нижней Волге (Егоров, 1969, с. 47).

По проблемам причин возникновения и основных этапов развития на ранней стадии степных городов в монгольских государствах с В.Л. Егоровым солидарен и Г.А. Федоров-Давыдов. Он выделил ряд особенностей в функционировании городов в государствах, основанных монголами в степной Евразии и Средней Азии. Первая особенность, характерная как для оседлых, так и степных районов – строительство новых городов в быстрые исторические сроки, стимулированное ханской властью с использованием труда массы пленников. Ко второй особенности следует отнести бурное развитие рабовладельческого уклада, возрастание доли рабского труда в общественном производстве. Это осо-

бенно заметно именно в городской культуре монгольских государств, где важной формой организации ремесла стала рабская мануфактура типа иранских кархана. Еще одна специфическая особенность всех монгольских государств, выделенная Г.А. Федоровым-Давыдовым, связана с постоянным дуализмом города и кочевой ставки Орды. Для основания, процветания и в конечном итоге упадка города решающую роль часто играло то обстоятельство, что город оказывался в районе летней или зимней стоянки Орды. Судьбы городов в этих государствах всецело зависели от центральной власти, что подчеркивает еще одна их особенность – отсутствие фортификации. В традиционной высокой роли городов в торговом обмене и денежном обращении в монгольских государствах также выявляется специфика. Для государств с преимущественно кочевническим укладом, где существуют лишь островки оседлости, характерна децентрализация денежного дела именно в эпоху расцвета городов и, напротив, его жесткая централизация в странах с равномерным распределением городов, оседлых поселений сельского типа и кочевых территорий. В областях с давними традициями городской жизни городской уклад переживает любые политические кризисы, но города, возникшие как новация, например в кочевой степи, угасают пропорционально ослаблению центральной власти, исчезают с падением власти монголов (Федоров-Давыдов, 1983, с. 215–220).

Вопросы

1. Дайте характеристику основным подходам к общественному строю монголов накануне завоеваний.

2. Когда и на какой территории окончательно оформляется Улус Джучи (Золотая Орда)?

3. В чем состоит специфика возникновения городов в Центральной Азии в XII–XIII вв.?

4. Охарактеризуйте основные этапы развития и функции степных городов в Монгольской империи.

ГЛАВА II

ОСОБЕННОСТИ СТЕПНЫХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIII–XV вв.

1. Причины появления золотоордынских городов на Нижней Волге

Золотая Орда – сложное этнополитическое государственное образование. В пределах территориальных границ Золотой Орды были интегрированы районы, находившиеся на различной стадии и уровнях экономической, социальной и культурной организации. В структуре золотоордынского государства Нижнее Поволжье занимало особое место, и урбанизационные процессы здесь были обусловлены рядом общих факторов.

Прежде всего необходимо отметить, что городская культура золотоордынского Нижнего Поволжья формировалась в преимущественно кочевнической среде. Как отмечал Г.А. Федоров-Давыдов, городские традиции здесь в предмонгольское время были развиты слабо (Федоров-Давыдов, 1994, с. 10, 13). Согласно письменным источникам, известно несколько городских центров, функционировавших в домонгольский период – Итиль, Саксин и Суммеркент. При этом Итиль и Саксин считались скорее пунктами транзитной торговли, чем городами с развитой городской застройкой и инфраструктурой. Культурный слой X–XIII вв., подстилающий напластования золотоордынского времени в Нижнем Поволжье, имеют только поселение у п. Самосделка и селище у п. Мошаик в Астраханской области. До монголо-татарского завоевания регион занимало немногочисленное кочевое половецко-

кыпчакское население. С образованием золотоордынского государства, степи Нижнего Поволжья являлись личным ханским доменом, в пределах которого в основном кочевали правители улуса Джучи. С середины XIII в. нижневолжские районы активно осваиваются номадами различных этнических групп. Одновременно начинает формироваться и поселенческая структура Золотой Орды (основывается Сарай – столица государства, возникает ряд поселков, населенных военнопленными из оседлых областей).

В свое время Г.А. Федоров-Давыдов задавался вопросом о том, почему золотоордынские ханы инициировали строительство новых городов в степях, где отсутствовали прочные оседлые традиции и не использовали в полной мере потенциал «старых» городов. Одной из причин являлось благоприятное сочетание на Нижней Волге природно-климатических условий, позволяющих вести земледельческое и кочевое хозяйства, что было отмечено еще А.Ю. Якубовским (Греков, Якубовский, 1950, с. 68). Регион располагался на пересечении важнейших трансконтинентальных сухопутных и водных торговых маршрутов, связывающих Европу со Средней Азией, Индией, Китаем, Закавказьем. А контроль над этими маршрутами приносил ощутимые прибыли в ханскую казну. Другой фактор, способствовавший возникновению городов на Нижней Волге, заключался в ситуации, когда до воцарения Менгу-Тимура (665–681 гг. х.) джучидские ханы находились в политической и экономической зависимости от великого кагана Монгольской империи, а власть в оседлых областях Золотой Орды и «старых» городах принадлежала каракорумской администрации (Федоров-Давыдов, 1973, с. 78). Являясь личным ханским доменом, регион был еще и центральным улусом в исторически сложившемся делении монгольских государств на левое, правое крылья и центр. Статус центрального улуса и ханского домена предопределил аккумуляцию материальных и людских ресурсов, прежде всего в Нижнем Поволжье.

Возникновение новых городов на территории Монгольской империи, в том числе и в Золотой Орде, было связано с образованием государства и утверждением сильной центральной власти

(Егоров, 1969, с. 41–42). Значение ханской власти в градообразовании Золотой Орды несомненно. Политика основания населенных пунктов носила целенаправленный, осознанный характер. Именно по приказу Бату строится столица государства – Сарай (Тизенгаузен, 1941, с. 21; Путешествия..., 1993, с. 163). Согласно распоряжению Бату и его сына Сартака из русских переселенцев, на Дону устраиваются поселки, жители которых были обязаны перевозить послов и купцов (Путешествия..., 1993, с. 95). По повелению Сартака на западном берегу Волги строился поселок с «большой церковью». При этом надзор за работами был поручен одному из его приближенных (Путешествия..., 1993, с. 165).

Первопричиной формирования большинства поселений городского типа, как отмечал В.Л. Егоров, являлся административно-политический фактор. Г.А. Федоров-Давыдов также полагал, что создание административных стационарных центров было немаловажным фактором, способствовавшим формированию городов Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1974, с. 212). При этом оба исследователя отмечали, что образование подобных административных центров и развитие на их основе инфраструктуры, характерной для городского типа поселений происходило на месте зимних ставок хана и кочевой аристократии в процессе концентрации здесь чиновной знати (Егоров, 1969, с. 44; Федоров-Давыдов, 1974, с. 212). Эта точка зрения базируется на свидетельстве Рашид-ад-Дина об основании Каракорума в результате сосредоточения замков-усадеб знати вокруг дворца хана (Федоров-Давыдов, 1994, с. 14; Рашид-ад-Дин, 1960, с. 40). Данный факт переносится и на золотоордынские города. Топография Царевского городища, отдельные районы которого представляли собой скопление аристократических усадеб, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, также подтверждает это положение (Федоров-Давыдов, 1994, с. 14).

Административно-политический характер мотивов возникновения золотоордынских городов, в ракурсе, рассматриваемом В.Л. Егоровым и Г.А. Федоровым-Давыдовым, в настоящее время может объяснить происхождение лишь столицы Золотой

Орды – города Сарай (Селитренное городище). На это указывают изначально столичный статус Сарая, его целенаправленное строительство по приказу Бату. Принцип организации золотоордынской столицы, известный из сообщения ал-Омари («место пребывания царя там большой дворец... Дворец окружают стены, башни да дома, в которых живут эмиры его»), перекликается со свидетельством Рашид-ад-Дина о строительстве Каракорума. Но и для этого конкретного памятника какой-либо твердой аргументации, основанной на археологическом материале, нет. До сих пор не известны культурные слои Селитренного городища XIII в., остается не понятным, что собой представлял столичный центр в период своего возникновения, какова динамика его развития в XIII – начале XIV века.

Административный фактор, способствовавший генезису городов, выражался не только в оседании чиновной знати вокруг ханских ставок, но и в создании структуры поселений, обеспечивающих функционирование административно-фискальной системы Золотой Орды. Подобные поселения формировались из переселенцев завоеванных оседлых областей по распоряжению золотоордынских ханов. Основной обязанностью населения этих поселков являлось обеспечение переправы через реки посольств и официальных лиц. При этом с торговцев и купцов они взимали «большую дань» (Путешествия..., 1993, с. 95, 103). И возникновение подобных поселений было продиктовано не столько расширением торгово-экономических связей, как отмечал В.Л. Егоров, сколько необходимостью в первую очередь обеспечить стабильное функционирование системы управления государством. Гильом Рубрук во время своего путешествия отметил функционирование, по крайней мере, трех таких поселков (два – на Дону, один – на Волге) (Путешествие..., 1993, с. 95, 103). Водянское городище, возникшее на рубеже XIII–XIV вв. как поселок русских переселенцев на одной из древнейших волго-донских переволок, по всей видимости, выполнял те же функции (Мыськов, 2001а, с. 259).

Административно-политический фактор, определивший генезис городов Золотой Орды, является не единственным. В.Л. Его-

ров считал, что возникновение описанного Рубруком поселка из сарацинов и русских на Волге было продиктовано расширением торгово-экономических связей с Западом (Егоров, 1969, с. 47). В одной из работ, рассуждая о причинах роста золотоордынских городов, Г.А. Федоров-Давыдов высказал предположение об их первоначальном статусе, как центров сосредоточения рабского военнопленного населения, ремесленников и строителей. Одним из существенных факторов формирования золотоордынского города исследователь считал экономический стимул, выражавшийся в развитии торговли и ремесла (Федоров-Давыдов, 1974, с. 212). Как отмечал исследователь, награбленные золотоордынцами материальные ценности требовали реализации в торговле и ремесле, что могло осуществиться в первую очередь с помощью городских жителей (Федоров-Давыдов, 1974, с. 212). М.Г. Сафаргалиев, в свое время, до начала широкомасштабных раскопочных работ на золотоордынских памятниках, полагал, что рост нижневолжских золотоордынских городов был обусловлен развитием караванной транзитной торговли, причем он указывал на то, что золотоордынский город нельзя рассматривать как центр ремесленного производства. Полагая, что Л.Ю. Якубовский переоценил значение золотоордынского ремесла под впечатлением выводов Ф.В. Баллода, М.Г. Сафаргалиев утверждал, что высокоразвитого ремесла как такового в Золотой Орде не существовало (Сафаргалиев, 1995, с. 346–357).

Предпосылки, причинно-следственные факторы для создания городского типа поселений возникают во второй половине XIII – начале XIV в. с формированием в Золотой Орде государственных структур и становлением многоплановой экономической базы. Они многообразны, сложны и не могут быть сведены в одну схему. Значительные трудности с исследованием начальных этапов градообразования возникают в силу того, что на памятниках степной зоны Золотой Орды до сих пор не зафиксированы надежно датированные культурные слои XIII века. Однако, во-первых, объемы раскопок на памятниках, по сравнению с невскрытыми площадями на них, незначительны. И уловить культурные остатки

небольших по площади поселков XIII в. довольно проблематично. Во-вторых, датировка культурных напластований XIII в. затруднена в силу отсутствия эталонных вещественных материалов XIII в. в регионе и ограниченной сферы обращения золотоордынских монет на ранних этапах.

2. Природно-хозяйственные условия Нижнего Поволжья в XIII–XIV вв.

Земли Нижнего Поволжья в наибольшей степени пригодны для животноводческого освоения: здесь имеются зимние, летние, а также осенне-весенние виды пастбищ, имеются запасы пресной воды, есть естественные укрытия для скота. Все это в совокупности позволяло древним народам использовать эту территорию для круглогодичного выпаса скота на подножном корму, несмотря на изменяющиеся условия выпаса, связанные с уровнем увлажненности. Рассмотрим возможности тех районов, где расположены наиболее известные и изученные городища золотоордынского времени.

Правобережье Волги на уровне от устья р. Еруслан до ответвления р. Ахтубы по природным условиям весьма напоминает левобережные участки Приволжской опесчаненной гряды. Полынно-злаковые степи перемежаются здесь вкраплениями луговых лиманов и лощин с влаголюбивой растительностью. Район пригоден преимущественно для животноводческого освоения, луга для сенокосов и осеннего выпаса. В низинах возможно выборочное богарное земледелие. В этом районе на высоком правом берегу р. Волги располагались небольшие города и поселения с преимущественно торговой и ремесленной специализацией (ныне городища Терновское, Водянское, Мечетное), оседлое население которых могло использовать пригодные участки под земледелие.

Северная часть левобережья Ахтубы относится к природному району «северной лугово-лесной поймы» (Доскач, 1979, с. 70–72). Растительные ассоциации этого района соответствуют злаково-разнотравным и злаково-разнотравно-полынным или комплексным пастбищам, что в наибольшей мере подходит для зим-

него выпаса (Доскач, 1979, с. 71). В низинах расположены пойменные леса из вяза, тополя, дуба и ветлы, которые могут служить естественным укрытием для скота и источником топлива для людей. Район хорошо снабжен пресной водой, поскольку, кроме Ахтубинских вод, здесь имеется целая система лиманов и ериков. Таким образом, природные условия северной части левобережья Ахтубы соответствуют всем параметрам, необходимым для организации здесь постоянной кочевнической зимовки. Кроме того, тектоническое строение и почвы этой территории предоставляют возможности к занятию земледелием с использованием искусственного орошения, к выращиванию бахчевых, огородных и плодовых культур (Доскач, 1979, с. 71). В археологическом отношении это район так называемых «Ахтубинских развалин» – почти сплошной полосы золотоордынской застройки, с множеством поселений и кочевнических могильников. Наиболее крупный центр оседлости этой территории – городище Царевское. Здесь активно взаимодействовали оседлое городское, возможно, земледельческое население и кочевое.

Южная часть левобережья Ахтубы до вершины дельты Волги-Ахтубы – это преимущественно луговая пойма. Здесь существенно меньше проток, но множество пойменных озер и стариц рек. Здесь тектонически прослеживается три уровня надпойменных террас, причем площадь низкой поймы небольшая, а средняя и высокая поймы имеют большие площади. Здесь гораздо выше уровень минерализации грунтовых вод. Прирусловые участки с бедной луговой и остепненной растительностью пригодны для садовых насаждений. На ровных участках прирусловой зоны богатые ассоциации злаково-разнотравной растительности. Вдоль русел имеются небольшие пойменные леса из тополя и ветлы. Но, приближаясь к югу района, эти ассоциации исчезают, а на приподнятых участках появляются слабозасоленные солончаковые почвы. В целом район также пригоден для зимнего выпаса скота, а также для ранневесеннего и позднеосеннего его прохождения. Есть здесь и сенокосные угодья и земледельческие возможности, хотя они менее удобны, чем в северной части поймы. В золо-

тоордынское время здесь была расположена столица государства Сарай (ныне городище Селитренное). Здесь зимой в низинах возможно было содержать скот кочующей ханской ставки, проходить с ним через эти земли ранней весной и возвращаться в столицу поздней осенью.

Район дельты хорошо обводнен, богат разными видами почв от лугово-дерновых до болотно-ильменных. Часть дельтовых районов наиболее пригодна для разных вариантов земледелия, возможно разведение водоплавающей птицы. Район очень богат возможностями рыбной ловли, особенно приморский тростниковый пояс дельты. К западу и востоку дельта граничит с южной прикаспийской полупустыней и с окраиной Волго-Уральских перевеянных песков. Это районы, соответственно, западных и восточных подстепных ильменей. В западном районе очень развиты бэровские бугры, понижения между которыми и заняты подстепными ильменями. С древнейших времен район был пригоден для жизни оседлого населения, а бэровские бугры использовались под могильники. Таких поселений золотоордынского времени с сопутствующими могильниками здесь известно множество. Условия жизни в этом районе сильно зависят от уровня Каспия. Опресненные морские воды, нагоняемые сюда при высоком уровне Каспия, создают здесь вполне благоприятные условия для земледелия (преимущественно бахчеводства). Основное значение этот район имеет как место нереста и нагула рыбы.

Восточная же часть дельтового района – суглинистая и супесчаная равнина с массивами перевеянных или закрепленных песков. Бэровских бугров немного. Пырейно-осоковые с разнотравьем ассоциации перемежаются здесь с солончако-луговой растительностью на солончаковых почвах. Район явно пригоден только для животноводческого освоения, причем по характеру это в наибольшей степени весенние и летние пастбища.

Таким образом, условия возможностей функционирования оседлых поселений по берегам Нижней Волги были различными. Практически везде мы видим возможности для жизни и занятий оседлого населения и для скотоводов-кочевников. В районах, со-

прикасающихся со степными и полупустынными территориями, ничто не препятствовало возникновению и росту крупных городов. В районе дельты более удобными были небольшие города и поселения.

С середины XIII по конец XIV в. уровень увлажненности на Нижней Волге был необыкновенно высок, по палеопочвенным данным на 30 мм/год выше современного (Иванов, Васильев, 1995, с. 170). Данные о температуре воздуха, рассчитанные по спорово-пыльцевам спектрам, говорят об общем похолодании, то есть о снижении среднегодовых июльских и январских температур в среднем на 2,5°. По сравнению с предшествующим аридным периодом, в это время существенно увеличивается пыльца полыней и злаков, среди древесных пород господствует пыльца ивы, возрастает количество пыльцы дуба. Облесенность территории Волго-Уральского междуречья, по подсчетам Т.А. Абрамовой и В.И. Турманиной, достигала приблизительно 27 % (Иванов, Васильев, 1995, с. 170). Этому соответствовала самая высокая трансгрессия уровня Каспийского моря за исторический период – дербентская, то есть выше был уровень опресненности почв и грунтовых вод. Таким образом, видно, что природные условия золотоордынской эпохи несколько отличались от современных в сторону большей продуктивности для кочевого скотоводства и даже земледелия. Здесь были сочные травы, множество пресных озер, лиманов и ериков для водопоя, широкая сеть пойменных лесов для зимовок скота. Возможно, это стало причиной выбора Нижней Волги в качестве центра улуса, территории ханских кочевий, способствовало быстрому росту городов и их сельскохозяйственной округи. Анализ палеоботаников показал, что оседлое население Золотой Орды и Нижнего Поволжья, в частности, занималось орошаемым и сухим земледелием, выращивая пшеницу, ячмень, овес и просо, а также садоводством, огородничеством, бахчеводством (Иванов, Васильев, 1995, с. 174). Таким образом, на данной территории можно было сочетать кочевой и оседло-земледельческий типы хозяйства (Греков, Якубовский, 1950, с. 68).

3. Этапы градообразования и функциональные характеристики золотоордынских городов на Нижней Волге

Этапы формирования городов исследовали В.Л. Егоров и Г.А. Федоров-Давыдов. Процесс градообразования у этих исследователей характеризуется сходными периодами. По мнению В.Л. Егорова, в первый период образуются административно-политические центры. В это время начинают строиться замки-усадьбы крупных феодалов, вокруг которых расселяется вассальная аристократия. Определенную социальную группу подобных поселений составляли пленные ремесленники – непосредственные их строители. На втором этапе, в результате развития торговли и ремесла административно-политические центры превращались в полноценные многонаселенные города (Егоров, 1969, с. 42–43, 48). Г.А. Федоров-Давыдов также предполагал, что на первом этапе истории золотоордынского города происходит концентрация аристократических усадеб-замков в качестве административно-политического центра. Дворцы монгольской знати постепенно обрастают кварталами, которые населялись пленными рабами. Происходит концентрация зависимых ремесленников и строителей, пригнанных из покоренных оседлых областей. В эти пункты стекаются и награбленные материальные ценности. Во второй период усадьбы аристократии окружаются мелкими усадьбами вассалов, а районы проживания рабов трансформируются в торгово-ремесленные кварталы, в которых проживал городской плебс (Федоров-Давыдов, 1970, с. 14–15; Федоров-Давыдов, 1994, с. 12, 14–15).

Подобный процесс градообразования выстраивался на материалах одного Царевского городища. Предполагалось, что на первом этапе развития оседание и концентрация чиновничьего аппарата отражают аристократические кварталы с усадебной застройкой, а районы пленных ремесленников-строителей, насильственно переселенных, представлены скоплением рабских землянок. На втором этапе трансформация рабского населения в городской плебс выражалась, по мнению исследователей, в смене

землянок наземными домами и небольшими усадьбами (Федоров-Давыдов, 1970, с. 14–15; Федоров-Давыдов, 1994, с. 14–15; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 70–71).

В этой связи необходимо отметить некоторые противоречивые факты. Исследования Водянского городища показали, что условия жизни переселенного в Золотую Орду русского населения были достаточно благоприятны, что подтверждается и сообщением Гильома Рубрука. Статус этих переселенцев никак не вписывается в рамки рабского положения. Население русского поселка и русского квартала Водянского городища проживало в собственных домах, владели личным имуществом, а их пищевой рацион включал злаковые растения, рыбу и мясо (Мыськов, 2001а, с. 258–259; Путешествия..., 1993, с. 95).

За время исследования Царевского городища ПАЭ в центральном и южном районах памятника, районах проживания городского плебса, раскопано всего три землянки, которые интерпретировались как рабские (раскопы VI-63, V-64, III-66) (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 96, 133, 149). Причем, и по стратиграфическим и нумизматическим данным они не образуют какого-то единого горизонта раннего периода существования памятника. Мнение о том, что эти землянки являлись камерами для рабов, базируется на факте отсутствия в них отопительных устройств и наличия слоев золы и углей, образовавшихся, по мнению исследователей, от жаровень. Но, как совершенно справедливо отметил Е.П. Мыськов, отсутствие отопительных устройств в условиях суровых нижневолжских зим делало землянки совершенно непригодными для жилья (Мыськов, 2001а, с. 258). Кроме того, прослойки золы и угля залегали не отдельными пятнами, что следовало бы ожидать при использовании жаровень, а покрывали в землянках всю площадь пола и суф равномерным слоем 2–5 см. Такие прослойки могли образоваться от обгоревших рухнувших конструкций перекрытия этих сооружений. Скорее всего, подобные землянки и полуземлянки представляли собой времянки для населения Царевского городища, которые забрасывались после сооружения более основательного жилища или переоборудовались в более теплые постройки.

Иной путь градообразования намечает И.В. Волков. Он считает, что ряд золотоордынских городов складывался в результате концентрации нескольких поселений в более крупный конгломерат. Данная посылка основана на примере анализа материалов Азака и его округи. Исследователь не может утверждать, насколько этот вариант градообразования был общим для других городов степной зоны, хотя и проводит некоторые аналогии с поселением у п. Аксарайск Астраханской области (Волков, 1996, с. 89–91).

В настоящее время все более очевидным становится тот факт, что объяснение общих вопросов происхождения и развития городов, городской культуры возможно через конкретно-историческую характеристику каждого населенного пункта в отдельности. Разные условия градообразования порождали отличия в темпах развития поселений.

Средневековый город являлся многоуровневым социальным организмом, общественным концентратом со сложной архитектурно-планировочной организацией, в котором происходило постоянное общение социальных слоев, этнических групп, местом, в котором пересекались их интересы, происходило постоянное взаимодействие и взаимовлияние. Существование подобного сложного явления, как город, в отличие от иных типов поселений, возможно лишь при синтезе определенных функций: экономических, административных, идеологических, культурных. Золотоордынские города Нижнего Поволжья относятся к категории так называемых степных городов, возникших и функционировавших в кочевническом окружении степной зоны. К проблемам и перспективам, связанным с изучением подобных городов, неоднократно обращались современные исследователи средневекового Востока, в частности, Южного и Центрального Казахстана, Приаралья (Бартольд, 1963; Распопова, 1970; Байпаков, 1989; Байпаков, 1989; Пищулина, 1969; Пищулина, 1983). Исследование К.А. Пищулиной позволило определить облик таких городов, прежде всего, как полуаграрный. Продукция земледелия была основным предметом их торговли с кочевой сте-

пью. Источники дают обильную информацию о наличии обширной сельскохозяйственной округи, о развитии орошаемого земледелия, а также садоводства, огородничества, бахчеводства и придомного животноводства. Однако это не означает, что такие населенные пункты были «большими селами». Они были сосредоточены на малой площади, обнесены стеной и, кроме того, в них активно функционировали ремесленные мастерские, лавки и базары для торговли (Пищулина, 1983, с. 169–170).

Важнейшую роль в функционировании степных городов играло ремесло, снабжающее горожан всем необходимым, обеспечивающее процветание городу и его защиту. Хорошо изучено строительное ремесло, а также фортификационные сооружения городов этой зоны. Кроме этого, в них активно перерабатывалась продукция животноводства, поступающая из степи, в целях дальнейшей продажи. Города снабжали степь изделиями городского ремесла, без которых не могли обойтись кочевники. Функционировало железоделательное производство не только для выделки сельскохозяйственных орудий, но и воинского снаряжения (Байпаков, 1979, с. 8; Пищулина, 1983, с. 169–170). Таким образом, высокоразвитое ремесло, квалифицированное ремесленное население играет важнейшую роль в инфраструктуре степных городов и взаимоотношениях со степью.

Степной Казахстан и Присырдарьинские территории – это еще и перекресток торговых путей средневекового Востока. Помимо местного «внутреннего» торга с кочевой степью, здешние города, такие, например, как Сыгнак, были «торговыми гаванями» – транзитными пунктами на караванных путях (Якубовский, 1929, с. 135; Пищулина, 1983, с. 168). К.А. Пищулина полагает, что в городах и оазисах Южного Казахстана в Средневековье существовал довольно стабильный и емкий рынок, основанный на разделении труда внутри всего региона между ремесленниками и земледельцами оазисов и кочевым скотоводческим населением степных районов (Пищулина, 1983, с. 171). Кочевники пригоняли скот, доставляли продукцию скотоводства и пушнину на рынки городов Присырдарьи. В обмен получали хлоп-

чатобумажные и шелковые ткани, доставляемые купцами из других стран, а также предметы ремесла, но главным образом муку, сухофрукты и другие продукты земледелия (Бартольд, 1963, с. 97; Пищулина, 1983, с. 171).

Еще одна важнейшая особенность свойственна этим оазисным городам – они полиэтничны. Источники называют представителей различных кочевых и оседлых племен, как жителей городов, так и прилегающей степной территории. Об общественной жизни этих городов источники дают немного сведений. Известно лишь, что они не имели самоуправления, были вместе с земледельческой округой подчинены власти удельного правителя – родственника правящей династии или кочевого аристократа. Укрепленные города были стратегическими объектами, местом зимовки и центром административного управления для крупных кочевых феодалов. Большую роль в таких городах играло духовенство. Мелкое податное население платило те же налоги и привлекалось на такие же общественные работы, как и горожане среднеазиатских городов.

Наиболее крупные и жизнеспособные города могли очень быстро становиться как административными и культурными центрами государств, так и быть разоренными в одночасье новым политическим лидером региона. Однако, как правило, они довольно быстро возрождались. Важнейшую роль в этом играла многофункциональность города, необходимость его дальнейшего функционирования в данном оазисе как производственного, торгового или административного центра. Необходимо отметить, что подобные функциональные характеристики во многом находят выражение в археологическом материале и нижневолжских золотоордынских памятников.

Выявление археологических признаков, отражающих функциональные критерии «города», как определенного типа поселений, возможно через раскопки широкими площадями. Этому условию, к настоящему времени, отвечают три объекта – Селитренное, Царевское и Водянское городища. Структурно-морфологическая организация данных памятников имеет сложный

микрорельеф, который носил всхолмленный характер со значительными высотными перепадами. Пространственная структура памятников представляла собой застройку жилых кварталов, связанных регулярной уличной сетью в своей нуклеарной части, и рассредоточенную иррегулярную распланировку на периферии. Площадь застройки этих памятников значительна (см. разделы IV.1, V.1, VI.1).

Экономические функции города выражаются в развитом товарно-денежном обращении и его вовлечении в международную сферу, а также в определенном уровне ремесленного производства, его ориентации на массовый выпуск продукции, идущей как на местные, так и международные рынки сбыта. Это отражается в специализации ремесла, разнообразии форм его организации, выделении ремесленных кварталов и производственных участков. На Водянском городище выявлены остатки бронзолитейной мастерской, горн для обжига керамических изделий; обнаружены монеты иностранного чекана (Хорезма, Шаберана, Самарканда, монеты династии Джелаиридов и Хулагуидов) и два крупных клада серебряных монет. На Царевском городище зафиксировано наличие индивидуальных бронзолитейных, золотолитейных, косторезных, керамических мастерских; обнаружены монеты Тебриза, Самарканда, Хорезма, Бейрута, венецианская монета, динары Патанских султанов и 11 крупных кладов серебряных монет. На Селитренном городище выявлены индивидуальные керамические мастерские, горны для обжига извести, стеклоделательная мастерская, усадебные керамические мастерские, керамическая мастерская типа «кархана»; обнаружены монеты Тебриза, Шемахи, Хорезма, Самарканда, китайские монеты, динары Патанских султанов и 8 крупных кладов джучидских монет.

Общественно-административный статус памятника как города проявляется в уличной, регулярной застройке и наличии арычной системы, так как в этом случае предполагается директивная организация работ.

На культурно-идеологическую значимость археологических объектов как элементов городской структуры указывает наличие

монументальных религиозных сооружений, погребальных комплексов, архитектурно выраженных общественных построек, артефактов, свидетельствующих о проживании различных этнических групп. На Водянском городище исследованы мечеть, три мавзолея, общественная баня, выявлены поселок и квартал проживания русского населения. На Селитренном городище раскопаны мечеть, шесть мавзолеев, общественная баня, монументальная общественная постройка.

Помимо собственно золотоордынских кварталов, в которых проживало исламизированное в своей основе тюркоязычное население, в архитектурное пространство города были интегрированы кварталы иных конфессиональных диаспор. В этническом отношении состав городских жителей Золотой Орды был неоднороден. Каждая этноконфессиональная группа размещалась, по всей видимости, в отдельных кварталах, где архитектурной доминантой выступало, очевидно, соответствующее культовое сооружение. Согласно свидетельству Ибн-Батуты, посетившего в 1333 г. Сарай, в нем проживали «монголы – это (настоящие) жители страны и владыки (ее), некоторые из них мусульмане, ассы, которые мусульмане, кыпчаки, черкесы, русские, византийцы, которые христиане». Каждая община занимала «свой участок отдельно», где располагались «и базары их». Особый участок был отведен для торговцев и переселенцев из Малой Азии, «из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест», «где стены ограждают имущество купцов», то есть размещался караван-сарай (Тизенгаузен, 1884, с. 204). Почти каждый год столицу посещали русские князья и посольства. Хотя русских кварталов на Селитренном городище пока не обнаружено, есть все основания предполагать их существование. Крымская рукопись Матендарана свидетельствует о переселении во второй половине XIII в. значительной армянской диаспоры в местечко Ак-Сарай в окрестностях столицы, занимавшихся торговлей и ремеслом и проживавших здесь до 1299 г., когда они переехали в Крым (Крамаровский, 1978, с. 102). Известно и другое свидетельство, относящееся к 1319 году. Армянский писец Хачатур в одной из

своих рукописей сообщает, что она написана в Сарае «под покровительством церкви св. Богородицы и животворящего св. Знамения» (Крамаровский, 1978, с. 102). Вполне резонно полагать, что в столице существовала армянская колония с собственным культовым комплексом.

На рубеже XIII–XIV вв. на северо-восточной окраине Водянского городища был основан русский поселок. Не позднее начала 30-х гг. XIV в. русских переселяют на восточную и юго-восточную окраины, где продолжает функционировать русский квартал.

Золотоордынское государство являлось носителем двух стихий – кочевой и городской, в чем и состоит своеобразие золотоордынской культуры. Возникая в Нижнем Поволжье, поселения нового государства быстро приобретали все необходимые для степного города функции, административно-политические, производственные и торговые. В XIV в., с официальным принятием мусульманства, сочетанию всех этих функций будет придаваться особое значение: переселения квалифицированных ремесленников в нижневолжские города, активная поддержка международной торговли станут важной частью государственной политики. Активно застраивая города мечетями, медресе, другими общественными постройками, приглашая знаменитых религиозных деятелей, литераторов, путешественников, ханы добавят городам «столичной зоны» еще и важнейшие функции культурных и религиозных центров.

4. Динамика градостроительства в золотоордынском Поволжье

В.Л. Егоров выделил шесть этапов градостроительства в Золотой Орде: 1) 40-е гг. XIII в. – восстановление и использование старых городов; 2) первая половина 50-х гг. – начало градостроительства; 3) вторая половина 50-х гг. – 60-е гг. XIII в. – подъем градостроительства; 4) 70-е гг. XIII в. – начало XIV в. – замедленный рост городов; 5) 1312–1357 гг. – расцвет градостроительства; 6) 60-е гг. XIV в. – 1395 г. – затухание и упадок городской

жизни. Однако здесь не учитываются локальные особенности развития городской культуры в Золотой Орде (Федоров-Давыдов, 1994, с. 16).

Анализ хронологии золотоордынских городов и поселений времени тезаврации кладов и данных о единичных находках монет позволяет определить следующую динамику градостроительства в золотоордынском Поволжье. Начало градостроительной деятельности, проводимой золотоордынскими ханами на Нижней Волге, следует датировать началом 40-х гг. XIII века. Согласно сведениям Рубрука, в это время ханом Бату была основана столица Золотой Орды – Сарай; по приказу Сартака на западном берегу Волги, недалеко от Сарая, строился поселок с христианской церковью; продолжал функционировать домонгольский город Суммеркент; в результате политики переселения покоренных народов, на берегу Дона и Волги был основан ряд поселков, населенных русскими и сарацинами (мусульманским населением), в обязанности которых вменялось несение ямской повинности.

Представленная В.Л. Егоровым динамика развития золотоордынских городов в XIII в. предполагает подъем градостроительства при Берке, связываемый с деятельностью хана-мусульманина, и замедленное развитие при ханах-язычниках (Менгу-Тимуре, Туда-Менгу, Тулабуге, Тохты) (Егоров, 1985, с. 77). Выделение этих двух периодов для Нижней Волги кажется не обоснованным и не подтверждается ни археологическими, ни письменными источниками. К настоящему времени известно только одно монументальное здание, которое могло быть построено при Берке – мечеть в Болгарах. Каких-либо четко выраженных культурных слоев, датируемых XIII в., на нижневолжских памятниках до настоящего времени не выявлено.

Наиболее чуткий материал, отражающий пики градостроительной деятельности, остается нумизматический. С территории Нижнего Поволжья (в пределах Астраханской и Волгоградской области) нам известна информация о 55 кладах серебряных и медных монет. Из них 37 содержат сведения о времени их

тезаврации. Только один клад датируется XIII в. – время его тезаврации относится ко времени правления Туда-Менгу (1282–1287 гг.), что составляет 2,7 % от общего количества определимых монетных кладов Нижнего Поволжья. В то же время с территории Среднего Поволжья известно 8 монетных кладов XIII века (Федоров-Давыдов, 1960, с. 131–132). Общее количество бытовых памятников Нижнего Поволжья, на которых обнаружены находки монет, – 43. Монеты, отчеканенные в XIII – начале XIV в. (до 1310 г.) встречаются на 12 объектах. Однако общий процент монет XIII – начала XIV в. по сравнению с более поздними монетами на поселенческих памятниках незначителен. С 671 г. х. налаживается чеканка датированных серебряных монет в Сарае. Очевидно, что в период с 1240-х гг. до 1310 г. в градостроительной политике золотоордынских ханов на Нижней Волге каких-либо кардинальных изменений, чередования периодов подъема и замедленного развития уловить сложно. Этот период характеризуется медленным поступательным развитием градостроительства: возникают новые поселения, используются домонгольские населенные пункты, происходит постепенная концентрация материальных и людских ресурсов, обеспечивших подъем градостроительства в конце правления хана Тохты (1291–1313 гг.).

Подъем градостроительства на территории Нижнего Поволжья фиксируется с 710 г. х., то есть в конце правления хана Тохты. Именно с этого года в столице начинает функционировать новый монетный двор – «Сарай ал-Махруса», обеспечивавший массовую эмиссию однотипной серебряной монеты для всего государства. Распределение кладового материала по датам выпуска старших монет показывает, что время начала накопления большинства нижневолжских кладов приходится на 710 г. х. (10 кладов). К этой же группе кладов следует отнести 3 клада, начальный период накопления которых датируется временем правления Тохты. Таким образом, 35 % кладов начали формироваться в конце правления хана Тохты. Подобная ситуация свидетельствует о концентрации денежной массы у населения Нижнего Поволжья,

что отражает начало периода интенсивного товарно-денежного обращения в регионе. Сконцентрированные к 710 г. х. материальные и людские ресурсы были реализованы в строительстве новых населенных пунктов и развитии существующих ранее, при ханах Узбеке (1313–1342 гг.) и Джанибеке (1342–1357 гг.). В этот период ряд поселений (Водянское, Царевское городища, поселение на Шареном бугре) достигают городской стадии своего развития: резко увеличивается объем денежного обращения, застройка приобретает регулярный характер, строятся общественные здания – мечети, бани, медресе и ханаки, возводятся монументальные погребальные памятники, этим временем датируется функционирование ремесленных мастерских. Значительное влияние в развитии градостроительства в этот период оказала мусульманская культура среднеазиатских и малоазийских городов, интегрированная в нижневолжский регион в результате официального принятия ислама и доминирующих связей со Средней Азией и Волжской Болгарией.

Политическая дестабилизация, связанная с Великой замятней (1359–1380 гг.), негативно сказалась на процессе развития градостроительных традиций Золотой Орды. Период тезаврации большинства кладов (18 или 48,6 %) приходится на 60-е гг. XIV века. Процентное распределение пулов в монетных комплексах Водянского, Царевского и Селитренного городищ показывает, что в 60-е гг. в несколько раз сократился объем денежного оборота. В 70-е гг. упадок городской жизни продолжается. Доля медных пулов этого времени на данных памятниках очень незначительна, что свидетельствует о резком уменьшении объема денежного оборота, а следовательно, и о значительном сокращении населения. Судя по стратиграфии, на Водянском, Селитренном городищах в 60–70-е гг. XIV в. прекращает функционировать ряд монументальных сооружений, значительно сокращается территория населенных пунктов; Царевское городище в этот период было окончательно разрушено.

С приходом к власти Тохтамыша (1380–1395 гг.) военно-политическая конфронтация несколько утихает, что благоприят-

но сказывается и на развитии городской культуры. Доля медных пулов на Водянском и Селитренном городищах в 80–90-х гг. возрастает – увеличиваются объемы денежного обращения. Для того чтобы восстановить потребности внутреннего рынка, налаживается деятельность новых монетных дворов, возрастает практика надчеканивания старой монеты, продолжают функционировать монетные дворы, возникшие в 60–70-х гг. в результате сепаратистских тенденций (Орда, Хаджи-Тархан). В 4 (10,8 %) кладах длительного накопления значительный процент монет (более 60 %) представлен монетами Тохтамыша. Период интенсивного накопления денежной массы в этих кладах происходил в 80–90-е годы. Причем объемы накопления (от 371 до 1832 штук) за этот период вполне сопоставимы с объемами накопления в кладах, сформировавшихся в основном в периоды правления Узбека и Джанибека. В то же время за период Великой замятни не сформировалось ни одного подобного клада.

Поход Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг. окончательно подорвал хозяйственно-экономические основы государства, нарушил хрупкую политическую стабильность, в результате чего было разорено и сожжено большинство городов и поселений Нижнего Поволжья – Сарай, Бельджамен, Хаджи-Тархан. Однако 1395 г. не является рубежной датой, маркирующей окончательный упадок городской жизни. Такие города, как Сарай, Хаджи-Тархан продолжали функционировать и в первых десятилетиях XV века. Они по-прежнему притягивали к себе купцов и торговцев. В Хаджи-Тархане продолжалась чеканка монет. Но экономическая и политическая деградация еще больше усиливалась в результате окончательной децентрализации и распада государства. Объем денежного обращения на Селитренном городище незначителен. Ряд письменных источников свидетельствуют о постепенной потере Хаджи-Тарханом статуса международного торгового транзитного пункта. Известен единственный клад, период накопления которого приходится на конец XIV – первую половину XV века.

Таким образом, динамика градостроительства в нижневолжском регионе Золотой Орды укладывается в следующие этапы:

1. 40-е гг. XIII – начало XIV в. – период медленного поступательного развития урбанизационной структуры.

2. Начало XIV в. – начало 60-х гг. XIV в. – стремительный подъем градостроительства.

3. Начало 60-х гг. – начало 80-х гг. XIV в. – период упадка городской культуры, связанный с Великой замятней.

4. Начало 80-х гг. XIV в. – 1395 г. – временный незначительный подъем, связанный с восстановительной деятельностью Тохтамыша.

5. 1395 г. – первая половина XV в. – полная деградация городской культуры Золотой Орды.

Вопросы

1. Назовите основные факторы, способствовавшие формированию ряда городов в Нижнем Поволжье в золотоордынское время.

2. В чем специфика природных условий Нижнего Поволжья? Чем, на Ваш взгляд, обусловлен выбор золотоордынскими ханами именно этой территории в качестве центра государства и собственных кочевий?

3. Охарактеризуйте основные пути появления городов в Золотой Орде, намеченные в работах отечественных исследователей.

4. Каковы основные функции средневековых степных городов Казахстана и Средней Азии? Похожи ли они на функции золотоордынских городов Нижнего Поволжья?

5. Чем в наибольшей степени обусловлены периоды стремительного роста и спада градостроительства в Нижнем Поволжье?

ГЛАВА III

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

1. Начальный этап изучения золотоордынских древностей

Нижневолжские памятники золотоордынского времени были известны уже с XVI века. Английские путешественники А. Дженкинсон в 1558 г. и Х. Бэрроу в 1579 г. посетили и описали развалины Увека и район переволоки между Волгой и Доном. Известны царские указы конца XVI в. астраханским воеводам о добыче кирпича с «мечетей и полатей Золотой Орды», извести из «ближних и дальних Сараев» на постройку Астрахани. Ряд золотоордынских памятников (Кучугуры, Увек, Сарай и др.) упоминаются в «Книге Большому Чертежу», составленной в первой трети XVII в. и служившей географическим руководством для «государевой службы посылок». Адам Олеарий в 1636 г. и голландец Стрюйс в 1669 г. видели развалины «Царева городка», откуда русские возили кирпич и камень на постройку Астрахани (Зайковский, 1915, с. 157–158).

Собственно же исследования золотоордынских древностей на Нижней Волге начинаются с XVIII в. – с деятельности В.Н. Татищева на посту губернатора Астраханского края и ученых путешествий по южным провинциям российских академиков Самуила Гмелина, Петра Симона Палласа, Ивана Лепехина. В двух письмах к И.Д. Шумахеру, от 25 октября и 29 нояб-

ря 1741 г., В.Н. Татищев оставил описание Селитренного и Царевского городищ. Кроме того, на Селитренном городище им был собран и отправлен в Академию наук подъемный материал: изразцы, монеты, керамические трубы (Егоров, Юхт, 1986, с. 232–239). В 1769 г. С. Гмелиным были исследованы развалины Царевского городища и золотоордынского города в районе «Шареного бугра», который он отождествил с Аджи Дарханом (Хаджи-Тарханом). П.С. Паллас во время своих путешествий в 1772 г. исследовал Мечетное городище, где он обнаружил основания и следы «четвероугольной крепостной стены», «караван-сарая», ремесленной мастерской, мечети, и развалины у с. Селитренное, описав мавзолей и остатки монументальных построек. Им же, в 1782 г., были обследованы остатки поселения в районе Шареного бугра. Академик Петр Фальк посетил и описал Увек и Мечетное городище.

В 1837 г. саратовским краеведом А.Ф. Леопольдовым были осмотрены постройки Водянского городища, представлявшие собой остатки стен и фундаменты кирпичных и деревянных домов, одного большого здания дворцового типа. Он же дал описание Увекского городища, Ахтубинских развалин – культурной полосе, сплошь занятой остатками золотоордынских строений, протянувшихся от устья р. Ахтуба до д. Колобовщина, и собственно Царевского городища. Его развалины А.Ф. Леопольдов идентифицировал с Сараем. Полагая, что в истории Золотой Орды существовало два Сарая, Царевское городище он отнес к более раннему из них (Леопольдов, 1839, с. 97–102).

В 1826 г. был объявлен, а в 1832 г. возобновлен конкурс на лучшую работу по истории Золотой Орды. Программа конкурса была составлена известным русским востоковедом Х.М. Френом и требовала всестороннего подхода к источникам. К 1835 г. была получена единственная работа венского востоковеда Хаммер-Пургшталя «Geschichte die Goldenen Horde in Kiptchak». Комиссия Академии наук не приняла эту работу. Сочинение Хаммер-Пургшталя показало, что без дальнейшего накопления, выявления и критической обработки новых источников (как письменных, так и

археологических) написать историю Золотой Орды невозможно. Узкая нарративная, нумизматическая, археологическая базы предопределили курс академической науки на расширение источниковедческой основы и решение локальных проблем. Данный факт сыграл определенную положительную роль в изучении нижневолжских золотоордынских древностей.

В 1832 г. вышла работа Х.М. Френа «Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мухамедданских династий в прибавлении», в которой были представлены известные к тому времени типы золотоордынских монет. Впервые была поставлена задача – установить численность золотоордынских городов и попытаться отождествить их названия с известными археологическими памятниками. Был составлен список из 38 пунктов чеканки монет и проведена их локализация (Френ, 1832).

В середине XIX в. были начаты первые широкомасштабные официальные раскопки на золотоордынских памятниках в районе с. Царева. Раскопки были начаты в 1843 г., возглавлялись они титулярным советником А.В. Терещенко и продолжались до 1851 года. В силу зачаточного состояния археологической науки в этот период работы в целом носили кладоискательский характер. Тем не менее эти раскопки имели резонанс в академической среде. В частности, был проанализирован нумизматический материал (Х.М. Френ, В.В. Григорьев, Г.С. Саблуков и др.), что помогло установить хронологию исторических событий в Золотой Орде, позволило определить новые имена ханов, локализовать ряд населенных пунктов. С XIX в. активно начал дискутироваться вопрос о двух столицах Золотой Орды, остающийся открытым до сего времени. Подробная его историография изложена в работах В.Л. Егорова, Т.В. Гусевой, Г.А. Федорова-Давыдова.

Суть проблемы состояла в следующем: была ли одна столица Золотой Орды или последовательно существовало два столичных города. Наиболее распространенные на монетах названия столицы – «Сарай», «Сарай ал-Махруса» и «Сарай ал-Джедид», могли быть применены как к разным городам, так и к одному

населенному пункту, но в разные хронологические периоды. Письменные источники сообщают, как правило, об одном Сарае, расположенном на левом берегу Ахтубы, изредка добавляя к названию приставки по именам ханов – Сарай-Бату или Сарай-Берке. Памятников, которые потенциально могли бы быть отождествлены с бывшей столицей по левому берегу Ахтубы, было два – у с. Селитренное в Астраханской области и у с. Царев в Волгоградской. Такие исследователи XIX в., как А.В. Терещенко, Х.М. Френ, В.В. Григорьев полагали, что существовал единственный столичный город – Сарай и локализовывали его на Царевском городище. Сарай ал-Джедид представлялся либо частью Старого Сарая (Х.М. Френ), либо ханским дворцом (В.В. Григорьев), а Селитренное городище – ставкой хана (А.В. Терещенко), или огромным некрополем (В.В. Григорьев). Г.С. Саблуков, Ф.К. Брун, А.А. Спицын, Д.Ф. Кобеко, Ф.Ф. Чекалин полагали, что существовало два Сарая, один (более ранний) был локализован на Селитренном городище, а Новый Сарай большинство исследователей идентифицировали с городищем у с. Царев.

2. Деятельность дореволюционных краеведческих организаций по исследованию золотоордынских памятников

Начало нового этапа в истории изучения золотоордынских памятников относится к 80-м гг. XIX века. Развитие русской общественно-политической мысли во второй половине XIX в., протекавшей в русле просветительских тенденций, общий культурный подъем, предопределили смещение приоритетов в изучении истории, археологии, нумизматики, этнографии. До 80-х гг. XIX в. определяющую роль в изучении золотоордынских древностей играли академическая и университетская среда, Министерство внутренних дел. В 80-х гг. XIX столетия начинается активное формирование краеведческих организаций – различного рода «обществ» и «ученых архивных комиссий», одной из основных целей которых являлись археологические и исторические изыскания в крае.

Так, в 1872 г. в Астрахани создается Петровское общество исследователей Астраханского края. Однако наиболее значительную роль в изучении археологических памятников на Нижней Волге сыграла Саратовская Ученая Архивная Комиссия, которая была учреждена в 1886 году.

В начальный период своей истории члены этих обществ (по большей части чиновники земских учреждений, студенты, преподаватели, врачи и т. д.), занимавшиеся краеведческими штудиями в свободное от основной работы время, были далеки от профессиональной археологической деятельности. Часто для проведения раскопок привлекались столичные археологи. Однако постепенно среди сотрудников СУАКа выделяется группа молодых исследователей, занимающихся только археологическими изысканиями, причем на достаточно высоком профессиональном уровне для того времени – А.А. Кротков, Б.Ф. Зайковский, П.Н. Шишкин, С.А. Щеглов и др.

В целом период деятельности СУАК характеризуется активными археологическими работами, собиранием различных древностей у местных жителей. Проводится работа по составлению археологической карты Саратовской губернии; регулярно выходит сборник Архивной Комиссии «Труды СУАК», в котором публикуются отчеты раскопок, материалы исследований, случайные находки и сводки нумизматических данных; под эгидой СУАК создается и функционирует губернский музей в Саратове.

В 1861 г. А.Н. Минхом был начат сбор сведений о древних памятниках Саратовской губернии. Результатом его работ стал «Историко-географический словарь Саратовской губернии», опубликованный на рубеже XIX–XX вв., который содержит ряд небольших рубрик о древних памятниках, в том числе о поселениях золотоордынского времени — Увеке, Водянском, Мечетном, Даниловском городищах, поселении у с. Прямая Балка (Минх, т. 1, вып. 1–4, 1898–1902). К 1871 г. Х.И. Попов также собрал значительные сведения о памятниках, находящихся в землях войска Донского (Попов, 1871, с. 166–183).

В 1888 г. на территории Водянского городища членами СУАК были предприняты двухдневные раскопки, в результате которых были раскопаны остатки нескольких зданий из квадратного золотоордынского кирпича, участок водопровода, мраморная колонна. Впервые же обследование Водянского городища, без проведения каких-либо раскопок, было предпринято Н.А. Толмачевым еще в 1854 году.

В том же 1888 г. по решению историко-этнографической секции Петровского общества для обследования Селитренного городища был направлен историк-нумизмат К.И. Малиновский. Им был скуплен ряд вещей и монет, исследован подземный склеп.

В 1891 г. под наблюдением С.С. Краснодубровского и руководством Л.Л. Голицына проводились крупномасштабные раскопки Увекского городища, которые, однако, уже в то время вызвали весьма негативные отзывы в печати. В 1892–1893 гг. на памятнике Ф.В. Духовниковым и А.А. Лебедевым велись наблюдения за строительством железной дороги. В 1895 г. французским археологом бароном де Бай на Увеке проводились вскрытия культурного слоя (Недашковский Л.Ф., 2000, с. 8). Членами СУАК осуществлялись регулярные скупка и сборы находок с Увека. В 1913 г. под наблюдением П.Н. Шишкина был вскрыт крупный мавзолей.

Археологическая деятельность членов СУАК активизируется с 1907 года. В течение нескольких лет (1905–1907 гг.) Б.В. Зайковским исследовалось Водянское городище: за этот период им было просмотрено более 2 тысяч монет и установлен период денежного обращения (с 717 по 794 г. х.); собран богатый подъемный материал. Он констатировал следы огромного пожарища на городище и связал его с нашествием Тамерлана. Присоединяясь к мнению Н.А. Толмачева и Ф.Ф. Чекалина в вопросе отождествления Водянского городища с Бельджаменом средневековых источников, Б.В. Зайковский выдвинул тезис о том, что основным условием появления и развития золотоордынского города являлось удобное географическое положение в районе волока между Доном и Волгой (Зайковский, 1908, с. 33–34).

Им же в 1907 г. было детально обследовано Даниловское городище, а в 1908 г. открыты Терновское городище и одно из Терновских селищ. Позднее, в 1910 г. членами СУАКа А.А. Кротковым, С.А. Щегловым, Б.В. Зайковским проводились разведки и раскопки в окрестностях сл. Даниловка, послужившие хорошим дополнением к материалам Даниловского городища (Зайковский, 1913). В 32 номере «Трудов СУАК» за 1915 г. Б.В. Зайковский опубликовал исторический очерк, посвященный Мечетному городищу, в котором была дана топографическая ситуация памятника, приведены исторические свидетельства путешественников XVI–XVIII веков (Зайковский, 1915).

Весной 1914 г. попечителем СУАК, саратовским губернатором князем А.А. Ширинским-Шихматовым были проведены раскопки на Водянском и Мечетном городищах. За несколько дней экспедиции на Водянском городище было заложено 5 раскопов-траншей. В этот период участники раскопок обнаружили ряд погребений, остатки нескольких деревянных зданий; собрали подъемный материал (Щеглов, 1915, с. 145–152). Раскопки на Мечетном городище дали ряд интересных находок; были проведены траншеи через развалины нескольких построек (Ширинский-Шихматов, 1915, с. 159–163).

Если рассматривать уровень исследовательской работы сотрудников СУАК и Петровского общества в отношении археологических памятников, следует признать низкую методическую планку раскопок. Как правило, археологические изыскания ограничивались топографическим описанием памятника, сбором подъемного материала и скупкой предметов древности, небольшими раскопками траншейным способом, малоинформативным и неэффективным. Массовый материал, за исключением нумизматического, в научный оборот не вводился. Графическая фиксация результатов работ оставалась довольно примитивной. Интерпретационный уровень исследования раскопочного материала не предполагал каких-либо глубоких аналитических и типологических операций.

Несмотря на эти недостатки, благодаря работе местных краеведов был открыт и изучен ряд золотоордынских памятников:

поселение у ст. Тишанской, Дурновской, Глазуновской на Дону, у с. Прямая Балка, Балыклей, Даниловское и Терновское городища на Волге.

Как уже отмечалось, столичные исследователи активно сотрудничали с учеными комиссиями, принимали участие в «экскурсиях», организованных членами СУАК. Но проводились и самостоятельные изыскания. Так, А.А. Спицын (Императорская археологическая комиссия) в 1893 г. предпринял исследования некоторых нижневолжских золотоордынских городов и поселений – Селитренного, Царевского, Водянского городищ, поселения на Жареном (Шареном) бугре, Увека. Пункты обследовались разведочно, за исключением Жареного бугра, на котором были заложены несколько траншей. В одной из траншей был вскрыт склеп – «кибитка» (Спицын, 1895).

В этот же период среди столичных исследователей развернулась дискуссия вокруг вопроса о месторасположении загадочного Гюлистана. Еще Х.М. Френ и В.В. Григорьев считали, что Гюлистан являлся пригородом Сарая и размещался в окрестностях Царевского городища. Н.И. Веселовский, опираясь на результаты раскопок А.В. Терещенко, локализовал Гюлистан у д. Колобовка в 7 км от Царевского городища ниже по течению Ахтубы. Он полагал, что это был ханский дворец в столичном пригороде (Веселовский, 1907; 1912). В.К. Трутовский утверждал, что Гюлистан был городом и помещал его на месте Селитренного городища (Трутовский, 1889; 1911). Дискуссия по этому вопросу так и осталась открытой. Аргументация сторон являлась больше гипотетичной, чем доказательной, была слабо подкреплена археологическими данными.

Был исследован ряд средневековых западноевропейских географических карт (рис. 1–3). Особенно следует отметить работы Ф.К. Бруна и Ф.Ф. Чекалина. Ф.К. Брун, привлекая широкий круг письменных источников, анализируя материалы карт Пицигани и Каталонского атласа, попытался увязать обозначенные на картах пункты с конкретными золотоордынскими памятниками. Им были локализованы город Agitarcam Каталонского атласа, города Civitas

regio d' sara, lochahi и yolochi, tortanlli, становища casar de boco, casa de jarcasi, jaguracam и jambalec, переволока (passagium) между Доном и Волгой карты Пицигани. Остались не локализованы населенные пункты taraga, tanice, kabaco, kabanco (Брун, 1873). Работа Ф.Ф. Чекалина, в которой анализировались Каталонский атлас и карта братьев Пицигани, дала мало нового по сравнению со статьей Ф.К. Бруна (Чекалин, 1889, с. 14–25). Гораздо оригинальнее его другая работа, посвященная карте Фра-Мауро, в которой уточняется местоположение ряда золотоордынских городов Нижнего Поволжья; проводится мысль о существовании двух Сараев (Чекалин, 1890, с. 247–251). Однако масса несоответствий и изменения в легендах и шрифте карты оригинала в передаче Ф.Ф. Чекалина снижает ценность работы, а в ряде случаев требуется пересмотреть некоторые положения (вопрос о двух Сараях) (Варваровский, Евстратов, 1998, с. 174–181).

3. Изучение древностей Золотой Орды в 20–30-е гг. XX в.

Определенной вехой в истории изучения золотоордынских древностей следует считать 20-е гг. XX в., когда на базе Саратовского университета было организовано историческое отделение, находившееся в разные годы в структуре различных факультетов (историко-филологического, общественных наук, педагогического). Для работы в Саратовском университете был приглашен один из крупных специалистов по древнеегипетскому искусству и археологии, профессор Ф.В. Баллод. В эти же годы начинает свою работу в университете П.С. Рыков, с чьим именем связано формирование археологической школы в Саратовском крае, в которую входили П.Д. Рау, Н.К. Арзютов, Т.М. Минаева, И.В. Синицын, А.Н. Кушева-Грозевская. Археологические работы принимают планомерный и системный характер. Совершенствуется методика полевых работ. В эти годы постоянно проводились научные конференции, публиковались сборники работ, выходила популярная литература по археологической проблематике, регулярно печатались периодические издания. Основным координирую-

щим органом становится Нижневолжский Институт краеведения при Саратовском университете, определяющий основные направления работ саратовских археологов.

Необходимо отметить и серьезный негативный момент в этот период – ликвидацию Нижневолжского общества краеведения (НВОНОК). Уже в годы Гражданской войны при Саратовском университете было организовано Общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), продолжавшее традиции СУАК. Многие члены ИСТАРХЭТ являлись бывшими сотрудниками СУАКа – Б.М. Соколов, С.Н. Чернов, Б.В. Зайковский, П.Н. Шишкин и ряд других. В 1925 г. ИСТАРХЭТ был преобразован в Нижневолжское общество краеведения. Постепенно бывшие сотрудники СУАК выживаются из структур НВОНОК, а в 1930 г. общество окончательно ликвидируется, как и большинство других краеведческих сообществ, являвшихся преемниками дореволюционных Ученых архивных комиссий. Возможности этих организаций остались нереализованными.

Несмотря на сложную обстановку Гражданской войны, Ф.В. Баллоду удалось организовать ряд экспедиций для археологического обследования правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы. В результате разведочных работ были раскопаны несколько курганов у с. Терновка и Мечетного городища, зафиксированы, описаны и обмерены стационарные поселения золотоордынского времени – у с. Усть-Курдюм, г. Саратов, с. Квасниковки, Даниловки, Ураковки, Терновки, Дубовки, Верхнего и Нижнего Погромного, Винновки, Рынок. Отсутствие средств не позволило Ф.В. Баллоду провести на них каких-либо основательных исследований, и он ограничился лишь сбором подъемного материала, шурфовкой и закладкой небольших траншей. Результатом проделанной работы явилась монография «Приволжские Помпеи», где помимо сводки памятников была представлена характеристика золотоордынского города. Анализируя структуру Водянского городища, Ф.В. Баллод попытался определить тип золотоордынского города как мусульманского, выделив в его структуре цитадель, медину (внутреннюю часть города), рабад

(предместье) и рустаки (группы селений, привязанных к городу). Золотоордынское искусство и архитектуру Ф.В. Баллод характеризовал как своеобразное направление в рамках мусульманской культуры (Баллод, 1923).

В 1922 г. ученым были предприняты исследования на Царевском и Селитренном городищах. Отождествляя Царевское городище с Новым Сараем, а Селитренное со Старым, Ф.В. Баллод попытался разработать их топографию. Он выделил ряд районов: на Царевском городище – административный, знати, торговый, собственно город, загородных дворцов и дач, промышленный, бахчей и дач; на Селитренном – центр, кварталы городской бедноты, промышленный район, квартал богатого населения (Баллод, 1923а). Однако подобное разграничение районов и структурирование городской застройки не было подкреплено какими-либо широкими раскопками. На Селитренном городище Ф.В. Баллод раскопал колодец, горн, мавзолей и несколько домов; на Царевском исследовал несколько усадеб и домов, систему бассейнов.

В 1924 г. члены Петровского общества приступили к изучению Шареного бугра. В результате нескольких «экскурсий» был собран подъемный материал, проведены топографические съемки, произведены небольшие раскопки. Исследования этого года показали, что поселение на Шареном бугре обладало развитым ремесленным производством, вело широкую торговлю.

С 1928 по 1931 г. П.С. Рыков работал на Селитренном городище. Это, пожалуй, первая попытка систематических раскопок столичного центра Золотой Орды, в ходе которых были выявлены часть мечети или мавзолея, склепы и жилые постройки (Рыков, 1932, с. 105–110).

Большая работа по сбору сведений и выявлению археологических памятников к археологической карте Нижне-Волжского края была проделана А. Ильиной и П. Шишкиным (Ильина, Шишкин, 1929). Свод памятников включал ряд сведений о находках монет у д. Акатовка, с. Верхне-Погромное, с. Безродное, ст. Слащевская, населенных пунктах у г. Николаевска, пос. Городище, с. Колобовка, с. Зубовка, с. Дмитриевка, ст. Мариновка и других объектах.

Подводя итоги этого периода, следует отметить, что методический уровень раскопок в регионе стал значительно выше, работы приобрели планомерный характер. Интерпретационные и теоретические разработки местных археологов накапливающегося материала по городской культуре Золотой Орды оставались довольно слабыми и носили в целом обобщающе-популярный характер.

Исключение представляют работы А.Ю. Якубовского, посвященные проблемам золотоордынских городов, которые представлялись типично восточными феодальными центрами (Греков, Якубовский, 1950, с. 145). Отмечая высокий уровень развития городской жизни в Золотой Орде, основным фактором, способствовавшим росту городов, А.Ю. Якубовский считал налаживание торговых отношений в системе город – степь, и международных связей (Якубовский, 1931, с. 10–12). Немаловажным фактором, по его мнению, являлся прирост городского населения в Нижневолжских городах за счет притока населения не из кочевой среды, а из старых земледельческих оседлых районов – Хорезма, Кавказа, Руси. В формах материальной и духовной культуры, как полагал А.Ю. Якубовский, проявлялось определяющее влияние Хорезма (Якубовский, 1931, с. 12–14).

Очень высоко А.Ю. Якубовский оценивал уровень городского ремесленного производства. В своих работах он постоянно использовал такие термины, как «ремесленная промышленность», «заводы». Характеризуя разнообразие производства, он выделял отдельные кварталы ремесленников по металлу – квартал кузнецов, квартал ремесленников по выделке земледельческих орудий, квартал ремесленников по выделке ножей и холодного оружия и т. д. Единственной формой социальной организации ремесла исследователь считал «карханы» – цеховые объединения по аналогии с малоазийскими мастерскими (Якубовский, 1931, с. 14–21; 1932).

В своих отчасти преувеличенных и преждевременных выводах и оценках А.Ю. Якубовский основывался только на старых материалах, полученных в результате раскопок Царевского горо-

дица А.В. Терещенко и Ф.В. Баллода, а также сведениях письменных источников; каких-либо новых археологических данных он не использовал. Здесь сказывалось определенное веяние эпохи – в 30-е гг. наблюдается широкое распространение «социологического абстракционизма» (по определению В.М. Массона), когда теоретические положения разрабатывались без должного учета конкретных археологических материалов. В целом работы А.Ю. Якубовского показали, что для реконструкции городской золотоордынской культуры археологическая база оставалась довольно узкой.

С середины 30-х гг. и до 1959 г. в истории изучения золотоордынских поселенческих памятников наблюдается своеобразная лакуна. Предпочтение в полевых исследованиях отдавалось погребальным комплексам – курганам.

4. Современные исследования в Нижнем Поволжье

Ситуация в золотоордынской археологии кардинально изменилась в 1959 г., когда в журнале «Советская археология» вышла статья А.П. Смирнова и Г.А. Федорова-Давыдова «Задачи археологического изучения Золотой Орды», определявшая основные направления исследований. В этом же году было положено начало исследований золотоордынских памятников широкими площадями, что открывало большие возможности для более глубоких обобщений, реконструкций и интерпретаций. Под эгидой Института археологии АН СССР и Московского государственного университета была организована Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ). Она проводила регулярные, систематические исследования на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья – Царевском (1959–1968, 1971, 1973, 1994–1998 гг. – вскрыто около 10 тыс. кв. м), Селитренном (1965–1971, 1975–1995 гг. – вскрыто более 20 тыс. кв. м), Водянском (1967–1974 гг. – вскрыто около 5 тыс. кв. м). Кроме того, на Водянском городище работали экспедиции Казанского государственного университета (1988–1990 гг.) под руководством А.Г. Мухамадиева и Волгоградского государ-

ственного педагогического университета (1992–2005 гг.) под руководством Е.П. Мыськова. На Селитренном городище в 1995, 1997, 1999, 2000 гг. на Красном бугре Э.Д. Зиливинской проводились раскопки крупной золотоордынской усадьбы.

В то же время не оставались без внимания и другие объекты. В 1966 г. экспедицией А.М. Мандельштама проводились раскопки окраины Хаджи-Тархана (Шареный бугор), в результате которых было выявлено 22 землянки, комплекс керамической мастерской. Небольшие раскопки на этом же памятнике в 1984 г. были проведены В.В. Плаховым, в ходе которых был вскрыт крупный усадебный дом (Ерзакович, 1973; Кутуков, 1994, с. 49–50). Нижневолжским отрядом Астраханской экспедиции ЛОИА под руководством Е.В. Шнайдштейн и А.Н. Мелентьева в 1969 г. осуществлялись исследования бугров Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе, где были раскопаны 8 землянок, 8 печей для обжига керамики, мусульманский некрополь (145 погребений) (Шнайдштейн, 1979). Приволжский отряд ЛОИА под руководством В.И. Мамонтова в 1971 г. изучали археологический комплекс – поселение, курганный могильник, остатки крупного средневекового строения в районе ст. Глазуновская в Волгоградской области (Мамонтов, Ситников, 1995, с. 89–102). В течение трех полевых сезонов (1983–1985 гг.) Е.В. Шнайдштейн проводились раскопки селища у с. Бутырки Ахтубинского района Астраханской области, давшие разнообразные сооружения – землянки, печи для обжига кирпича, мавзолей (Шнайдштен, 1990). В течение 1989–1991 гг. разными исследователями (П.В. Казаков, Е.В. Шнайдштейн, С.А. Котеньков) раскапывалось Красноярское городище. В результате был получен материал, характеризующий памятник как небольшой провинциальный город (Казаков, Пигарев, 1998, с. 72–83). Параллельно до недавнего времени проводились исследования могильника «Маячный бугор» – некрополя Красноярского городища. У с. Самосделка Камызякского района Астраханской области в 1990–1994 гг. астраханскими археологами было обследовано крупное поселение, на котором фиксировался значительный золотоордынский слой. С 2000 г. на этом памятнике

проводятся планомерные раскопки под руководством Э.Д. Зиливинской и Т.Ю. Гречкиной (Васильев, 2004). В 1980–1990-е гг. В.В. Плаховым проводились раскопки поселения у пос. Комсомольский в Астраханской области, в ходе которых был исследован ряд монументальных мемориальных построек и дворцовых зданий (Федоров-Давыдов, 1994, с. 35). Небольшие раскопочные работы на современном этапе в разные годы проводились также на золотоордынских поселениях у пос. Мошаик, с. Лапас (поселение «Ак-Сарай») в Астраханской области, с. Колобовка в Волгоградской области.

В 50–90-е гг. XX в. в Астраханской, Волгоградской и Саратовской областях активизировались и разведочные работы. В процессе их проведения был выявлен целый ряд новых бытовых памятников золотоордынского времени.

В результате был накоплен значительный по объему археологический материал. Отечественными исследователями разрабатывался целый комплекс вопросов градостроительной культуры Золотой Орды. Особое внимание в научной литературе уделялось типологии жилой золотоордынской архитектуры и выяснению роли различных этнокультурных традиций, оказавших влияние на формирование тех или иных домостроительных форм (В.Л. Егоров, Т.В. Гусева, Г.А. Федоров-Давыдов, Э.Д. Зиливинская). Превалирующими считались монгольские и среднеазиатские инновации. В работах Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, И.В. Волкова анализировался процесс градообразования, его причины и этапы. Специальная работа В.Л. Егорова была посвящена исторической географии Золотой Орды. Определение всех археологических бытовых памятников в качестве городищ и соотнесение их с одним социокультурным понятием – городом создавало впечатление о высоком уровне урбанизации в улусе Джучи. Изучение развития конкретных поселенческих памятников нашло отражение в работах Т.В. Гусевой о Царевском городище, Л.Ф. Недашковского об Укеке, Е.П. Мыськова о Водянском городище (Гусева, 1985; Недашковский, 2000; Мыськов, 2001а). Анализу архитектурно-строительных особенностей монументальных построек посвяще-

ны работы Э.Д. Зиливинской. Вопрос о планировочной организации золотоордынского города поднимался в работах Г.А. Федорова-Давыдова. Обобщая материалы раскопок Царевского городища, исследователь констатировал усадебный принцип городской планировки, что, по его убеждению, сближало золотоордынский город с монгольскими городами Центральной Азии XIII века. В работах многих исследователей рассматривались проблемы локализации городов, известных по нумизматическим, картографическим, письменным источникам с конкретными археологическими объектами. За этот период были предложены весьма противоречивые варианты локализаций ряда населенных пунктов (В.Л. Егоров, Г.А. Федоров-Давыдов, А.Г. Мухамадиев, Т.В. Гусева, С.А. Янина, О.Г. Рогачев, И.В. Евстратов, Е.Ю. Гончаров, И.В. Волков, В.Г. Рудаков).

Постоянно увеличивающаяся база археологического материала предопределила качественный рост обобщающих работ и интерпретационных возможностей. Отдельные вопросы градостроительной культуры широко отражены в работах отечественных исследователей. Были разработаны типологии построек, намечены этнокультурные компоненты, определившие формирование городской культуры в тех или иных формах, анализировались причины возникновения золотоордынских городов, процесс градообразования и этапы ханской градостроительной политики. Определенные разработки были сделаны в области исторической географии Золотой Орды.

Вместе с тем ждут своего окончательного решения проблемы локализации золотоордынских городов. Не получили детального освещения вопросы, связанные с бытовым укладом жизни городского населения, с формированием и развитием институциональной сферы и социальной стратификации городского общества. Определенные корректировки могут быть внесены в исследование процесса градообразования. Значительного уточнения требуют различные аспекты ремесленного производства, торгового обращения, торговых связей.

Вопросы

1. Какие из золотоордынских памятников Нижнего Поволжья были известны в первой половине XIX в.? Охарактеризуйте период изучения золотоордынских древностей до начала первых археологических раскопок.

2. Когда, под чьим руководством и на каком золотоордынском памятнике были начаты первые археологические исследования в Нижнем Поволжье? Охарактеризуйте основные этапы и результаты этих работ.

3. В чем состоит суть дискуссии «о двух Сараях»? Каковы ее итоги для изучения древностей Золотой Орды?

4. Какой вклад внесли краевые археологические учреждения XIX – первой половины XX в. Нижнего Поволжья в изучение городов Золотой Орды?

5. В чем состояла специфика исследований Поволжской археологической экспедиции на территории Нижнего Поволжья? Какую роль сыграли организаторы и участники экспедиции в становлении золотоордынской археологии?

6. Назовите основные памятники и охарактеризуйте направления работ современных исследователей нижневолжских городов Золотой Орды.

Elektest.ru

ГЛАВА IV

СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ

1. Территория и исследования городища

Селитренное городище расположено в 115 км к северу от г. Астрахань на высокой надпойменной террасе левого берега Ахтубы. Судить о размерах памятника в настоящее время довольно трудно. На окраинах его застройка принимает иррегулярный, рассредоточенный характер, причем площади, занимаемые пригородами, значительны. Часть городища застроена постройками современного села Селитренное (рис. 5). Кроме того, большие объемы работ по добыче кирпича и извести, проводившиеся здесь с XVII в., сильно повлияли на топографическую картину памятника. По одним оценкам он был вытянут вдоль берега Ахтубы на 3–4 км, и занимал площадь порядка 10 кв. км (1000 га) (Егоров, 1985, с. 115). По свидетельству Ф.В. Баллода, территория, занимаемая Селитренным городищем, составляла 36 кв. верст (более 3600 га) (Баллод, 1923а, с. 31). По последним данным территория собственно города была вытянута вдоль Ахтубы на 7 км, а вглубь степи простиралась на 2 км (1 400 га) (Рудаков, 2004). Территорию памятника пересекают бэровские бугры, вытянутые по линии юго-запад – северо-восток. В северной части памятника располагалось большое озеро или пруд. Возможно, именно о нем сообщал ал-Омари, как о главном источнике технического водоснабжения (Тизенгаузен, 1984, с. 242).

Первое научное описание Селитренного городища было предпринято В.Н. Татищевым в 1741 году. Позднее, в течение XVIII в., памятник посещали И.П. Фальк, П.С. Паллас. В 1836

г. по поручению Министерства внутренних дел М.С. Рыбушкиным проводились раскопки «курганов» близ с. Селитренное, в ходе которых был выявлен и золотоордынский материал. Н.П. Загоскиным в 1875 г. была собрана коллекция монет, керамики, архитектурного декора и составлено описание руин памятника. В 80-х гг. XIX в. членом Петровского общества исследователей Астраханского края К.Н. Малиновским проводился сбор древних вещей и монет с Селитренного городища, велись раскопки различных его частей, правда, весьма непрофессиональные. В 1893 г. член Археологической комиссии А.А. Спицын провел археологические разведки на городище. В ходе археологических изысканий в 1922 г. Ф.В. Баллод снял план памятника, исследовал подземный купольный склеп, колодец, горн, жилые постройки, собрал значительную коллекцию вещевого материала. В 1931 г. саратовским археологом П.С. Рыковым в ходе археологических работ было раскопано несколько мавзолеев, жилое здание и остатки мечети (Рудаков, 2000). С 1965 г. по 1995 г. на Селитренном городище Поволжской археологической экспедицией проводились широкомасштабные раскопки. Позже на памятнике работала экспедиция под руководством Э.Д. Зиливинской.

2. Локализация золотоордынской столицы. Проблемы хронологии

Сарай письменных, картографических и нумизматических источников достаточно уверенно локализуется на Селитренном городище. Впервые город Сарай упоминается под 1253 г. Рубруком, который свидетельствовал о том, что он располагается в нижнем течении Волги на ее восточном берегу (Путешествия..., 1993, с. 163–165). По сообщению Абуль-Фиды от 1321 г., Сарай – «город великий, столица государства Татарского», находился на берегу Итиля с северо-восточной стороны, в двух днях пути от которого к юго-востоку располагалось Хазарское (Каспийское) море. Сарай Абуль-Фиды соответствует местоположению Селитренного городища. Два дня пути вниз по течению в булгаро-арабской

традиции составляло 140–150 км (из расчета – один день – 70–75 км). Расстояние от Селитренного городища до предполагаемого уровня береговой линии Каспийского моря того времени составляет 130–160 км. При описании торгового маршрута из Итиля в Китай Пеголотти информирует о том, что расстояние, отделяющее Хаджи-Тархан (Шареный бугор) от Сарая, составляло один день пути, которое проходилось по воде. Расстояние от Селитренного городища до Шареного бугра составляет около 100 км, что соответствует информации Пеголотти. Местоположению Селитренного городища отвечает и Сарай средневековых карт (карта братьев Пицигани, Каталонский атлас, карта Фра Мауро). Селитренное городище представляет собой самый крупный и сложно структурированный археологический объект городского типа золотоордынского времени. Это также в какой-то степени предполагает его столичный статус.

Некоторое противоречие вызывает тот факт, что археологические раскопки, проводившиеся на Селитренном городище, пока не дали культурного слоя XIII века. Это даже дало повод некоторым исследователям полагать, что на месте Селитренного городища располагался Новый Сарай (Сарай ал-Джедид), а Сарай XIII – начала XIV в. находился в другом месте, ниже по течению Ахтубы (Пачкалов, 2001). Учитывая, что площадь памятника огромна, а раскопками вскрыто только около 2 га, причем в основном они проводились в одном районе (западный сектор городища в районе Красного бугра и Кучугур), отсутствие слоев города XIII в. объяснимо.

В 1254 г. Сарай представляется в письменных источниках городом (Путешествия..., 1993, с. 163–165). Возникнув как стационарный центр ханской администрации, куда стекались людские и материальные ресурсы, город быстро развивался. Судя по датированным типам монет, выпуск дирхемов здесь налаживается в 671 г. хиджры при Менгу-Тимуре, хотя объемы эмиссии были небольшими (Лебедев, 2000). В 1310 г., после проведения денежной реформы ханом Тохтой, в массовом количестве начинается чеканка монет Сарай ал-Махруса. Сарай становится основным цен-

тром чеканки серебряных, а позднее и медных монет. Резкий импульс в развитии города происходит при Узбеке в 1330–1340-е годы. Именно к этому периоду относятся сообщения ал-Омари и Ибн Батуты о Сарае, как «великом» городе, «красивейшем, достигшем чрезвычайной величины» (Тизенгаузен, 1884, с. 241–242, 306). Процент медных монет 1310–1320-х гг. с Селитренного городища составляет менее 1 %, а уже 1330-х гг. – порядка 18 %, 1340-х гг. – 24 % от общего числа монет. К этому же периоду (1330–1340-е гг.) относится и начало функционирования усадебных комплексов, мечети, бань, выявленных в ходе археологических раскопок. В последующее десятилетие уровень развития города сохраняется – в 1350-е гг. процент медных пулов составляет также около 24 % (Блохин, 2001, табл. 6). На период с 1330-х по 1360-е гг. приходится расцвет двух наиболее исследованных районов Селитренного городища – район между Больничным бугром и Кучугурами (р. IX, X, XVII), район между буграми Кучугуры и Красный (р. II, VIII, XI, XV, XXI). В первом районе функционировали мастерские по изготовлению извести и располагались небольшие усадьбы. Во втором районе к этому периоду относится функционирование соборной мечети, общественной бани, Г-образного здания, служившего, по всей видимости, ханакой, керамических мастерских. Наряду с жилищами рядового населения города, здесь существовали крупные усадебные комплексы (Рудаков, 2001, с. 63–64).

Но в 1360-х гг. развитие города замедляется. Процент монет этого периода – около 20. Великая замятня оказала на Сарай, как и на другие города Поволжья, дестабилизирующее действие. В 1370-х гг. объемы денежного обращения резко сокращаются (3 %). В эти же годы (1360–1370-е гг.) прекращают функционировать усадьбы, мечеть, бани. Город переживает период упадка. Городская территория начинает сокращаться. Наблюдается наступление на городскую застройку некрополей.

Некоторый ренессанс фиксируется при Тохтамыше. Объем монетной чеканки пулов за 1380–1390-е гг. составил 9,07 %, а дирхемов возрос до 23,36 % (Блохин, 2001, табл. 6). В 1395 г. город

подвергся разрушению войсками Тимура. В течение нескольких последующих десятилетий XV в. город полностью деградировал.

На примере трех участков раскопов II, VIII, XI Селитренного городища в его западной части хорошо наблюдается процесс запустения города и наступление на его застройку некрополя. В 1330–1360-х гг. здесь располагалась городская застройка – крупные усадьбы, рядовые жилища, организованные уличной сеткой. В течение короткого времени в 1360–1370-е гг. XIV в. крупные усадебные комплексы резко приходят в упадок, но полностью не были уничтожены или разрушены, так как сохранили отдельные свои элементы, бытовавшие в дальнейшем: ряд усадебных горнов на раскопе II, центральный дом на раскопе XI. Создается впечатление, что в период политических распрей в Золотой Орде в 1360–1370-е гг. владельцы этих усадеб были убиты, переселены или переселились, а освободившиеся участки были заняты рядовым населением, занимавшимся ремеслом (гончарным производством). Однако в условиях политической нестабильности и экономического упадка жизнь в данном районе медленно затухает, и его территорию поглощает некрополь, разраставшийся с запада на восток. Наиболее западный в этом секторе городища раскоп VIII был занят некрополем уже в 1370-е годы. После замятни жизнь в усадьбе раскопа VIII не восстановилась. Среди грунтовых могил некрополя было обнаружено четыре близкорасположенных мавзолея и склеповое сооружение первой трети XV века. Причем входом они были ориентированы в одну сторону – юго-западную, и представляли собой единый ансамбль мемориальных построек. Расположенный к северо-востоку от раскопа VIII раскоп XI в 1370–1380-е гг. был занят керамической мастерской, а центральный дом усадьбы раскопа XI был заселен ремесленниками, обслуживающими керамические горны. Позднее и этот участок поглощается кладбищем. Участок раскопа II (юго-восточнее р. XI) сохраняет бытовой характер до 1390-х годов. Здесь располагаются комплексы гончарных мастерских, организованных в крупное ремесленное предприятие типа карханы. После тимуровского погрома жизнь здесь не восстанавливается, и в конце XIV – начале XV в. участок также отводится под некрополь.

Из 8 монетных кладов Селитренного городища, у 6 определим период их тезаврации. Из них 3 выпали из обращения в первые десятилетия XV в., два – в период Великой замятни, и один в правление Тохтамыша. Эти данные коррелируют с хронологией монетных находок Селитренного городища.

3. Особенности застройки. Основные объекты, исследованные на городище

В ходе археологического изучения Селитренного городища исследованы землянки и жилые постройки рядового населения древнего города, а также остатки косторезных мастерских, стеклоделательной мастерской, мастерской по обработке полудрагоценных камней, горны для обжига кирпича, извести, керамики.

За период работы Поволжской археологической экспедиции в районе между холмами Кучугуры и Красный бугор был исследован целый комплекс монументальных строений различного назначения. Мечеть Селитренного городища (35,5 × 36–36,5 м) имела вход, располагавшийся на центральной оси здания, с северной стороны. Он был оформлен мощными пилонами портала. Стены постройки сложены из обожженного кирпича на глинистом растворе и оштукатурены белой известковой обмазкой. К западному пилону примыкало богато украшенное помещение (11,9 × 8,2 м), с суфой вдоль западной стены и двумя колоннами, поддерживающими, очевидно, плоское перекрытие. На широтной оси, по центру восточной стены, располагался небольшой портал. Большой участок западной стены не прослеживался. Поэтому невозможно установить наличие западного портала. Внутреннее пространство мечети делилось колоннами на равные квадраты со стороной 3,4 м, однако композиционно оно усложнено наличием нефа на оси киблы, а также внутреннего дворика с водоемом для омовения, располагавшимся тоже на центральной оси, ближе к входу. Михраб представлял собой прямоугольную нишу в южной стене. Для выделения михрабной ниши на Селитренном городище использовалась организация по оси киблы нефа (рис. 20). Трансептальный

неф использовался как один из архитектурных приемов, концентрировавших внимание верующих в мечетях средневекового Ирана (мечеть Тарик-хане в Дамгане, мечеть в Наине) (ВИА, 1969, с. 149–150).

Напротив мечети располагалась общественная городская баня, раскопанная в 1983–1984 гг. – типичная восточная баня хаммам, с центральным крестообразным залом и группирующимися вокруг него помещениями. Размеры бани 26 × 13,3–15,8 м. Здание состояло из входного тамбура, расположенного в западной части; коридора, соединяющего тамбур с предбанником, в котором находились П-образная суфа и фонтан; двух помещений-шлюзов, с подпольной системой отопления (раздевальни); центрального крестообразного зала; угловых мыльных помещений; топочного отделения (рис. 24). Баня была богато декорирована. Изнутри стены были оштукатурены, покрашены в красный цвет, а некоторые помещения украшены мозаикой. Окна бани представляли собой алебастровые панджары со вставками из цветного стекла (Зиливинская, 1989, с. 264–279).

Вдоль восточной стены мечети в чуть более 5 м от нее располагалась Г-образная часть крупного общественного здания, которая интерпретируется как ханака. В плане здание представляло собой прямоугольник, организующим началом которого являлся открытый двор. Вокруг него, по периметру группировались разномодульные помещения – жилые, с П-образными суфами, двухканальными канами, глинобитными или выложенными кирпичом полами (пом. № 1, 4, 6, 8), хозяйственные (пом. № 3). В структуре здания располагалось также культовое небольшое помещение с михрабом, ориентированным по одной оси с михрабом рядом стоящей мечети. Со стороны двора северо-восточная стена была подчеркнута, возможно, галереей. Элементы, которые наличествуют в здании, одинаково характерны и для медресе, и для караван-сараев, и для ханак: внутренний дворик, окруженный жилыми однотипными постройками; помещение небольшой мечети; угловые башнеобразные выступы, украшающие фасад здания; связка помещений со стороны двора галереями. Характер строительного

материала (сырец), формат кирпича (40 × 20 × 5 см), система кладки, фланкирование фасада здания угловой круглой в плане башней-гульдастой, наличие тошнау в помещении № 6 свидетельствуют о том, что мастера, возводившие данную постройку, были хорошо знакомы со среднеазиатскими строительными традициями.

Все эти три монументальных здания были объединены в единый комплекс городской площади. Недалеко от нее были исследованы кварталы и отдельные постройки рядового населения и крупные усадьбы богатых горожан, аристократической части населения столицы. Основная часть памятника была застроена регулярной уличной застройкой. Ибн-Батута, характеризуя Сарай, писал о том, что это город, «достигающий чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами» (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

Общий план раскопа II в районе Селитренного городища между буграми Кучугуры и Красный бугор показывает, что сплошную застройку города на исследуемом участке прорезали две основные, параллельные друг другу улицы (р. II-82, 83). Ширина улиц составляла 5–6 м и между ними располагался рядовой квартал городской застройки, состоящий из нескольких рядов однокомнатных домов – по 3 в ряду (рис. 12). Стены домов были параллельны друг другу, а расстояние между ними составляло около 50 см. Вдоль другой стороны улицы (р. II-70, 71, 75, 77, 82, 83) находилась серия землянок (№ 1, 2, 3) и периферийная западная часть усадьбы. На ее территории раскопаны отрезок ограды из сырцового кирпича, горны для обжига поливной и неполивной керамики, колодцы, хозяйственные и производственные ямы (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989). На эту центральную улицу выходил переулок шириной около 3–4 м, расчленявший застройку исследуемого участка на кварталы. Вдоль улиц проходили дренажные канавы и арыки. Дренажные канавы представляли собой траншеи, вдоль бортов которых, на высоте 0,1–0,5 м от дна, устраивались материковые выступы, между которыми закладывались деревянные трубы из выдолбленных полых бревен или деревянные желобы, перекрытые досками. Диаметр подобных труб – 0,4–0,7 м.

Отрезки труб скреплялись глиняной обмазкой. Подобное устройство использовалось для удаления отработанной воды, которая отводилась в Ахтубу, о чем свидетельствует уклон дна дренажа в юго-западную сторону. Прежде чем попасть в центральную уличную дренажную систему, использованная вода проходила через специальные отстойники, устраиваемые между нею и локальным дренажом. Они представляли собой квадратные колодцы, сложенные из обожженного кирпича. Подобный отстойник был обнаружен при исследовании общественной бани Селитренного городища (Зиливинская, 1989, с. 278–279). Отстойники служили для оседания в них мусора и различных отходов, однако и они не исключали засорения центральной дренажной системы, о чем свидетельствуют следы ремонта (перекладка труб). Арыки Селитренного городища представляют собой канавы шириной от 2 до 3 м, сужающиеся ко дну. Их глубина – 1–1,5 м. Через арыки перекидывались деревянные мостики, обмазанные глиной и покрытые кирпичным боем. Проезжая часть улицы нивелировалась – засыпались дренажи, разравнивался выкид из арыков. О высокой степени благоустройства города свидетельствует раскопанный вблизи общественной бани двухкамерный общественный бадрап (уборная), сложенный из сырцового и жженого кирпича (Зиливинская, 1994, с. 118–119).

На раскопе VIII усадебный комплекс представлен многокомнатным домом (24 × 24 м), с центрической композицией расположения комнат, построенным из сырцового кирпича. Центральным местом в таком доме являлся удлиненный парадный прямоугольный зал с богато декорированным внутренним интерьером. С торцов зал ограничивали входные айваны с суфами по бокам. В самом зале находились бассейн и кирпичный подиум, над которым висел балдахин. По бокам зал ограничивали блоки жилых и хозяйственных помещений. К дому были пристроены жилища усадебного населения, а на территории усадьбы также располагались отдельно стоящей постройкой, с комнатами, отапливаемыми открытыми очагами. Двор усадьбы был окружен сырцовой стеной, а размеры усадьбы в широтном направлении составляли около 100 м (Федоров-Давыдов, 1994, с. 25, 63).

Значительная часть крупного усадебного комплекса исследована на раскопе XI. Размеры усадьбы в широтном направлении – 145 м. В центральной части усадьбы располагался многокомнатный дом, также с центрической композицией. Этот дом был более крупным (38 × 32 м), капитальные стены возводились из обожженного кирпича, внутренние перегородки были каркасными, с заполнением деревянной рамы, косо уложенным сырцовым кирпичом. Центральный зал имел также кирпичное возвышение – подиум, на котором сидел хозяин. Стены парадного зала белились и декорировались майоликовыми панно, стены других комнат покрывались росписью по белой штукатурке. С боков зала располагались жилые и хозяйственные помещения, среди которых исследователи выделяют детскую комнату, мельницу и пекарню, бассейн. К западной стене дома примыкала дворцовая баня. Она возведена в римско-византийской архитектурной традиции, где здание представляло собой анфиладу последовательно соединенных помещений. Размеры сохранившейся части бани – 4,2 × 16,1 м. Анфиладу здания образовывали предбанник, мыльня, топочное отделение (рис. 23). Во втором строительном периоде баня была перестроена – помещения расширены до размеров 7 × 20 м, а в предбаннике сооружен большой бассейн (5,2 × 3,85 × 1,66 м) (Зиливинская, 1989, с. 256–264). Подобная планировка широко распространена в Крыму, Грузии, Армении, Болгарии, Азербайджане, Средней Азии. К западу от бани размещалось несколько домов с сырцовыми и деревянными стенами на сырцовом цоколе и усадебный водоем. Четыре горна, обнаруженные на территории усадьбы, относятся к периоду ее запустения. Ограда усадьбы, возведенная из сырцового кирпича, проходила в 70 м к западу от главного дома. На исследуемом участке ограды, вдоль нее, был построен многокомнатный дом анфиладной композиции с отдельными входами (Федоров-Давыдов, 1994, с. 57–59, 63).

На раскопах XV и XXI Э.Д. Зиливинской исследованы еще два многокомнатных дома центрической композиции богатых аристократических усадеб (Зиливинская, 2001, с. 63–64; Федоров-Давыдов Г.А., 1994, с. 25). На раскопе XXI в 1999 г. обнаружены

остатки минарета – котлован 4,2 × 2,8 м, глубиной более 2 м, который был заполнен чередующимися слоями меловых камней и битого кирпича, залитого известковым раствором. На этом фундаменте стоял кирпичный цоколь, переходящий в цилиндрический ствол минарета (Рудаков, 2001, с. 65–66).

На памятнике к настоящему времени, помимо подземных купольных склеповых мемориальных комплексов, исследовано шесть мавзолеев. Два из них – однокамерные подквадратные в плане мавзолеи (раскоп VIII-77) без выраженной архитектоники фасадной части, образующие центрическую композицию здания, с квадратным в плане внутренним пространством помещения. Один мавзолей (раскоп VIII-77) имел выдвинутый вперед портал типа айвана, образованный удлиненными пилонами. Три мавзолея (мавзолей № 1 на раскопе VIII-75, мавзолей № 3 на раскопе VIII-77 и мавзолей на раскопе XI-82) имели резко выраженный монументальный входной пештак (Федоров-Давыдов, 1994, с. 71). Склеповые подземные постройки представляли собой квадратные или восьмиугольные в плане сооружения из обожженного кирпича, впущенные в котлован, невысокие стены которых переходили с помощью ступенчато-консольных парусов или стрельчатых арок в свод (Баллод, 1923а, с. 45; Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972).

4. Население золотоордынской столицы

Средневековый арабский путешественник Ибн-Батута указывает на широкий этнический состав жителей золотоордынской столицы, где он побывал в 1333 г.: «В нем (Сарае) живут разные народы, как то: монголы – это настоящие жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там же и базары их». При работах ПАЭ в западной части города открыт большой мусульманский некрополь, по-видимому, принадлежащий смешанному населению, и один из крупнейших в столице. Антропологическое исследование материалов по 364 погребениям из этого некрополя, а также коннексию типов погребального обряда с дан-

ными антропологии произвел Л.Т. Яблонский. Им были выделены четыре основных типа погребального обряда:

I. Кирпичный склеп с надгробием на территории мавзолея, связанный с захоронениями городской знати. По этому обряду хоронили в наибольшей степени мужчин. Антропологически группа отличается большим набором признаков, характеризующих монголоидный тип. Люди, погребенные здесь, доживали до старческого возраста, что также характеризует их высокий уровень жизни и косвенно социальный статус. Эту группу Л.Т. Яблонский связывает с населением, пришедшим с востока, – завоевателями.

II. Могила с подбоем без надгробия на рядовом кладбище, где тело умершего по канонам ислама уложено на правый бок, лицом к югу. По антропологическому облику погребенные в таких сооружениях представлены в основном брахикранными европеоидами. Этот тип наиболее близок населению Средней Азии. Сами погребальные сооружения имеют сходство с комплексами синхронного населения Хорезма, где ислам распространен давно, что и объясняет вполне сложившийся устойчивый мусульманский погребальный обряд.

III. Могила с деревянным перекрытием без определенного способа трупоположения.

IV. Могилы без перекрытия и надгробия, расположенные на рядовом кладбище. Две последние группы не отличаются дорогостоящими погребальными сооружениями, явно не принадлежат к городской элите. Погребения типа III удовлетворяют основным требованиям ислама – изоляции мертвого тела, но мусульманский погребальный обряд в этой группе до конца не выдержан – не всегда лицо и тело ориентированы к югу. Группа эта по антропологическим критериям характеризуется смешанным европеоидно-монголоидным комплексом. Погребения группы IV не имеют никакого отношения к исламской традиции. По морфотипу это преимущественно европеоиды.

Две последние группы Л.Т. Яблонский полагает возможным связать с местным кочевым населением степи, осевшим в городах, находящимся на «разной стадии исламизации» (Яблонский,

1987, с. 181–212). Таким образом, в столице выделяются два основных антропологических компонента – монголоидный и европеоидный брахикранный. Именно в некрополе столицы более четко видно социальное расслоение – устойчивая связь монголоидного комплекса, связанного с завоевателями, и наиболее дорогостоящих погребальных сооружений. Чаще всего встречаются люди смешанного облика, но, как и в других золотоордынских городах, здесь преобладает европеоидный компонент, то есть пришельцы-монголоиды ассимилировались в городах Нижнего Поволжья.

Вопросы

1. В чем состоит особенность расположения и застройки золотоордынской столицы?

2. Соотнесите этапы развития градостроительной деятельности в Нижнем Поволжье в эпоху Золотой Орды с основными периодами функционирования Селитренного городища. Какой из этапов неизвестен исследователям по материалам этого городища?

3. Расскажите о наиболее крупных объектах, исследованных на городище. Сопоставимы ли они с данными письменных источников о золотоордынской столице?

4. Какую информацию дают антропологические исследования некрополя Селитренного городища о жителях золотоордынской столицы? Какие антропологические типы характеризуют население города?

ukeltest.ru

ГЛАВА V

ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

1. Изучение Царевского городища

Царевское городище располагается на левом берегу старого русла Ахтубы, у с. Царев Ленинского района Волгоградской области (рис. 7).

Городище являлось одним из крупнейших населенных пунктов Золотой Орды. Оно издавна привлекало к себе внимание. В конце XVI – XVII в. по царским указам на Царевском городище была организована добыча кирпича и извести, которые вывозили для строительства Астраханского кремля и Царицынских построек. «Кирпишной ломкой» занимались стрельцы, специально отряжаемые для этого царицынским воеводой.

В бытность начальником «Калмыцкой комиссии», созданной для выборов нового наместника Калмыцкого ханства, Царевское городище посетил известный русский историк В.Н. Татищев (1686–1750). В период своих ученых путешествий по южным провинциям России во второй половине XVIII в. российские академики С. Гмелин, П. Паллас, П. Рычков также побывали на памятнике, полагая, что на его месте располагалась столица Золотой Орды.

Саратовский краевед А.Ф. Леопольдов, исследовавший Царевское городище в первой половине XIX в., был поражен величиной его развалин и богатыми находками. Он писал: «Здания его были обширны, высоки, широки. В руинах находили отличной доброты кирпич, иногда позолоченные колонны мраморные, карнизы алебастровые, мозаику; Сарай украшали каменные фонтаны, во-

допроводы со свинцовыми трубами, бассейны, сады тутовые. В нем открывали склепы, в коих находили... разные драгоценности». В этот же период среди Царевских развалин местными жителями была найдена золотая корона в полфунта весом и продана ими за 25 рублей. В 1840 г. она была приобретена сарептским старшиной-пастором Цвиком и вывезена в Германию. Там она получила название «корона Джанибека» и долгое время хранилась в музее города Иена. Однако уже в конце XIX в. она была утеряна, не сохранилось ни ее изображения, ни описания.

Находка и вывоз драгоценной вещи за границу привлек внимание саратовского губернатора, который обратился к министру внутренних дел с предложением начать раскопки Царевских развалин для добычи ценных предметов старины. Для этих целей в 1843 г. в уездный город Царев был откомандирован титулярный советник МВД А.В. Терещенко. Университетское образование, длительная работа в Румянцевском музее, научные поездки во Францию, Германию, Италию, широкая эрудиция позволили А.В. Терещенко подойти к исследованию памятника с научных позиций. Был снят новый план царевских развалин, который и до сего времени является одним из лучших, велось описание раскапываемых объектов, которые отмечались на плане местности, составлялись их чертежи, подвергался предварительной обработке и определению нумизматический материал. Но после нескольких лет работы на городище А.В. Терещенко переориентировался исключительно на добычу ценных предметов, и раскопки приняли кладоискательский характер.

Так или иначе, девятилетние труды царского чиновника дали богатейший научный материал. На значительной площади памятника были исследованы монументальные постройки, ремесленные комплексы, дома, базарная площадь, мусульманский некрополь, получены огромная нумизматическая коллекция и обширный бытовой инвентарь, среди которого выделяются серебряная чаша черниговского князя Владимира Давидовича, золотая чаша, украшенная дельфинами, весом 850 г, серебряное блюдо с надписью на кыпчакском языке, клад серебряных полуфунтовых слит-

ков. В то же время ни местные, ни центральные власти не сумели организовать должного хранения и обработку этого бесценного материала. Сдаваемые А.В. Терещенко царевской полиции предметы сваливались в огромные, смешанные в беспорядке кучи. Не лучше обстояло дело и с вещами, отправленными в МВД. Оттуда они поступили в Императорскую Археологическую комиссию, где был устроен так называемый «научный разбор» царевских древностей. После него в Эрмитаж и Оружейную палату поступили только наиболее ценные красивые предметы. Остальные вещи уничтожались. Нумизматический материал без какой-либо основательной обработки передавался в провинциальные музеи и университеты. Впоследствии из архивов исчезли дневники, рисунки и чертежи А.В. Терещенко. В результате огромная работа во многом была обесценена для науки.

В 20-е гг. XX в. профессору Ф.В. Баллоду несмотря на сложную обстановку гражданской войны, голод, нехватку средств удалось организовать экспедицию, направленную на исследование Поволжских населенных пунктов Золотой Орды. Проведя несколько недель на Царевском городище, исследователь попытался разобраться в его исторической топографии и провел раскопки нескольких усадеб и домов.

В 1959 г. Поволжской археологической экспедицией под руководством Г.А. Федорова-Давыдова были начаты регулярные систематические раскопки Царевского городища. При этом раскопками затрагивались широкие площади памятника, а не отдельные объекты, что открывало большие возможности для реконструкции городской жизни средневекового города.

2. Хронология памятника и проблема названия города

В течение XX в. исследователями Золотой Орды (А.Ю. Якубовский, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Л. Егоров, С.А. Янина, А.Г. Мухамадиев) сформировано ставшее устойчивым мнение о том, что Сараев было два и локализовать их следует следующим образом: Сарай – на Селитренном городище, Сарай ал-Джедид (Но-

вый Сарай) – на Царевском (Якубовский, 1931, с. 59; Федоров-Давыдов, 1994, с. 20–24; Егоров, 1985, с. 112–117; Мухамадиев, 1983, с. 13–17). Для подтверждения данного тезиса использовалась следующая группа аргументов. В источниках арабского круга у двух авторов (в биографии египетского султана Эльмелик-Эннасыра Мухаммеда и у Эласади) упоминается тот факт, что Узбек умер в Новом Сарае (Тизенгаузен, 1884, с. 263, 447). Ибн Арабшах указывал на то, что между построением и разрушением Сарая в 1395 г. прошло 63 года. Это не согласовывалось с периодом жизни первой столицы Золотой Орды, основанной при Батые в XIII в., но соответствовало хронологии Царевского городища, основанного в 30-х гг. XIV в. и разрушенного в 1395 г. (Тизенгаузен, 1884, с. 463). На карте Фра Мауро помещены два крупных населенных пункта, рядом с одним из которых нанесена легенда «Saray», с другим — «SARAY GRANDO», соответствующие Селитренному и Царевскому городищам (рис. 4). Сравнительный анализ монетных комплексов Царевского и Селитренного городищ показывал преобладание на Селитренном городище монет сарайского чекана, а на Царевском – монет Гюлистана, считавшегося пригородом Нового Сарая (Янина, 1970, с. 194–197).

Однако в последнее время были предприняты попытки пересмотреть тезис о существовании двух Сараев. Сарай и Сарай ал-Джедид было предложено локализовать на месте Селитренного городища, а Царевское городище, по мнению ряда авторов, являлось Гюлистаном (Евстратов, 1997; Варваровский, Евстратов, 1998; Варваровский, 2000; Рудаков, 1999; Гончаров, 2001). Дело в том, что свидетельства письменных источников, представленные в доказательство существования двух Сараев, не поддаются однозначной интерпретации. Картографический материал также весьма противоречив. По мнению И.В. Евстратова, Е.Ю. Гончарова шрифтовые особенности передачи легенды «SARAY GRANDO» на карте Фра Мауро, отождествляемой обычно с Новым Сараем, не позволяет относить ее к названию населенного пункта, а соответствует названию крупной территориально-административной единицы.

Паспортизированный монетный материал, полученный с того или иного археологического объекта, является ведущим при локализации золотоордынских городов. Однако здесь возникают определенные методологические трудности – монеты чеканки Сарай ал-Джедида составляют подавляющее большинство на всех золотоордынских городищах. Данную проблему С.А. Янина попыталась снять, предложив не учитывать монеты Сарай ал-Джедида, а использовать для его отождествления монеты чеканки Гюлистана, полагая, что он являлся пригородом Сарай ал-Джедида (Янина, 1970, с. 195). Но здесь, в свою очередь, возникает новый вопрос – насколько корректно считать Гюлистан пригородом столицы Золотой Орды?

Его считали городом, расположенным вблизи Сарая или где-то в Нижнем Поволжье (Френ, 1832, с. 43; Федоров-Давыдов, 1960, с. 188; Егоров, 1985, с. 114), и городом, локализуемым на Селитренном городище (Трутовский, 1889), и дворцом в пригороде Сарая (Григорьев, 1845, с. 31; Веселовский, 1907), и собственно пригородом Сарая (Янина, 1970, с. 195). А.Г. Мухамадиев, основываясь на монетном материале, локализовал Гюлистан на Болгарском городище (Мухамадиев, 1983, с. 21–23). Тот факт, что Гюлистан находился на территории Нижнего Поволжья, подтверждается эпитетом «Присарайский» или «Сарайский», помещаемый на некоторых монетных типах. Семантика данного эпитета указывает скорее на принадлежность не к городу Сараю, а к области Сарай. Еще Н. Веселовский считал, что смысл эпитета заключался в том, чтобы отличать Гюлистан Нижнего Поволжья от других Гюлистанов (Шемаханского, Туркестанского) (Веселовский, 1907, с. 4). Он предлагал локализовать Гюлистан у дер. Колобовка в 8 км от Царевского городища, ничем не подкрепляя свой тезис (Веселовский, 1907; 1912). Опираясь на анализ монетного материала, ряд исследователей считают возможным локализовать Гюлистан на Царевском городище в качестве отдельного города (Варваровский, 2000; Евстратов И.В., 1997, с. 99–101). Об этом свидетельствует преобладание гюлистанских пулов и их типов в нумизматическом комплексе Царевского городища, по

сравнению с другими памятниками. Слово «беледъ», встречавшееся в содержании монетных легенд на некоторых типах гюлистанских дирхемов, переводится обычно как «город», и это определение употреблялось в прямом значении. Сарай ал-Джедид и Гюлистан находились на значительном друг от друга расстоянии, так как монетный материал Сарай ал-Джедида дает одни имена ханов, чеканивших дирхемы за 762–765 гг. х. (Тимур-Ходжа, Орду-Мелик, Кильдибек, Хайр-Пулад), а гюлистанские монеты этого же периода представлены дирхемами хана Мюрида.

Город на месте Царевского городища начал формироваться не ранее 40-х гг. XIV века. На это указывает интенсивность денежного обращения медных монет. Из общего количества определимых пулов Царевского городища монеты 30-х гг. составляют всего около 1 %, причем все эти монеты найдены либо при сборах, либо вместе с монетами более позднего времени, и не образуют самостоятельного стратиграфического слоя. Формирование и развитие Царевского городища носило взрывной характер. Объем денежного оборота медных монет здесь в 30-х гг. составлял 1 %, в 40-х – 24,5 %, в 50-х – 53 % * (Блохин, 2001, табл. 6). Увеличение площади городища проследить сложно, однако, несомненно, что территория его застройки за два десятилетия выросла в своей нуклеарной части до 160 га (а с учетом пригородов составила более 400 га). Данные факты свидетельствуют о том, что подобный характер динамики развития памятника являлся следствием крупного миграционного процесса, возможно, вызванного эпидемией чумы 747 г. х. Начало междоусобной борьбы внутри Золотой Орды весьма негативно сказалось на развитии города. В 60-х гг. объем денежного оборота (19 %) сокращается более чем в 2 раза. Втянутый в борьбу различных группировок город подвергся сильнейшему разрушению в конце 60-х гг. XIV века. И.В. Евстратов совершенно справедливо отнес следы погрома Царевского городища к 768 г. х. на том основании, что в раскопах,

---

* Процентное соотношение рассчитывалось от общего количества определимых монет.

на которых зафиксированы эти следы, отсутствовал монетный материал младше 767 г. х. (Евстратов, 1997, с. 92, 104–107). Период тезаврации большинства царевских кладов серебряных и медных монет (6 из 11, в которых определим период обращения частично или полностью) выпадает на время с 761 по 767 г. х. Пик тезаврации кладов также свидетельствует о крупной катастрофе. В отличие от Водянского и Селитренного городищ, где при Тохтамыше начинает восстанавливаться их экономический и политический потенциал, городская инфраструктура Царевского городища после погрома в конце 60-х гг. полностью деградирует в 70–90-е гг. XIV века. Из всего комплекса монетных находок, в культурном слое Царевского городища, с учетом анонимных недатированных пулов, относимых обычно к периоду правления Тохтамыша и монет с надчеканками, количество медных денег, обращавшихся в течение 70–90-х гг., составляет лишь 2,5 % (Блохин, 2001, табл. 6). Очевидно, что в указанный период Царевское городище продолжало функционировать в качестве небольшого поселка, а после завоевательного похода Тимура в 797–798 гг. х. Царевское городище было окончательно уничтожено. Ни монетных находок XV в., ни кладов тезаврированных в XV в. на Царевском городище пока не обнаружено.

3. Специфика застройки

Царевское городище ограничивают вытянутые с северо-запада на юго-восток подовальные в плане вал и ров, которые к настоящему времени почти полностью снивелированы.

Центральную часть Царевского городища в пределах вала и рва прорезала сеть основных улиц, идущих в широтном и меридиональном направлениях (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, рис. 1). Центральная и северо-западная части городища организованы в квартально-дворовую застройку сетью улиц, вдоль которых пролегали глубокие арыки. Этот район был заселен рядовым городским населением, представленным мелкими торговцами и ремесленниками – гончарами, бронзолитейщиками, косторезами, кузнецами, мастерами по изготовлению архитектурного

декора. Жилищами для этих людей служили полуземлянки и наземные однокомнатные деревянные дома, стоящие на кирпичном цоколе. В центральной части памятника (раскопы I, III, VI-63) раскопан перекресток улиц. Были вскрыты остатки двух перпендикулярно расположенных друг к другу арыков шириной до 3 м и глубиной – 0,8–1 м. Один из арыков заканчивался круглым колодцем, который его и питал. В месте пересечения двух арыков обнаружены остатки бревен и досок – остатки деревянного мостика. Арыки проходили вдоль стен рядовой усадьбы. Выкид из арыков велся на проезжую часть. После рытья арыка выкид замостили фрагментами обожженного кирпича, сделав пешеходную дорожку проезжей части (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 90–91, рис. 6).

Восточный и юго-восточный районы городища имеют правильную усадебную застройку. Здесь проживала золотоордынская аристократия и зажиточная часть населения. Их усадьбы представляли собой участок, огороженный глинобитным дувалом, внутри которого располагались многокомнатное здание хозяев, построенное из сырцового или обожженного кирпича, собственные водоемы, дома прислуги, обедневших родственников, зависимых от владельца усадьбы ремесленников, подсобные помещения, мастерские. Во дворе одной из усадеб, на южной окраине городища, археологами были обнаружены остатки трех юрт, в виде кольцеобразных оснований из обломков кирпича. Это свидетельствует о том, что в среде золотоордынской верхушки еще долгое время сохранялись черты кочевнической ментальности.

Исследование участка усадеб в восточном пригороде на раскопах II-63-68, IV-71 (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974) показало, что формирование улиц здесь протекало постепенно (рис. 13). Изучен комплекс рядовых усадеб, организованных уличной сетью. На данном участке локализуются три усадьбы (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974). В первый период «усадьба I» представляла собой участок, огороженный с северной стороны глинобитной стеной шириной 0,35–0,4 м. На ее территории находилось два однокомнатных деревянных дома, сто-

ящих на сырцовом цоколе. К одному из домов примыкала яма с отходами и продуктами косторезного производства. Во второй период усадьба была расширена. Ограда была снесена и на ее месте построен многокомнатный дом с деревянными стенами анфиладной композиции. Обычно он интерпретируется как дом зависимого от владельца усадьбы населения (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 90–98, 120). «Усадьба II» (ее размеры порядка 40 × 48 м) состояла из двух однокомнатных пристроенных друг к другу домов с деревянными стенами, стоящими на сырцовом цоколе, и пятикомнатного дома анфиладной композиции с деревянными стенами. Стены центрального помещения стояли на сырцовом цоколе. К спаренным домам были пристроены ювелирная и косторезная мастерские. Группы домов были организованы в одну линию в северном секторе усадьбы. К югу от усадьбы размещался большой водоем (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 98–107). «Усадьба III» представляла собой участок 30 × 30 м, огороженный с северной и восточной сторон стеной из квадратного сырцового кирпича шириной 0,4 м. В комплекс усадьбы входили четырехкомнатный деревянный дом, землянка-мастерская по производству ювелирных изделий к югу от центрального дома, небольшой дом с деревянными стенами к юго-западу от центрального дома и два горна для обжига керамических изделий (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 107–120).

Усадьба размером 30 × 40 м выявлена в юго-восточном пригороде на раскопах IV, V-61. Основной дом представлял собой два однокомнатных помещения, симметрично расположенных, соединенных центральным айваном. Рядом стояло однокомнатное жилище с деревянными стенами на сырцовом цоколе. В нескольких метрах к востоку от центрального дома располагался небольшой водоем. Усадьба была огорожена глинобитной оградой, ширина которой в расплывшемся виде составляла от 1,6 до 2,5 м (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 80–85). Подобные усадьбы могли принадлежать лично свободным ремесленникам, людям среднего достатка.

Следующая группа объектов представлена усадьбами, владельцы которых имели более высокий социальный статус. Одна из усадеб в юго-восточном пригороде Царевского городища представляла собой участок трапециевидной формы 70 × 55–75 м, огороженный сырцовой стеной шириной 0,7–0,75 м. Прослеженный участок стены ограды сложен с внутренней стороны из прямоугольного (42 × 22 × 5 см), с внешней – из квадратного (22 × 22 × 4,5 см) кирпича. Главный дом располагался в центральной части усадьбы. Он представлен постройкой, где помещения были сгруппированы вокруг внутреннего открытого дворика. В юго-восточном углу усадьбы, примыкая к ее ограде, располагался трехкомнатный дом анфиладной композиции. Причем его стены, в отличие от деревянных стен, стоящих на цоколе из одного ряда сырцовых кирпичей центрального дома, были сложены из трех рядов сырцового кирпича до самого перекрытия (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978). Несоответствие строительной техники и социальной интерпретации построек (центральный дом – владелец усадьбы; многокомнатный анфиладный дом – зависимые усадебные люди) объясняется обычно «неразвитостью градостроительства у монголов» (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978). Однако подобное несоответствие снимается, если предположить, что население центрального дома и постройки в юго-восточном углу усадьбы было связано кровнородственными связями. Очевидно, в главном доме (в силу его крупных размеров, центрального положения, сложной планировки) проживала большая семья, находившаяся на определенном этапе своего распада, так как здесь мы имеем дело с группой жилых ячеек с отдельными входами, объединенных в единый комплекс вокруг общего двора. Многокомнатный дом анфиладной композиции мог принадлежать группе кровных родственников, находившихся в более дальнем отношении родства к семьям, проживавшим в главном доме. В южной части усадьбы, располагалась яма от водоема, а по периметру усадьбы – небольшие жилые постройки (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970, с. 159; Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978, с. 79).

С восточной стороны к этой усадьбе примыкала вторая крупная усадьба, так что ограда между ними была общей. План усадьбы также трапециевидный. Ее размеры – 100 × 50–70 м. Здесь также в центральной части располагался главный дом. Вначале он представлял собой двухкомнатное здание из сырцового кирпича, которое позднее было разрушено и на его месте построен новый дом из обожженного кирпича более сложной планировки центрической композиции с парадным коридорообразным залом. К востоку от дома прослеживалась дорожка из битого кирпича, сразу за которой находился усадебный водоем. Было выявлено, что центральный дом располагался на линии двух въездов в усадьбу, фиксируемых по разрыву в ее оградах, находившихся с северной и южной сторон. По сторонам северного въезда располагались два дома анфиладной композиции с отдельными входами и сырцовыми стенами из квадратного кирпича, дом анфиладной композиции с деревянными стенами и углубленным полом (Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970; Федоров-Давыдов, 1994, с. 62).

На Царевском городище за пределами линии вала и рва к северо-западу располагался большой пригород, представлявший собой бессистемно расположенные объекты – курганообразные всхолмления, ямы и ограды-дувалы (от 25 × 30 до 90 × 90 м). Ряд всхолмлений образуют обособленные комплексы (рис. 8). Раскопки одного из всхолмлений дали остатки крупного дома (10,2 × 8,6 м), внутреннее пространство которого было разделено на разномодульные помещения взаимно перпендикулярными стенами. Стены дома были сложены из длинномерного сырцового кирпича. Судя по всему, данный пригород представлял собой жилой массив, населенный людьми, занимавшими довольно высокий социальный статус. Пригород возник в пределах 40-гг. XIV в., то есть на раннем этапе существования города, и функционировал, судя по некоторым данным, не более полутора – двух десятилетий, после чего был покинут его жителями (Мыськов, 2002). Такой же пригород, несколько меньших размеров, располагался и к северо-востоку от памятника. Отдельные усадебные комплексы

и участки жилой застройки существовали также к западу и югу от городища.

Исследование вала и рва на Царевском городище показало следующее. Остатки рва представляли собой канаву глубиной 1,5–2 м, вырытую с поверхности культурного слоя, подстилающего вал. Ширина рва – до 4 м. Каких-либо укрепляющих конструкций стенок рва или вала не прослеживалось. Насыпь вала сильно снивелирована, и на исследованных участках его мощность достигает 15–40 см. Структура насыпи – комковатая глина с включениями песка, чернозема, культурных остатков – представляла собой выкид изо рва. На гребне насыпи вала не обнаружено каких-либо остатков стеновых конструкций. Без них линия вала и рва, при незначительной высоте и глубине, имела весьма слабое фортификационное значение. Этот факт свидетельствует о том, что, либо вал и ров являлись недостроенной линией обороны, либо они использовались в ином качестве. Более вероятным представляется использование рва в качестве обводного канала, питающего арыки города. Ров посредством специальных каналов был соединен с системой бассейнов на северной окраине города; от окружного рва прослеживаются отдельные ответвления на юг и восток, которые, очевидно, отводили воду в Ахтубу и протоку Солодовка; система арыков соединялась со рвом – все это свидетельствует о его включенности в общую сеть водоснабжения Царевского городища. Линия вала и рва охватывала не всю территорию города, а прорезала жилую застройку в восточном и северо-западном секторе, причем достаточно точно установлено, что постройки за внешней линией вала и рва существовали до ее возведения. Это также свидетельствует об ином ее назначении, нежели фортификационное. К подобному выводу пришел еще Ф.В. Баллод, который видел систему вала и рва в более сохранившемся виде. Причем он отмечал в структуре рва наличие системы шлюзов, позволяющей регулировать подачу воды (Баллод, 1923а). Судя по нумизматическим материалам из культурного слоя, залегающего под выкидом рва, он был вырыт в первой половине 60-х гг. XIV века (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 79).

Мнение Г.А. Федорова-Давыдова о том, что вал и ров являлись фортификационной линией, разделяющей районы проживания сторонников двух противоборствующих группировок ханов Ак Орды и Кок Орды, достаточно условно. За линию рва вынесен не только район с ярко выраженной усадебной застройкой, в котором, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, могли проживать представители побежденной группировки, но и, судя по топографии, северо-западный район с рядовой застройкой. Трудно представить, что в среде рядового населения присутствовало деление на сторонников ханов Ак Орды и Кок Орды. Вероятнее предположить, что при победе той или иной группировки представители другой уничтожались или выселялись, а их усадьбы заселялись сторонниками победившего хана или рядовым населением, что наблюдается на примере усадеб Селитренного городища.

4. Некрополи и население Царевского городища

Некрополи Царевского городища не представляют собой целостного массива. Часть погребений исследована непосредственно на территории города, еще часть в округе, непосредственно прилегающей к нему. В отличие от других нижневолжских городов некрополи Царевского городища не принадлежат исключительно мусульманскому населению. Поселения на месте Царевского городища, возможно зимние ставки кочевников, возникли задолго до того, как на этой территории сформировался город. Могильники также формировались сначала кочевым населением. В некоторых встречаются погребения эпохи бронзы и раннего железного века, средневековые кочевнические и даже золотоордынского времени догородские. Таким образом, в могильниках соседствуют языческие кочевнические захоронения и погребения, принадлежавшие мусульманскому населению с прочными оседлыми традициями.

При первых археологических раскопках Царевского городища А.В. Терещенко отмечал встречающиеся непосредственно на городище захоронения в кирпичных склепах с треугольным сво-

дом. Из его опубликованных дневников известны мавзолеи, где кроме мусульманских безынвентарных погребений встречаются и языческие с предметами материальной культуры, обычными для кочевнических захоронений – стремена, обломки оружия (Терещенко, 1844, с. 311–312).

Поволжская археологическая экспедиция выявила на самом городище несколько некрополей (Яворская, 1999, с. 150–151). 18 погребений исследовано на юго-западной окраине городища на прибрежных дюнах Соленого озера. Среди мусульманских безынвентарных захоронений следует отметить женское погребение № 6, где найдено зеркало и головной убор, расшитый бляхами, бусы, серьги, другие бытовые предметы (Федоров-Давыдов, 1961, с. 34). Другой городской некрополь был расположен на восточной окраине городища к северу от с. Царев в районе современного Сарай-поселка. Там исследовано три мусульманских погребения и одно мужское языческое, в котором обнаружены колчан со стрелами, седло, стремена и удила, бытовые предметы и 3 монеты середины XIV века.

Большой некрополь, получивший название Царевского курганного могильника, расположен в 0,3 км к северу от охранного знака городища. По видимому, именно его, как «северный некрополь», отмечал А.В. Терещенко в дневниках раскопок и именно на нем раскопал кочевническое погребение Ф.В. Баллод. Могильник состоял из 88 насыпей, которые располагались неширокой полосой вдоль второй надпойменной террасы, и 7 мавзолеев. Курганы исследовались в 1975 г. В.И. Мамонтовым и на рубеже 1980–1990-х гг. Е.П. Мыськовым, всего раскопано 111 погребений золотоордынского времени.

В округе городища исследована еще серия могильников, которые сложно интерпретировать. Пока не определены точные размеры городища, неясно, принадлежат ли эти могильники оседлому населению города, пригородов или кочевому населению, чьи зимние стоянки располагались недалеко от города. Особые сложности в интерпретации вызывают могильники Солодовского массива, расположенные к востоку от городища, а также

Маляевка I и Маляевка VI, находящиеся на его далекой западной окраине, исследуемые разными экспедициями начиная с конца 80-х годов.

Все перечисленные могильники в различных соотношениях включают в себя разнообразные типы погребений. Часть их представляют собой языческие всаднические захоронения, ориентированные на запад, содержащие остатки шкуры или целый остов коня, предметы материальной культуры: стремена, удила, колчан со стрелами, кресало, ножи, иногда клинковое оружие, монеты. Такие погребальные традиции в наибольшей мере свойственны разноэтничному домонгольскому населению западной части Евразийских степей, были распространены на территориях, занимаемых кыпчакскими этнополитическими объединениями.

Другая часть мужских также воинских захоронений тяготеет к традициям восточной части Евразийской степи, занятых народами монгольского круга. Эти захоронения, как правило, имеют ориентировку погребенных, близкую к северной. Чаще всего встречается северо-восточная, но иногда и строго противоположная – юго-западная, иногда западная. Такие захоронения не содержат костей коня, только предметы, связанные с всадничеством – конскую сбрую, колчан, часто с резными орнаментированными обкладками, седло, ножи, кресала, монеты. Часто встречаются небольшие металлические плошки-светильники, редко дорогая металлическая посуда. Особое место в ритуале таких погребений отведено мясу, за головой или у ног погребенных обнаруживаются остатки костей мелкого рогатого скота. Некоторая часть женских погребений с подобными ориентировками также может быть отнесена к монгольской традиции. Кроме зеркал, ножей и ножниц, разнообразных украшений, которые встречаются повсеместно в женских кочевнических захоронениях, характерными элементами обряда могут считаться здесь остатки монгольских женских головных уборов (богтаг или бокка), небольшие цилиндрические трубочки-амулеты (в позднейшей традиции Средней Азии – тумары), а также баранье «стегно» за головой погребенных.

Несомненный интерес представляют погребения, совершенные в «оградках» из сырцового кирпича. Собственно оградки круглой, квадратной и прямоугольной формы могли служить своеобразным фундаментом для каких-то несохранившихся деревянных сооружений, аналогии которым можно найти на кладбищах кочевников XVIII–XIX вв. в Казахстане (Фиельструп, 2002, с. 111, 121). Погребения могли быть одиночными, но часто встречаются и семейные усыпальницы. Ряд погребенных в таких оградках – язычники кочевники. Погребения напоминают описанные выше. Однако решительно преобладают в оградках ближайших окрестностей Царевского городища погребения оседлого мусульманского населения. Внутри оградок часто встречаются надгробия типа «мастаба» или их остатки, внутри погребальных камер – склепы со ступенчатым сводом хорезмийского облика. Погребенные уложены, как правило, с соблюдением основных предписаний ислама – в простых или «щелевидных» ямах, без вещей, ориентированы к западу, с поворотом лица к югу (на «кыблу», к Каабе). Однако в этих захоронениях традиции часто соблюдены не тщательно – лицо повернуто вверх, встречаются мелкие вещи – серьги, обломки перстней, однажды – серп, монеты. При раскопках в верхних слоях встречаются развалы керамических сосудов (Мыськов, 2003, с. 216). Дополняет пеструю картину захоронений в районе Царевского городища небольшое кладбище в южной части Царевского могильника, принадлежащее переселенцам из Хорезма. Могилы были устроены двумя ровными рядами таким образом, что над ними образовалось естественное, вытянутое по линии С-Ю, всхолмление, содержавшее 23 захоронения (курган № 84). Одна яма оказалась заготовленной для кого-то, но пустой, что доказывает постоянное функционирование этого участка кладбища. Погребенные – мужчины, женщины и дети, были похоронены с соблюдением всех предписаний ислама в ямах с ляхдами (подбоями) или в «щелевидных» ямах, головой к З, лицом к Ю. Никаких вещей при погребенных не было.

Столь же сложен и антропологический облик жителей Царевского городища и его ближайшей округи. Исследование насе-

ления Царевского городища Н.Г. Залкинд основывалось на антропологических материалах, собранных при раскопках 1959–1972 годов. Частично это был материал из некрополей, другая часть – собранные на городище останки людей, погибших под завалами. Таким образом, не исключено, что в выборку попали не только жители города, но возможно и люди, оказывавшие помощь в обороне или нападавшие. На основе типологического анализа Н.Г. Залкинд выделяет три расовых комплекса: европеоидный, с преобладанием брахикранного (широкоголового) европеоидного типа, свойственного жителям Средней Азии, монголоидного, с преобладанием южносибирского варианта, и один череп в исследованной совокупности носил «экваториальные» черты (Балабанова, 1999, с. 203).

Исследование М.А. Балабановой произведено на материалах Царевского могильника. Как и для других золотоордынских городов, отмечается довольно высокая для Средневековья продолжительность жизни – без учета детей средняя продолжительность 46,7 года. Дети умирали в возрасте до 7 лет, видимо, от детских инфекций (Балабанова, 1999, с. 206).

В целом по выборке исследование расовых комплексов согласуется с выводами Н.Г. Залкинд: те же три расовых типа. В качестве особенности исследовательница отмечает комплекс признаков, свидетельствующих о расовой дисгармонии, то есть усредненный тип золотоордынцев из Царевского могильника – смешанный, европеоидно-монголоидный, с преобладанием европеоидного брахикранного комплекса. Кроме того, в серии черепов из Царевского могильника был обнаружен второй для этого городища череп с «экваториальными» чертами. «Черные» люди вполне могли попасть в города Золотой Орды через невольничьи рынки или в качестве «подарков» золотоордынским ханам правителей Египта (Балабанова, 1999, с. 224).

Проведенное М.А. Балабановой сопоставление антропологического материала с погребальным обрядом, несмотря на неоднородность серии, дало интересные результаты. Серия женских погребений, характеризуемых «монгольскими» чертами погре-

бального обряда, оказалась и наиболее монголоидной. Мужчины из всаднических погребений обеих выделенных нами групп характеризуются все теми же смешанными европеоидно-монголоидными признаками, но образуют единый кластер со всеми сериями городского населения Золотой Орды. Комплекс мусульманских погребений, выполненных в строгом соответствии с предписаниями ислама (курган № 84), по всем признакам образует устойчивую совокупность с синхронными антропологическими материалами с территории Хорезма (Ток-Кала). Таким образом, и антропологические данные, и данные погребального обряда в совокупности определяют эти погребения как принадлежащие группе переселенцев из Хорезма (Балабанова, 1999, с. 219–221).

Можно сказать, что население, оставившее могильники Царевского городища, многокомпонентное. Часть его можно связать с переселенцами из Средней Азии. Довольно большую группу жителей составляли люди смешанного европеоидно-монголоидного облика, вызванного, видимо, активными процессами этнической консолидации населения в городах. Часть погребенных и антропологически и по обряду близки к населению, пришедшему из Центральной Азии и Южной Сибири вместе с монголами.

5. Округа города

Округа городища вызывает много споров среди ученых. Некоторые считают всю совокупность так называемых Царевских (Ахтубинских) развалин городом. Первый исследователь этих мест саратовский краевед Андрей Леопольдов указывал на почти сплошную застройку золотоордынского времени от села Верхнеахтубинского (город Волжский) вниз по Ахтубе до поселка Колобовка (Леопольдов, 1837, с. 123).

Опираясь на эту информацию и на исследования ПАЭ в округе городища, В.Л. Егоров считал, что город, находившийся на месте Царевского городища, не стоял одиноко в степи, а был окружен возделанной в сельскохозяйственном отношении территорией, заселенной оседлыми жителями: «Район этот не углублялся в безводную степь, а тянулся узкой полосой вдоль Ахтубы, что

было связано в первую очередь с нуждами поливного земледелия» (Егоров, 1985, с. 112).

Курганные могильники, оставленные населением округи, располагаются неширокой полосой вдоль левого берега на первой и второй надпойменных террасах р. Ахтуба, здесь же были расположены и небольшие поселения золотоордынского времени, часть из которых представляло собой зимники, а часть ремесленные поселки, а возможно и крепости на подступах к городу. Нижневолжские золотоордынские города строились без стен, их окружавших. Валы и рвы вокруг городов были возведены лишь в 60-е гг. XIV в., в эпоху «Великой замятни», и охватывали далеко не всю их площадь. С этим и связана проблема определения его границ, исследователи не всегда могут точно сказать, где заканчивался город и начиналась совокупность внегородской застройки, экономически тесно связанной с городом. Т.В. Гусева отмечала, что сельская округа исследуемого города была слабой, кочевая степь почти вплотную подходила к нему. Связь с ней была непрочной и не обеспечила городу сильной экономической базы (Гусева, 1975, с. 20). Таким образом, имеется две точки зрения на состав и занятия населения окрестностей Царевского городища – либо это кочевники (Т.В. Гусева), либо оседлое население, занимающееся поливным земледелием (В.Л. Егоров).

Самая северная точка «Ахтубинских развалин», по А. Леопольдову, начинается у г. Волжского, где русло Ахтубы ответвляется от русла Волги. Информация о находках древностей и застройки золотоордынского времени здесь весьма смутная. Ниже по течению р. Ахтуба недалеко от села Средняя Ахтуба возле пос. Заяр, расположенного также на второй надпойменной террасе, в конце 20-х гг. XX в. были видны около ста курганов, остатки золотоордынских зданий и кирпичного завода, а также искусственный водоем. Раскопки тех лет, а также сообщения местных жителей подтверждают наличие здесь некрополя, соединявшего в себе разновременные погребения, в том числе и XIV века (Ильина, Шишкин, 1929, с. 10). При раскопках 1958 г., среди захоронений более ранних эпох, здесь были выявлены золотоордынские

погребения (Яворская, 1999, с. 124). По-видимому, это был поселок, переросший из кочевнического зимника в специализированное ремесленное поселение.

Похожая ситуация сложилась и у села Заплавное, расположенного ниже по течению р. Ахтуба, где среди разнообразного материала более ранних эпох встречаются золотоордынские погребения (Яворская, 1999, с. 124–125). Здесь же функционировало поселение золотоордынского времени (Баллод, 1923, с. 18). Далее от с. Заплавное, вниз по течению р. Ахтубы в сторону Царевского городища, по первой и второй надпойменным террасам расположены обширные некрополи и поселения.

В 16 км к северо-западу от Царевского городища возле поселка Бахтияровка на второй надпойменной террасе р. Ахтуба расположен огромный кочевнический некрополь Бахтияровка, разделенный глубокими оврагами на три большие группы и содержавший не менее 150 насыпей и остатки 5 мавзолеев. Работами И.П. Лисицына в 1967 г. и экспедицией Волгоградского госуниверситета под руководством В.А. Кригера в 1982–1987 гг. раскопано 138 курганов и два мавзолея со 139 погребениями золотоордынского времени. Небольшую долю в могильнике занимали погребения предшествующих эпох. Могильник, видимо, развивался с востока на запад, так как в наиболее восточной его части погребения более ранние, возможно догородские и все языческие кочевнические. Чем дальше к западу, тем больше появляется погребений с вещами, аналогии которым можно встретить на городище, то есть синхронных городу, а также появляются погребения с применением сырцового и обожженного кирпича, мавзолеи. Типы погребального обряда в могильниках те же, что и на городских и пригородных некрополях, но здесь значительно меньше погребений в оградках и мусульманских. На второй надпойменной террасе на расстоянии нескольких сот метров от некрополей Бахтияровка II и Бахтияровка III разведками ПАЭ было выявлено золотоордынское поселение. Археологические исследования на нем не проводились. В 20-е гг. XX в. на поверхности поселения просматривались фундаменты двух крупных кирпичных зданий и

нескольких мелких (Ильина, Шишкин, 1929, с. 3), культурный слой, по имеющимся данным, был очень небольшим, подъемный материал беден. Такие признаки характерны для зимовок-поселений кочевников, которые у казахов носят название «кыстак». Они возникают на местах зимовок, и там оседает беднейшее население, которое уже не могло кочевать (Яворская, 1999, с. 130).

Далее вниз вдоль берега Ахтубы, недалеко от г. Ленинска, вдоль первой надпойменной террасы расположены некрополи Ленинского массива, состоящие не менее чем из 120 насыпей, из которых исследовано около 50, золотоордынских – 31 погребение. Количество мусульманских и языческих погребений здесь почти равное.

Далее вниз по Ахтубе расположены погребения некрополей Маляевка, Царев и Солодовка, принадлежащих преимущественно городскому населению, о которых писалось выше. Но все эти могильники содержат погребения более ранних эпох, то есть образовались как кочевнические. Позднее, располагаясь в непосредственной близости от города, стали городскими кладбищами.

В 7 км юго-восточнее Царевского городища располагается золотоордынское поселение Колобовское (рис. 6). Поселение это существенно меньше Царевского городища, но по нумизматическим данным синхронно ему. Раскопками А.В. Терещенко середины XIX в. на этом городище выявлен «укрепленный дворец». Внутри главного здания этого комплекса обнаружены мусульманские захоронения в подземных склепах, которые принадлежали выходцам из богатых слоев общества, поскольку погребенные, одетые в шелк и бархат, были уложены в гробы, обитые парчой при помощи серебряных скоб. Можно предположить существование здесь особо почитаемого мусульманского погребального комплекса с дорогостоящими сооружениями вокруг него типа «аулие».

Более поздние обследования этой местности в 20-х гг. XX в. выявили остатки горнов в урочище «Ерик» неподалеку от Колобовки, а в устье реки Царевочки зафиксированы остатки древней плотины (Ильина, Шишкин, 1929, с. 12). Таким образом, не исключено, что население поселка занималось ремеслом, а возможно,

и поливным земледелием. В ходе исследований 1998 и 2000 гг. были выявлены отходы производства мастерской по изготовлению кашинных изделий (в частности, архитектурно-декоративных элементов). На северной окраине памятника зафиксирован крупный производственный комплекс (скопления шлаков и ошлакованного кирпича, карьеры, образовавшиеся в процессе добычи глины). По-видимому, Колобовское селище было крупным ремесленным пунктом в череде поселений золотоордынского времени по Волге – Ахтубе.

К северу и югу от поселения цепочкой располагается серия небольших курганных могильников. Все они содержат кочевнические погребения дозолотоордынского времени, а также синхронные городу и поселению. Одно погребение датируется монетой конца XIII века. Погребения здесь сильно разграблены, но в целом они тех же типов, которые отмечены нами раньше. Могильники демонстрируют тот же способ формирования, как и в остальной округе Царевского городища – кочевнические некрополи постепенно начинают использоваться местным оседлым населением. Судя по раскопкам А.В. Терещенко и В.Г. Блохина, расцвет жизни на этой территории пришелся на середину XIV в., также как и соседнего Зубовского массива, расположенного в 8 км юго-восточнее Колобовки.

А. Леопольдов в 30-е гг. XIX в. видел возле дер. Зубовка развалины укрепления с валами и бастионами (Леопольдов, 1837, с. 126). В первой трети XX в. здесь зафиксировано 29 курганных насыпей и 13 остатков золотоордынских зданий, а также горны для обжига глиняной посуды, видимо, какая-то часть населения поселка практиковала ремесло. Современные местные жители, используя кирпич из ордынских строений, часто находили обломки изразцов и однажды даже с изречениями из Корана. Что касается погребений, то местные жители рассказывали о погребении под крестообразным надгробием в колоде, внутри которой находилась золотая чаша (Ильина, Шишкин, 1929, с. 11). Разведками ПАЭ в 60-е гг. XX в. также было выявлено Зубовское городище, примерно в 17 км на ЮВВ от Царевского. Топографическая съемка

И.А. Воронцова на этом поселении выявила остатки крупного четырехугольного, по-видимому фортификационного сооружения, фланкированного по углам башнями, что согласуется с указанием А. Леопольдова.

На окраине поселения могильник, большая часть захоронений которого совершена в оградках. Почти все безынвентарны, но нормы ислама не соблюдены полностью, а в двух захоронениях, расположенных отдельно от остального массива, обнаружены вещи в большом количестве. Одно из погребений содержит монеты 40-х гг. XIV века.

Начальный этап образования курганных могильников в окрестностях Царевского городища ничем не отличается от обычных степных некрополей – они функционируют там, где есть более древние памятники. Таким образом, некоторая часть некрополей начала функционировать в золотоордынское время еще до образования крупного города на месте Царевского городища. Основным занятием населения на этой территории до возникновения города было, по-видимому, кочевое скотоводство. С возникновением и развитием города совпадает трансформация хозяйства кочевников к полукочевому. В окрестностях города функционировал целый ряд поселений, население которых в качестве вспомогательного занятия, использовало земледелие.

Политические события, связанные с феодальной междоусобицей в улусе Джучи в конце 50-х – 60-е гг. XIV в., разгром города в конце 60-х гг. XIV в. способствовали потере им ряда своих важнейших функций, особенно административно-политических. Это влечет за собой затухание жизни в его окрестностях, где поселки забрасываются, а некрополи, соответственно, прекращают функционировать. Самые поздние монеты, обнаруженные в некрополях, датируются 1361 годом.

Вопросы

1. Охарактеризуйте основные этапы развития Царевского городища. В чем специфика его развития?

2. В чем состоят особенности топографии городища и прилегающих к нему территорий? Чем отличается застройка Царевского городища от Селитренного?

3. Дайте характеристику основным объектам, исследованным на городище Поволжской археологической экспедицией. Как эти находки характеризуют статус города?

4. Расскажите о гидротехническом режиме и фортификации Царевского городища. В чем состоит сущность полемики ученых о системе вала и рва этого средневекового города?

5. Какие особенности выявили антропологические исследования некрополей Царевского городища? Есть ли отличия в составе его населения от столицы?

6. Каковы особенности функционирования округи Царевского городища?

ukekfest.ru

ГЛАВА VI

ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

1. Территория памятника. Хронология и периодизация истории древнего города

Водянское городище расположено на правом берегу Волги у г. Дубовка Волгоградской области (рис. 10). Памятник представляет собой остатки небольшого золотоордынского города. Площадь городища составляет около 50 га. Памятник располагается на мысу, ограниченном с востока Волгой, с севера и запада – Водянской балкой, с юга – оврагом, земляным валом и рвом, и имеет весьма выгодное в стратегическом отношении месторасположение. Уязвимым оставалось юго-западное направление, защищенность которого достигалась возведением нескольких линий валов и рвов. Концы линий обороны упирались в отроги балок. В 20-е гг. высота вала первой линии со стороны города составляла – 1,20–1,40 м, высота вала второй линии – до 2,8 м (Баллод, 1923, с. 41–42). Таким образом, при основании поселка на Водянском городище были учтены стратегически выгодные ландшафтные условия. Судить о структуре и времени сооружения валов и рвов в настоящее время невозможно, так как они не подвергались археологическому изучению. Поверхность памятника имеет всхолмленный рельеф, однако проследить какую-либо систему в расположении этих всхолмлений сейчас достаточно трудно. Мощность культурных напластований составляет 0,3–1,5 м.

Поселение на Водянском городище возникло на его северо-восточной окраине (р. II-92, I-93, I-97, I-98). Начало II строитель-

ного периода на этих раскопах может быть датировано монетными находками 20–30-х гг. XIV в., это связано с планировкой поверхности для строительства нового золотоордынского квартала. Культурный слой I строительного периода (слой золистой светло-серой супеси и ямы с большим количеством русской керамики и рыбьей чешуи) сформировался до начала распространения медных пулов в Нижнем Поволжье, то есть до рубежа 20–30-х годов. Учитывая тот факт, что мощность культурного слоя в 10–30 см могла сформироваться в течение нескольких десятилетий, период возникновения поселения может быть определен рубежом XIII–XIV веков. В этот период поселение представляло собой небольшой поселок русских переселенцев (Мыськов, 2001а, с. 252–255).

В 1330-х гг. в Золотой Орде разворачивается широкая градостроительная деятельность. Фиксируется она и на Водянском городище. Доля медных монет 30-х гг. (15,5 %) резко возрастает по сравнению с количеством монет 10–20-х гг. (6 %), что свидетельствует об увеличении денежного обращения на поселении и соответственно отражает его развитие. Обращение монет возрастает в последующие годы и достигает своего пика в 50-х гг. XIV в. (30 %) (Блохин, 2001, табл. 6). С 1330-х гг. мусульманским золотоордынским населением заселяется северо-западный сектор городища в районе мечети (р. II-71, 72, 73). В начальный период здесь отстраиваются два жилых квартала регулярной застройки, разделенных уличной магистралью. Они функционировали одновременно до конца 50-х гг. XIV века. В конце 1350-х гг. южный квартал был спланирован, а на его месте построена мечеть (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976). В центральной части прибрежной полосы в конце 40-х гг. XIV в. было построено большое общественное здание (предположительно квартальная мечеть), которое функционировало до начала 60-х гг. XIV века (Мыськов, 2001, с. 260–261). В северо-восточной части памятника, не позднее начала 30-х гг. XIV в., на месте русского поселка производится перепланировка, отстраиваются новые мусульманские кварталы (Егоров, Полубояринова, 1974;

Мыськов, 2004, с. 296–297). Русское же население переселяется на юго-восточную окраину, образуя отдельный русский квартал (Мыськов, 2001а, с. 255–259). Этот квартал просуществовал здесь до 1360-х гг. и окончательно запустел к началу 70-х гг. XIV века. Причем, в течение этого периода территория русского квартала постепенно сокращалась, а его северная часть была занята русским кладбищем. Наиболее ранние захоронения этого кладбища синхронизируются еще с бытовыми комплексами русского поселка. Свое функционирование кладбище заканчивает вместе с русским кварталом в 60-е гг. XIV века (Мыськов, 2001а, с. 259; Мыськов, 2001б, с. 128). По приблизительным подсчетам Е.П. Мыськова, территория кладбища занимала площадь около 7 тыс. кв. м, на которой могло располагаться до тысячи погребений. Таким образом, в русском поселке, а позднее в русском квартале проживало не менее нескольких сотен человек (Мыськов, 2001б, с. 123–124, 128).

С началом Великой замятни объем денежного обращения на Водянском городище, по сравнению с 50-ми гг., сокращается почти в три раза (10 %), и резко падает в 70-е гг. (чуть более 1 %). В этот же период прекращает функционировать мечеть и жилые кварталы вокруг нее, а на их месте разрастается городской некрополь (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976), окончательно затухает жизнь в русском квартале (Мыськов, 2001а, с. 259), город переживает период своего упадка.

Определенное восстановление экономического и политического потенциала городской жизни следует констатировать для периода правления Тохтамыша. Объем денежного обращения в 80–90-е гг. начинает расти (8,5 %, а с учетом надчеканенных пулов – 18 %) и достигает уровня 40-х годов. Отстраиваются новые кварталы, в частности, в северо-восточной части городища на месте русского поселка. Здесь зафиксированы жилые однокомнатные дома, организованные в кварталы регулярной застройки уличной сетью. При этом возводились они по единому плану. Об этом свидетельствуют нивелировка участка под строительство, параллельная ориентировка домов и улиц. Стратиг-

рафические и нумизматические данные свидетельствуют о начале строительства квартала не ранее 70-х гг. XIV века (Мыськов, 2004, с. 297).

В 796 г. хиджры город был захвачен и сожжен отрядами Тимура. Об этом говорят следы крупного пожара на ряде раскопов (I-92, 93, 97), поздние слои которых датируются концом 90-х годов. Однако и после разгрома Водянского городища жизнь здесь продолжалась еще какое-то время, возможно, и в самом начале XV века. Это подтверждается находками медных монет Хаджи-Тархана 799 г. х. с надчеканкой в виде треугольника (Мыськов, 2004, с. 298).

Время тезаврации кладов Водянского городища также маркируют кризисные периоды жизни города. Из трех известных кладов, один выпал из обращения в 764 г. хиджры и два в конце XIV века.

2. Проблема названия

Уже в XIX в. Водянское городище отождествлялось с населенными пунктами, известными по письменным и картографическим данным. В свое время Н.А. Толмачев в конце XIX в., основываясь на сообщении Абуль-Фиды, предложил считать Водянское городище золотоордынским городом Бельджаменом (Толмачев, 1889). Бельджамен впервые упоминается как населенный пункт под 1321 г. у арабского географа Абуль-Фиды. Здесь он представляется как небольшой населенный пункт, и располагается между Укеком и Сараем в месте, где река Итиль «поворачивает на юго-восток и протекает с юго-западной стороны Сарая» (Толмачев, 1889, с. 91). Другие сообщения о Бельджамене (Бальчимкине) относятся к началу XV в. и связаны с описанием похода Тимура в 1395 г. на Золотую Орду. В «Книгах побед» Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Йезди говорится о том, что войска Тимура, возвращаясь из набега на русские земли, направились к Бельджамену, а затем к Азаку (Тизенгаузен, 1941, с. 121, 180, 185). Местоположение Бельджамена в данном случае не детализируется. На географических

средневековых картах обозначен город, который можно отождествлять с Бельджаменом нарративных источников. В районе, где русло Волги делает поворот на юго-восток, Дон находится на наиболее близком от нее расстоянии. Место наибольшего сближения Волги и Дона достаточно четко фиксируется на географических картах. На карте братьев Пицигани в этом месте обозначен город berciman. Но размещен он на правом берегу Дона (tanay), хотя, по сообщению Абуль-Фиды, Бельджамен находился на правом берегу Волги. Очевидно, здесь сказалась ошибка составителя карты. В этом убеждает информация других карт: на Каталонском атласе город berchimam(n) размещается в месте наибольшего сближения Волги и Дона на правом берегу Волги; на карте Фра Мауро город belciman размещен на перешейке между Волгой и Доном (рис. 2–4). Подобному географическому положению отвечают два городища – Водянское и Мечетное.

Ф.Ф. Чекалин также локализовал Бельджамен на Водянском городище, дополнив аргументацию сведениями средневековых географических карт (Чекалин, 1888). Б.В. Зайковский, отождествляя Бельджамен с Водянским городищем, выдвинул тезис о том, что удобное географическое положение Водянского городища определялось его местонахождением на кратчайшей переволоке между Волгой и Доном, одна станция которой располагалась в районе ст. Качалинская, а вторая – на месте Водянского городища – Бельджамена (Зайковский, 1908, с. 40). Остальные маршруты, выше и ниже Водянского городища, считались неудобными для переволоки. Таким образом, Водянское городище представлялось крупным перевалочным пунктом, что соотносилось с определением «bazar», дополненным к названию города на карте братьев Пицигани.

На возможность отождествления Бельджамена как с Водянским, так и с Мечетным городищами указывал О.Г. Рогачев (Рогачев, 1992, с. 27–28). Местоположение Мечетного городища отвечает сообщению Абуль-Фиды и сведениям средневековых карт. Волга также протекает мимо Мечетного городища, а затем пово-

рачивает на юго-восток. Городище находится на перешейке в районе наибольшего сближения Волги и Дона.

С городом Бельджаменом и Водянским городищем сопоставляется также город Бездеж, известный по русским летописям (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 41). Впервые Бездеж упоминается под 1319 г. в эпизоде об убиении Михаила Тверского (ПСРЛ, 1965, с. 186). После его казни тело было отправлено в Маджары, откуда вместе с караваном московского князя Юрия «повезоша его ко граду к Бездежу», где тело встречали «множество народа» (то есть русских). В Бездеже тело Михаила Тверского положили не в церкви, а во дворе. Из этого сообщения ясно, что Бездеж находился где-то между границами русских княжеств и Маджарами, причем это был достаточно крупный населенный пункт, в котором проживало значительное количество русского населения и имелась православная церковь. В.Л. Егоров считал, что открытие на Водянском городище русского квартала является достаточно веским основанием для локализации на нем Бездежа (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 41). Однако факт наличия русского населения устанавливается и для других поселений Поволжья – Царевского, Мечетного городищ, Увека, поселения Березняки, и присутствие древнерусских артефактов на том или ином археологическом объекте не может являться основным аргументом в вопросе локализации Бездежа. Соотнесение Бездежа русских летописей и Бельджамена арабских источников не может быть принято еще и потому, что в 1319 г. Бездеж являлся достаточно крупным населенным пунктом («градом»), а Бельджамен и в 1321 г. еще оставался небольшим поселком.

Следующее упоминание Бездежа связано с описанием чумы 1346 года. В числе городов Золотой Орды, особенно сильно пострадавших от нее, названы «Орначь, Азсторокань, Сарай и Бездеж» (ПСРЛ, 1965, с. 217). В.Л. Егоров отмечает, что города в этом списке приведены в порядке их расположения с юга на север, а следовательно, Бездеж должен находиться к северу от Сарая (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 153). К этому выводу пришел еще Д. Кобеко (Кобеко, 1892, с. 153). Но он отождествлял

Бездеж с селом Бектяш на правом берегу Волги в Симбирской губернии, основываясь на созвучии топонимов. П.Н. Милюков, опираясь на сходство названий «Бездеж» и «Бештау», предлагал искать город в районе Пятигорья на Северном Кавказе (Милюков, 1889). Тот факт, что Бездеж находился севернее не только Сарая, но и Водянского городища, подтверждается известием русских летописей. В них говорится о том, что один из ордынских князей – Тагай в 1361 г. «иже от Бездежа, той убо Наручад и всю ту страну взял, и тамо о себе пребываше» (ПСРЛ, 1965, с. 233), то есть находился где-то в одном из северных улусов Золотой Орды рядом с Мохши-Наровчатом.

Среди медных пулов Водянского городища выделяется монетный двор «Барджин» (Базджин, Тарджин), доля монет которого составляет около 2 %. Пулы Барджина представлены единственным анонимным типом 753 г. хиджры. Известен еще один тип барджинской монеты 738 г. хиджры. Однако он представлен одной монетой, найденной на Болгарском городище, и здесь, скорее всего, мы имеем дело с ошибкой резчика. С.А. Янина соотносила Барджин с городом Барчин (Барчыгкент, Барчкенд) в низовьях Сыр-Дарьи (Янина, 1954, с. 436), основываясь лишь на тождестве названий. Г.А. Федоров-Давыдов допускал возможность сопоставления Барджина с Бездежем и Водянским городищем (Федоров-Давыдов, 1994, с. 32). Однако безусловных доводов в пользу той или иной точки зрения нет. Процент барджинских монет 753 г. хиджры на Царевском (2,2 %) и Увекском (4,2 %) городищах (Федоров-Давыдов, 1963, с. 169) также высок, как и на Водянском. Этот факт свидетельствует лишь в пользу того, что монетный двор находился где-то на Нижней или Средней Волге.

Перед самым тимуровским погромом, в городе, видимо, была организована чеканка собственной монеты с номенклатурой «Адиль». С Водянского городища происходит некоторое количество монет 794 г. х., чеканенных в «Адиле», и монеты 752–791 г. х., перештампованные надчеканкой «Адиль», скорее всего, в том же 794 г. (Клоков, Лебедев, 2000, с. 121–122). Кроме того, в 1971 г. на

городище обнаружен кладик из 6 пулов, тезаврированный в конце XIV в., содержавший 5 монет с надчеканкой «Адиль». Представляя собой состояние одной небогатой семьи, он являлся кладом кратковременного накопления, формировавшегося на месте.

3. Особенности городской застройки. Основные исследованные объекты

Судя по топографии Водянского городища, единой магистральной линии застройки здесь не прослеживается. Территория города была разбита на отдельные кварталы сетью улиц. К настоящему времени вскрыто несколько участков, характеризующих систему уличной планировки. Участок улицы был вскрыт при раскопках мечети (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 129, 133). Улица шириной 8–9 м проходила вдоль северной стены мечети, расширяясь к северо-востоку от нее. Посредине улицы был устроен арык шириной 0,75–1,1 м, глубиной до 0,9 м. Дно арыка понижалось к востоку, то есть в сторону Волги. Данная улица вместе с арыком существовала еще до строительства мечети, разделяя два жилых квартала, функционировавших одновременно до 50-х гг. XIV века. При строительстве мечети в конце 50-х гг. XIV в. южный квартал был снивелирован. Судя по стратиграфии и нумизматическим данным, арык оставался не засыпанным и в период функционирования мечети, хотя от входного портала их разделял очень короткий промежуток в пределах 2–2,5 м. Северный квартал был организован по единому плану. Дома стоят на одной линии и находятся на материке; от проезжей части их отгораживала плетневая изгородь. Позднее улица была сужена за счет пристройки с краю проезжей части ряда домов.

Еще один участок с уличной планировкой был вскрыт на раскопах II-92, I-97, 98. Исследованный участок квартала рядовой застройки с типичными однокомнатными домами возводился по единому плану. Об этом свидетельствует нивелировка всего участка – были засыпаны ямы, связанные с жизнью русского населения. Квартал представлял собой два ряда жилых домов. Стены домов параллельны друг другу; пространство между домами со-

ставляет от 0,3 до 1,5 м; входом постройки ориентированы на юг, то есть выходили непосредственно на улицу. Перед входом некоторых домов прослеживались остатки столбов диаметром 0,15–0,2 м, представлявшие собой, очевидно, конструкции айвана-навеса и (или) ограды. Северный ряд домов располагался параллельно первому. Стены домов относительно друг друга также параллельны. К северу от этого ряда жилой застройки не зафиксировано. То есть с северного края квартал также ограничивала улица. Проулок между рядами застройки был не широким – до 1 м.

За период археологического изучения на памятнике раскопаны керамический горн, остатки бронзолитейного производства, землянки и рядовые жилые однокомнатные постройки.

Из нерядовых объектов следует отметить следующие постройки. Мечеть Водянского городища (26 × 35 м) прямоугольна в плане, ориентирована михрабом на юго-юго-восток (рис. 19). Она имела вход, смещенный с центральной оси к востоку, обрамленный пилонами (100 × 250 см) портала. Стены мечети сложены из рваного камня на глиняном растворе и покрыты с обеих сторон белой известковой штукатуркой, нанесенной на глиняную обмазку. Пилоны сложены в технике «панцирной облицовочной» кладки. С северо-восточного угла здание было фланкировано круглым в плане, сужающимся кверху минаретом, покоящимся на прямоугольном (5,0 × 4,2 м) цоколе, и украшенным орнаментальными поясами из бирюзовых поливных кирпичей и ганчевых вставок. Цоколь минарета впущен в котлован глубиной 0,2–0,3 м. Он представлял собой чередующиеся слои камней мелкой и крупной фракции. К югу от минарета, примыкая к восточной стене мечети, располагалось небольшое подсобное помещение. Посередине южной стены находился контрфорс, усиливающий ее в месте расположения михрабной ниши. Внутреннее пространство мечети членилось на равные квадраты со сторонами 4 м. Перед михрабом располагалась площадка (8,14 × 8,4 м), ограниченная кирпичной вымосткой в три слоя и два ряда, в толще которой находились каменные квадры баз деревянных колонн. Михрабная полуцентрическая ниша обрамлялась двойными уступчатыми пилонами.

Архитектурным выразителем михрабной ниши мечети Водянского городища служил глубокий айван в виде квадратной площадки, окруженной колоннадой (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976).

В 2001 г. экспедицией ВГПУ под руководством Е.П. Мыськова в центральной части прибрежной зоны памятника раскопано большое прямоугольное здание, ориентированное по линии ССВ-ЮЮЗ. Его размеры 12,8 × 10 м. Стены здания были сложены из сырцового и обожженного кирпича. У входа внутри здания были устроены узкие Г-образные суфы (возможно, место для обуви). На южной стене здания размещалось алебастровое панно в виде ажурной решетки, лицевая сторона которого была покрыта сусальным золотом. На алебастровую штукатурку изнутри здания были нанесены рисунки и надписи, выполненные шрифтом «насх». Кровля здания поддерживалась двумя деревянными колоннами на каменных базах. Помещение освещалось дорогими стеклянными лампами. По предположению автора раскопа, здание являлось небольшой квартальной мечетью (Мыськов, 2001, с. 260–261).

Общественная баня Водянского городища относится к римско-византийской традиции, где девять прямоугольных помещений расположены на трех продольных осях здания. Размеры сохранившейся части бани – 16 × 12 м. Функционально помещения можно разделить на несколько групп: помещения № 1 и 9 – входные тамбуры, № 3 – предбанник, № 4 – так называемая «комната отдыха» (не отапливаемая), располагавшаяся между предбанником и мыльнями, № 5, 6, 8 – собственно мыльни; характер остальных помещений не определен (рис. 22). Аналогичные по планировке здания обнаружены в Великих Болгарах (№ 3) и Биляре.

У комплекса бани исследован участок дренажной системы (р. I-68) (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 47). Канава дренажа представляла собой траншею шириной 1,4–1,6 м. Борта траншеи не сужались плавно ко дну, как на Селитренном городище, а были вырублены в виде нескольких уступов. На дне траншеи был выкопан канал дренажа глубиной 0,2 см, шириной 0,27 м. На образовавшиеся материковые ступеньки были поставлены на ребро плоские камни толщиной 0,1–0,15 м, сверху перекрытые большими

камнями, щели между которыми заделывались бутом, фрагментами кирпича. Сверху траншея была заполнена плотно утрамбованной глиной с фрагментами кирпича, известкового раствора, керамики, костей. Дно канала понижалось к востоку, сброс отработанной воды производился в Волгу.

Рядом с комплексом мечети раскопаны два мавзолея – № 1 и 2. Оба – однокамерные подквадратные в плане, без выраженной архитектоники фасадной части, образующие центрическую композицию здания (Егоров, 1980, с. 74–78). Подобный архитектурный тип был широко распространен на Востоке на протяжении всего Средневековья. Третий мавзолей раскопан в южной части памятника. Он представлял собой двухкамерную прямоугольную в плане постройку, состоящую из усыпальницы (гур-хана) и помещения, служившего местом поминовения (зийарат-хана). Вход в мавзолей был ограничен монументальным порталом типа «пештак», фланкированным трехчетвертными колоннами (Егоров, 1980, с. 80–84). Подобная планировочная композиция характерна для Средней Азии, где она получила свое развитие в XI–IV веках.

4. Городское население

О населении Водянского городища можно судить из материалов исследований некрополей. Часть из них известна из раскопок мавзолеев города. В 1971–1973 гг. в период раскопок крупной мечети в северо-западной части городища было исследовано большое мусульманское кладбище с 50 погребениями, большая часть захоронений которого относится ко времени разрушения и запустения мечети (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 139). Традиция захоронения покойников вблизи мечети или прямо в ее развалинах характерна для жителей Средней Азии. Там в Средневековье бытовало представление о мечети как святом месте, наиболее близком к Аллаху. Погребения совершены в узких прямоугольных или трапециевидных ямах, иногда со слегка скругленными углами. Но существенны различия, как в надмогильных, так и во внутримогильных конструкциях, а также в более или менее престижном расположении погребения на кладбище.

Археологическим и антропологическим материалам этих некрополей посвящено исследование Л.Т. Яблонского (Яблонский, 1987). Он разделил всю совокупность погребений на три большие группы, предположительно по возможному социальному статусу погребенных: 1) захоронения на территории мечети, 2) в мавзолеях и 3) на рядовом кладбище. На основе статистического анализа выявлено 4 основных типа погребений.

Тип 1. Захоронения в кирпичных склепах и под надгробиями. Обнаружены на территории мечети и в мавзолеях.

Тип 2. В могилах с подбоями и под надгробиями. Четко не локализуются в какой-либо из групп.

Тип 3. В деревянных склепах без надгробий. Обнаружены в мавзолеях.

Тип 4. Погребения с деревянным перекрытием или вообще без надмогильных и внутримогильных сооружений, расположенных на рядовом кладбище (Яблонский, 1987, с. 159–160).

Первые два типа погребений с дорогими сооружениями, несомненно, связаны с высоким социальным статусом и с религиозной традицией. Подбои могут быть связаны с мусульманским населением, так как указывают направление на Мекку (на Каабу), но могут связываться и с монгольской языческой традицией. Надгробия и внутримогильные сооружения отличаются многообразием форм – кирпичные надгробия с отвесными стенками, ступенчатые, надгробия с каменным цоколем, вымостка из камня, ряд кирпичей, поставленных на угол, то есть уложенных «в елочку» и другие. Все эти варианты хорошо известны из исследований средневековых некрополей различных областей Средней Азии (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 32–57). Погребения с подбоем редки, составляют около 2 % всей выборки. По-видимому, имущая часть населения не отличалась этнической однородностью. Деревянные склепы характерны для болгарской традиции, но кроме этого, еще и для степной кочевнической. Сказывалась и неоднородность социального порядка, обусловившая появление погребений типа 4 рядового кладбища с разнообразными, но недорогими сооружениями в могилах.

Антропологические особенности населения Водянского городища, оставившего захоронения на мусульманских кладбищах города, характеризуются брахикранией (широкоголовостью) двух типов – монголоидного и европеоидного (Яблонский, 1987, с. 180). Серия эта обнаруживает, по мнению Л.Т. Яблонского, сходство со сборной серией из других золотоордынских поселений, опубликованных Г.Ф. Дебецем и Т.А. Трофимовой. В качестве основного для городского населения Т.А. Трофимова выделяла европеоидный брахикранный расовый тип памиро-ферганской группы. Монголоидный расовый тип исследовательница разделила на южносибирский и центральноазиатский типы. То есть частично население было похоже на жителей Средней Азии, частично на центральноазиатских и южносибирских кочевников. Однако «чистых» представителей различных расовых типов очень немного, преимущественно смешанные (метисированные).

Сопоставление Л.Т. Яблонским типов погребений с антропологическими типами почти не выявило значимой статистической связи. Лишь погребенные в статусно значимых подбойных конструкциях характеризуются наибольшим комплексом монголоидных признаков. Преимущественной связью с этим же комплексом краниологических признаков характеризуются захоронения, совершенные в почитаемых для мусульман, а значит и наиболее престижных местах – в мавзолеях и на территории мечети. Захоронения на рядовом кладбище характеризуются в целом европеоидностью (Яблонский, 1987, с. 181). Сопоставление с антропологическими сериями из Среднего Поволжья показало некоторую значимую связь их с населением Водянского городища. Археологически это подтвердить или опровергнуть не удается.

Есть в некрополе и необычные погребения. Например, два захоронения в склепах, с костями жертвенных животных – овец вместо людей. Эта традиция поминальных захоронений находит аналогии в этнографии различных групп среднеазиатского и кочевого южносибирского населения, но археологических аналогий не имеет. Подводя итоги, следует сказать, что мусульманское население Водянского городища было весьма неоднородно как соци-

ально, так и по расовому типу, возможно, этнически. Более престижные захоронения характеризуются большей монголоидностью, менее престижные – европеоидностью. Антропологически и по способам захоронений это население практически ничем не выделяется среди антропологических серий золотоордынских городов Нижней Волги.

5. Русское население Водянского городища

Еще одной характерной особенностью Водянского городища являются достаточно выраженные следы проживания русского населения. Если мусульманское население, как мы уже указывали, несло черты среднеазиатской и, возможно, болгарской традиции, то русское население, проживавшее здесь, кардинально отличалось от него. Оно было христианским, это накладывало отпечаток на весь быт русских – занятия, особенности пищевого рациона, домостроительство, материальную культуру, в особенности на керамический комплекс, на способы захоронений.

До начала работ Поволжской археологической экспедиции никаких сведений о проживании в Средние века в этом городе русского населения не было. Работами ПАЭ 1967–1969 гг. в юго-восточной прибрежной части был выявлен культурный слой мощностью 0,65 м с большим количеством фрагментов русской посуды, основание которого находилось на материке. По итогам этих раскопок были сделаны выводы о том, что русское население жило по всей прибрежной территории городища достаточно давно, так как, разрастаясь, мусульманский город потеснил их жилища. Собственно жилищ русских не было исследовано, но некоторые большие ямы были интерпретированы как землянки, где в тяжелых условиях жили русские пленные (Егоров, Полубояринова, 1974). Кроме того, экспедиция в конце 60-х гг. исследовала часть кладбища русского населения, 17 захоронений которого на антропологическом материале были интерпретированы как захоронения славян. Материалы этих раскопок опубликованы в совместной статье В.Л. Егорова и М.Д. Полубояриновой (1974), затем обобще-

ны в монографии М.Д. Полубояриновой «Русские люди в Золотой Орде» (1978).

Многолетними исследованиями на городище Волго-Ахтубинской археологической экспедиции (ВААЭ) Волгоградского государственного педагогического университета под руководством Е.П. Мыськова информация об особенностях заселения этой территории русскими, их быте, существенно пополнилась. Раскопы закладывались почти ежегодно, примыкая друг к другу, преимущественно в прибрежной зоне в целях спасения этой части памятника, подмываемого водами Волгоградского водохранилища. В результате выяснилось, что зона проживания русского населения действительно была прибрежная, но заселена она была таким образом не единовременно, а в разные хронологические интервалы. Сначала на северо-восточной окраине будущего города, на мысу, существовал поселок русских переселенцев, который функционировал примерно с начала XIV в. до 20–30-х годов. Затем, по-видимому, население поселка было переселено на другой, но также прибрежный участок, где с 40-х гг. XIV в. функционировал русский квартал, открытый ПАЭ. А территория бывшего русского поселка была выровнена, подсыпана специальным слоем для нивелировки поверхности и застроена мусульманскими домами обычного золотоордынского облика. Два разновременных русских поселения получили в статьях и публикациях Е.П. Мыськова наименования «русского поселка» и «русского квартала» Водянского городища.

Русский поселок располагался в северо-восточной части города на мысу, образованном Водянской балкой с севера и глубокой сухой Безымянной балкой с юга. ВААЭ под руководством Е.П. Мыськова исследовала эту часть города, последовательно прирезая раскопы друг к другу, в 1992, 1997, 1998, 2000, 2003 и 2004 годах. Нижний стратиграфический уровень, находящийся на материке, составляют хозяйственные ямы. Из 16 исследованных к 2000 г., ям 6 имели одинаковые глубины и располагались по кругу, что убедительно свидетельствует об их одновременном функционировании вокруг комплекса. Комплексом была когда-то, ви-

димо, усадьба с домом и другими постройками, которая не сохранилась, так как под мусульманский квартал производилась нивелировка поверхности.

В ямах среди обычного для данной местности состава остеологического материала (КРС, МРС, лошадь) обнаружены кости свиньи – животного, не употреблявшегося в пищу мусульманским населением золотоордынских городов, а также кости птицы и многочисленные кости и остатки чешуи рыб. Многочисленны находки предметов рыболовного промысла – железных крючков, грузил из камня. Большое количество железного шлака можно интерпретировать как остатки железоделательного производства. В ямах встречены также обрывки кожи и бересты со следами прошивки, железные скобы, фрагменты изделий из кости (рис. 29). В кладке цоколя дома более поздней постройки обнаружен нательный крест (Мыськов, 2001а, с. 254). О занятиях населения свидетельствуют не только предметы рыболовного промысла, но остатки каменных жерновов от ручных мельниц, сброс остатков колосковых культур, обнаруженных в одной из хозяйственных ям.

Нумизматического материала непосредственно из русских ям неизвестно. Однако исключительно с территорией поселка соотносятся массовые находки монет 20-х гг. XIV в., а в 30-е гг. эта территория была уже застроена мусульманским кварталом. Других участков, которые можно соотнести с функционированием в 20-е гг., на городище нет (Мыськов, 2004, с. 296). Таким образом, территория русского поселка является самой ранней частью Водянского городища.

Основание поселка Е.П. Мыськов до недавнего времени относил к рубежу XIII–XIV веков. Ныне исследователь приближает его к 20-м гг. XIV в., и время функционирования поселка, по его мнению, не более 15–20 лет (Мыськов, 2004, с. 296). Жизнь и назначение этого поселка русских Е.П. Мыськов соотносит с сообщением Рубрука о похожем поселке на Дону, в котором побывал путешественник в середине XIII века. Путь Рубрука к Волге, где он встретил еще одно поселение с русскими обитате-

лями, пролегал значительно севернее. Но подобных поселений могло быть много как в XIII, так и в XIV веке. Они устраивались по приказу золотоордынских ханов для осуществления переправы через крупные реки. Это было единственной повинностью такого населения – переправа послов и других официальных лиц. Всех других путников, по сообщению Рубрука, жители поселков переправляли за плату и в остальном жили довольно свободно (Мыськов, 2001а, с. 259).

Русский квартал расположен на юго-восточной окраине городища. Он ограничен с севера и запада – балкой, а с юга – глубоким оврагом. На северном берегу балки исследовано довольно большое русское кладбище. По нумизматическим данным квартал функционировал с 40-х гг. XIV в. до конца 60-х годов. На нем нет и слоя пожара времен Тамерлана (1395 г.), как в остальных частях городища (Мыськов, 2001а, с. 259).

На территории квартала при раскопках обнаружены сотни бытовых предметов: остатки железных цилиндрических замков, ключей, шарнирные ножницы, ножи, гвозди, скобы, крючки, фрагменты двух бронзовых зеркал, один из которых относился к большому дорогому зеркалу переднеазиатского производства со сценой «охоты на львов». Обнаружены также накладки и бляхи из бронзы, серьги и подвески из серебра. О занятиях свидетельствуют те же находки, что и на поселке – все, что связано с рыболовным промыслом, а также жернова от ручных мельниц и мотыжка. К юго-западу насыщенность культурного слоя понижается с 0,65 до 0,2 м. Картина похожа на поселок и по остеологическому материалу, увеличивается лишь доля крупного рогатого скота в общей массе кухонных сбросов (Мыськов, 2001а, с. 256–258).

Общая картина жизни квартала напоминает поселок. Несколько изменяется керамический комплекс и насыщенность культурного слоя. Это легко объясняется тем, что не было нивелировки поверхности под новую застройку.

В керамическом комплексе русских поселений городища обнаружены фрагменты как русской, так и красноглиняной неполивной, собственно золотоордынской керамики. Общая характе-

ристика и типология русской керамики Водянского городища была разработана М.Д. Полубояриновой. Она отметила, что в целом это слабообожженная керамика очень низкого качества с ломким черепком и грубыми примесями в тесте (Полубояринова, 1978, с. 87, 130). Из двенадцати выделенных ею типов наиболее распространенными оказались сосуды типов I–IV. Эти и менее распространенные типы керамики представляли собой горшки. Кроме этого, экспедициями ПАЭ и ВААЭ были обнаружены обломки мисок, плоскодонные плошки, светильник с двумя симметричными носиками, фрагменты закрытой банки высокого качества по технологии изготовления. Ряд сосудов был снабжен небольшими боковыми ручками, многие сохранили следы ремонта. Наиболее распространенной орнаментальной композицией является многорядная «волна», что сближает этот комплекс керамики с комплексами из Среднего Подонья (Мыськов, 2002, с. 133). На днищах ряда русских сосудов удалось обнаружить клейма мастеров. Русское население обслуживалось несколькими ремесленниками, но производилась посуда эпизодически. Посуду высокого и среднего качества производили гончары, а низкокачественную изготовляли жители в своих хозяйствах для личного пользования.

Большинство фрагментов красноглиняных сосудов квартала и поселка представлено обломками больших одноручных кувшинов для воды, необходимых для ее подъема на высокий Волжский берег (Мыськов, 2002, с. 129). Кроме этого в южной части русского квартала обнаружены фрагменты от сосудов, напоминающих по форме и назначению русские горшки, а также большие горшки с раздутыми боками, возможно, для хранения сыпучих продуктов, так как они были без копоти. Остальные находки красноглиняных сосудов единичны и не очень отличаются в материалах поселка и квартала: фрагменты небольшой амфоры, светильника, пиалообразных чаш. Кроме очень редких привозных экземпляров керамики, в том числе поливной, красноглиняную посуду изготавливали ремесленники Водянского и других золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (Мыськов, 2002,

с. 131). Видимо, русское население, в особенности население квартала, получило возможность приобретать высококачественную красноглиняную керамику в период активного функционирования мастерских города и активно ею пользовалось, но, правда, тем ассортиментом товаров, который был удобен для хозяйства и национальной кухни. По наблюдениям Е.П. Мыськова, качество русской керамики на квартале существенно ниже, чем на поселке, что легко объясняется распространением здесь высококачественной красноглиняной керамики, вытеснением ею русской (Мыськов, 2002, с. 135).

Остатков стационарных жилищ ни на поселке, ни на квартале обнаружить пока не удалось, за исключением единственной небольшой полуземлянки не совсем ясного (возможно, производственного) назначения, раскопанной экспедицией Е.П. Мыськова в 2004 году.

Русское кладбище. Кладбище занимало большую площадь в юго-восточной части Водянского городища на севере русского квартала. Всего экспедициями ПАЭ и ВААЭ исследовано 57 захоронений. Все погребения кладбища одиночные, располагались ровными параллельными рядами, между могилами были оставлены узкие проходы. Большинство захоронений совершено в длинных прямоугольных ямах, иногда со скругленными углами. Все погребены в вытянутом положении, преимущественно ориентированы на З и безынвентарны (Мыськов, 2001б, с. 125).

Демографические показатели этой серии обычны для Средневековья: все дети умерли до 6 лет, две трети женщин умерли в репродуктивном возрасте – до 40 лет, остальные уже в более пожилом, возраст дожития мужчин выше (Балабанова, 2004, с. 299–300). Эти данные говорят о том, что жители, оставившие кладбище, жили в теплых жилищах, выполняли обычную работу, нормально питались. По антропологическому типу население это европеоидное, но с преимущественно долихокранным (узкоголовым) вариантом у мужчин и с брахикранным (широкоголовым) у женщин. В целом представители исследуемой серии выглядят «чужаками» на фоне основного населения золотоордынских городов, вклю-

чая Водянское. В ряду погребений, где захороненные были вполне европеоидного облика, обнаружены два захоронения с монголоидными признаками (Полубояринова, 1978, с. 76; Мыськов, 2001б, с. 126; Балабанова, 2004, с. 300). Других отличий этих погребений не зафиксировано. По-видимому, долгая жизнь русского населения бок о бок с золотоордынским приводила к смешиванию как этническому, так и материальной культуры, что хорошо прослежено в керамическом комплексе русского квартала.

На основании всего комплекса исследований русского населения Водянского городища следует признать, что оно появилось на данной территории ранее золотоордынского, примерно в начале XIV века. Это были русские, специально поселенные сюда, скорее всего, по приказу хана, для осуществления переправы через Волгу. Остальные занятия и быт жителей поселка были обычными для оседлого христианского населения, попавшего в степную зону: рыбная ловля, придомное животноводство, неполивное земледелие, ремесла, включая железоделательное. Когда на этой же территории возник золотоордынский город, с его преимущественно мусульманским населением, жители поселка стали жить отдельным кварталом, с теми же занятиями. У них было собственное кладбище, что, по-видимому, предполагает и наличие христианского храма. Находки предметов материальной культуры, включая монеты и дорогие вещи, свидетельствуют в целом о безбедной жизни этого населения, что подтверждается и антропологическими материалами. Как полноправные жители, русские пользовались продукцией ремесленных мастерских золотоордынского населения, активно взаимодействовали с ним, вплоть до смешанных браков.

Вопросы

1. В чем состоит особенность расположения Водянского городища по сравнению с Царевским и Селитренным?

2. Как повлияло расположение города на его застройку и уличную систему?

3. Назовите основные этапы развития Водянского городища. Сопоставимы ли они с другими золотоордынскими городищами?

4. Дайте характеристику основным объектам, исследованным на Водянском городище. Город какого статуса характеризуют такие находки?

5. Можно ли сопоставить материалы антропологического изучения мусульманских некрополей Водянского городища с типами погребального обряда?

6. Охарактеризуйте особенности развития и материальной культуры участков городища, населенных русскими переселенцами. Какие точки зрения существуют относительно условий жизни этого населения в золотоордынских городах?

ukekfest.ru

ГЛАВА VII

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ XIII–XV вв. НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ

1. Укек и его округа (Саратовское Поволжье)

Территория Саратовского Поволжья входила в личный ханский домен, но тяготела она к городу Укеку и составляла отдельную «область Укек». Она известна по некоторым персидским летописям («История Вассафа», «Книга Побед» Низам-ад-дина Шами, «Книга Побед» Шереф-ад-дин Йезди) (Тизенгаузен, 1941, с. 86, 121, 185) и анонимному типу медной монеты, где место чеканки обозначено уйгурской надписью – «Аймаг/Укек», то есть «улус», «область» Укек (Пырсов, 1992, с. 107). Специфика формирования городской культуры здесь определялась несколько иными факторами. В данном случае большую роль играло русское, болгарское и мордовское оседло-земледельческое население; лесостепные условия региона были не столь благоприятны для кочевнической среды, что обусловило значительно меньшую роль номадов в урбанизационном процессе; область Укек находилась в стороне от пересечения трансконтинентальных торговых маршрутов – своеобразной зоны контактов, располагавшейся в степной зоне Нижнего Поволжья. Тем не менее в районе Укека, судя по концентрации здесь поселений, местонахождений, отдельных находок и кладов монет XIII–XIV вв., сформировался своеобразный урбанизационный узел. По всей видимости, он играл немаловажную роль в экономических и политических связях столичной области с северными территориями Золотой Орды (областью Бол-

гар, мордовских земель с центром в Мохши), а также с русскими княжествами.

Центральное место в данном поселенческом конгломерате занимало *Увекское городище* (рис. 1), которое однозначно отождествляется с золотоордынским городом Укеком, хорошо известным по письменным и нумизматическим данным. Памятник располагается на южной окраине современного Саратова и в настоящее время почти полностью застроен его жилыми кварталами. Территория городища вытянута широкой полосой вдоль Волги. С запада город ограничивала гора Каланча, от которой к берегу Волги тянулись укрепления в виде вала и рва. В настоящее время площадь памятника оценивается в 205 га (Недашковский, 2000, с. 3). Хотя уже в XIX – начале XX в. отмечалось, что значительная часть памятника была смыта Волгой (Баллод, 1923, с. 71), а А. Кротков еще в 1915 г. полагал, что памятник «для археологических исследований нужно считать потерянным» (Кротков, 1915, с. 111). В силу этого информация о характере застройки и целостной топографии Укека утеряна.

Увекское городище известно со второй половины XVI в., когда его неоднократно посещали и упоминали английские путешественники и купцы (А. Дженкинсон, Х. Бэрроу). В XVIII в. о городище Увек и находках с этого памятника писали российские академики И.И. Лепехин, И.П. Фальк. Об этом памятнике хорошо были осведомлены российские востоковеды, нумизматы и краеведы XIX в. – Х.М. Френ, А.Ф. Леопольдов, В.В. Григорьев, Г.С. Саблуков, П.С. Савельев, В.Г. Тизенгаузен, П.А. Пономарев, Н.А. Толмачев, А.Н. Минх, А.И. Соколов, А.И. Шахматов, Ф.К. Брун. Членами Саратовской ученой архивной комиссии с первых лет своего образования проводились регулярные (еженедельные) сборы, скупка находок, осуществлялись спорадические небольшие вскрытия культурных слоев, в целом мало чего дававшие для понимания истории и культуры средневекового города (Недашковский, 2000, с. 7–8). Наибольшую известность получили раскопки 1913 г., когда членами СУАК был полностью раскопан крупный мавзолей XIV в., причем раскопки производились с помощью артели арес-

тантов местной тюрьмы, но при этом за поденную оплату (Кротков, 1915).

В 1919 г. на Увекском городище проводились исследовательские работы под руководством Ф.В. Баллода, в ходе которых были вскрыты два горна для обжига изразцов, остатки кирпичного здания и несколько погребений, два из них в склепах (Баллод, 1923). В 20-х гг. XX в. на памятнике проводились еще небольшие раскопки, после чего вплоть до настоящего времени исследования ограничивались сбором подъемного материала и разведочными работами.

С конца XIX в. не раз объявлялось о намерении и необходимости проведения серьезных археологических исследований Увекского городища, однако каких-либо систематических широкомасштабных раскопочных работ на памятнике так и не проводилось.

Город Укек впервые упоминается под 1262 г. в «Книге Марко Поло» (Книга Марко Поло, 1955, с. 45). Хорошо был известен Укек в арабских источниках первой половиной XIV в. – его описывают Абуль-Фида, ал-Омари, Ибн Батута (Тизенгаузен, 1884, с. 236, 303). Судя по сообщению Абуль-Фиды, Укек располагался на западном берегу Итиля, между Булгаром и Сараем, на равном удалении от того и другого в 15 дней пути. Причем у Ибн Батуты Укек – «город средней величины, но красивой постройки, с обильными благами и сильной стужей» (Тизенгаузен, 1884, с. 303). Обозначен Укек и на средневековых картах – на карте братьев Пицигани 1367 г. он обозначен как город **lochahi** на правобережье Волги, а на карте Фра Мауро от 1459 г. он размещен на левобережье как **lochachi**. Известно также, что в Укеке в XIV в. располагалась миссия францисканцев-миноритов (Недашковский, 2000, с. 14).

Данные письменных источников дополняют нумизматические материалы. Судя по ним, денежное обращение в Укеке сложилось еще в XIII веке. Из надежно документированных находок монет с Увекского городища почти 20 % дирхемов относятся к дореформенной чеканки (то есть до 1310 г.). Это отличает денежное обращение Укека от остальных крупных памятников Нижнего Поволжья. Причем большинство из них относятся ко време-

ни правления хана Токты, что дало основание П.С. Савельеву предполагать, что в районе Укек располагалась резиденция Токты (Недашковский, 2000, с. 17–18, табл. 1). Во второй половине XIII в. в Укеке была организована чеканка собственных монет, как серебряных дирхемов, так и медных пулов. Однако в период денежной реформы Тохты в 1310 г. деятельность монетного двора в Укеке была свернута (Недашковский, 2000, с. 25–26). Распределение находок медных монет дает представление о поступательном развитии города в первой половине XIV в. и его упадке в период междоусобиц. Медных монет Узбека здесь зафиксировано 17,3 %, Джанибека – 54, 7 %, ханов периода междоусобиц – 27,4 %, Токтамыша – 0,2 %. Очень незначительна также доля серебряных дирхемов Токтамыша (2,6 %) (Недашковский, 2000, табл. 1).

Очевидно, что к 80-м гг. XIV в. Укек был сильно ослаблен, период активной жизни города прекратился. Окончательно же город погиб, по всей видимости, во время похода Тимура против Токтамыша в 1395 г., о чем сообщают персидские историографы Низам ад-дин Шами и Шереф ад-дин Йезди (Тизенгаузен, 1941, с. 121, 178, 185).

Этнический состав населения Укека был неоднородным. Здесь проживало финно-угорское (мордовское) население, о чем свидетельствуют находки застежек-сюльгамов и лепной керамики мордовского типа. Значительной долей представлен на памятнике и древнерусский материал – кресты и энколпионы, каменные и бронзовые иконки, детали церковной утвари, керамика древнерусского типа, части каменных литейных формочек, стеклянные перстни, браслеты, др. (Недашковский, 2000, с. 106–112).

К настоящему времени в округе Укека зафиксировано 75 местонахождений керамики и поселений. Большинство из них также исследованы разведочно и данные о них в большинстве отрывочны. Здесь же охарактеризуем наиболее крупные и исследованные памятники.

Алексеевское городище. Располагается на правом берегу Волги на северо-восточной окраине современного Саратова (рис. 1). Памятник неоднократно исследовался разведками и рас-

копками в течение XX века. Городище имеет мысовое расположение, ограниченное Волгой и оврагами. С напольной стороны оно ограничено валом и рвом. Памятник был заселен еще с эпохи бронзы. Размеры памятника – до 1,5 га. Золотоордынский слой имеет мощность до 35–40 см, а местами до 75 см. Помимо фрагментов золотоордынской керамики, в нем зафиксирована керамика древнерусского типа, доля которой достигает в некоторых местах 17,5 %. В восточной части золотоордынского поселения у обрыва берега Волги располагался грунтовый синхронный могильник, на котором в течение XX в. вскрыто не менее 15 погребений.

Хмелевское I селище. Располагается у с. Хмелевка к югу от Саратова (рис. 1). В 1908 г. здесь проводились сборы В.А. Шахматовым, а в 1984–1985 гг. М.И. Куракиным. В 1995–1999 гг. памятник исследовался Л.Ф. Недашковским. Площадь памятника определяется в 65 га. В ходе сборов и раскопок на памятнике обнаружены фрагменты неполивной красноглиняной, поливной кашинной и красноглиняной керамики, а также керамика древнерусского и мордовского типа, разнообразные изделия из стекла, металла, кости, а также шлак, крицы. И на самом селище и в его окрестностях зафиксированы и частично раскапывались синхронные памятнику грунтовые могильники. При исследовании селища найдены серебряные и медные монеты, датированные в основном периодом правления ханов от Узбека до Токтамыша.

Селище в урочище «Мартышкино». Находится в 6 км к юго-юго-востоку от с. Ахмат Красноармейского района Саратовской области (рис. 1). Открыто в 1912 г. членами СУАК, неоднократно осматривалось в течение XX в., раскапывалось в 1992–1996 гг. В.А. Лопатиным. Располагается вдоль берега Волги. Вытянуто на 200 м в длину и 10–20 м в ширину. Напластования золотоордынского времени достигают 1,5 м. В ходе исследований раскопано несколько построек и металлургический горн. Частично вскрыт грунтовый могильник, располагавшийся недалеко от поселения. Находки представлены фрагментами керамики, в том числе древнерусской, металлическими изделиями, серебряными монетами.

Селище у с. Подгорное в Энгельсском районе Саратовской области. Расположено на левом берегу Волги (рис. 1). Исследовано в 1980–1990-х гг. в результате разведок (И.И. Дремов, Н.М. Малов) и раскопок (В.А. Лопатин, Г.И. Касанкин). Площадь памятника, частично застроенного дачами, составляет порядка 1,5 га. Мощность культурного слоя достигает 60 см. Исследованы остатки жилых, производственных и хозяйственных построек. Рядом располагается грунтовый могильник. Находки с селища разнообразны – керамика, в том числе древнерусская, изделия из кости, металла, стекла, шлак и крица, технологический брак и полуфабрикаты. Рядом с селищем зафиксирован грунтовый могильник золотоордынского времени. Монетный комплекс представлен серебряными дирхемами, чеканенными при ханах от Токты до Токтамыша и медными пулами 1330–1360-х годов.

Селище у с. Квасниковка в Энгельсском районе Саратовской области на левом берегу Волги (рис. 1). К настоящему времени полностью разрушено водохранилищем. Памятник располагался на мысу, ограниченном Волгой и двумя оврагами. В конце XIX – начале XX в. на памятнике фиксировались остатки кирпичных строений, отмечались находки кашинных изразцов, неполивной керамики, железные изделия, а также золотоордынских монет. Мощность культурного слоя определялась в 70 см.

Селище «Шумейка». Располагается на левом берегу Волги у пос. Шумейка Энгельсского района Саратовской области (рис. 1). Поселение было известно еще в начале XX века. Исследовалось в 1985–1993 гг. Д.Г. Бариновым, И.И. Дремовым и В.Г. Мироновым. Площадь памятника составляет около 25 га, а мощность культурного слоя от 0,3 до 1,5 м. По мнению Д.Г. Баринова, поселок возник в районе одного из волжских бродов и занимал важное стратегическое место (Баринов, 1997а, с. 250). На памятнике зафиксированы остатки оснований кирпичных построек. Находки представлены фрагментами неполивной красноглиняной керамики, кашинными изразцами, изделиями из стекла, кости, железа и бронзы. В культурном слое селища присутствует керамика мордовского типа, а также керамика древнерусского

типа, известны древнерусские изделия (перстень, крестики). Частично вскрыт синхронный грунтовый могильник, раскопано 14 погребений, расположенных в три ряда. Монетный комплекс серебряных дирхемов и медных пулов укладывается в рамки 20-х – первой половины 60-х гг. XIV века.

Селище «Лисья Балка». Располагается на левом берегу р. Большой Караман у с. Советское Советского района Саратовской области (рис. 1). Памятник открыт в 1990 г. И.В. Семеновой и исследовался в течение 1990-х гг. Д.Г. Бариновым. Площадь памятника составляет порядка 60 га, мощность культурного слоя – 40 см. Памятник занимал нижнюю и верхнюю террасу реки, причем нижняя часть поселения в начале XIV в. из-за сильного подъема воды была заброшена (здесь не найдено монет позднее 710 г. х.). На территории поселения зафиксированы два больших скопления отходов бронзолитейного производства. Находки представлены фрагментами керамики, шлаками, железными и бронзовыми изделиями. Достаточно солидный монетный комплекс (более 500 медных и серебряных монет) охватывает период с третьей четверти XIII в. по 60-е гг. XIV века (Баринов, 1997).

2. Бытовые памятники с территории Волгоградского и Астраханского Поволжья

В золотоордынском государстве сформировались достаточно мощные городские традиции. Оседание части тюркоязычного населения и приток пленных из оседлых областей приводили к образованию небольших долговременных поселений и городов. Кочевнический характер хозяйствования, наряду с развивающейся городской культурой, предполагает наличие значительного количества кочевий – зимников и кратковременных стоянок.

В ходе археологических изысканий на территории Волгоградского и Астраханского Поволжья к настоящему времени выявлено около 100 памятников – местонахождений керамики, фрагментов золотоордынского кирпича. Большинство местонахождений в социологическом срезе могут быть соотнесены со стойбищами кочевых коллективов, которые носили временный сезонный

характер. Это выражалось в отсутствии культурного слоя как такового, стандартном наборе подъемного материала – несколько десятков фрагментов красноглиняной неполивной керамики, пережженные и не пережженные кости животных, иногда несколько фрагментов поливной кашинной или красноглиняной керамики. Как правило, поверхность таких памятников рельефно не выражена, отсутствуют следы каких-либо построек. Местонахождения располагались обычно на сухих возвышенных участках местности в зоне пойменных лугов в долинах рек: нижней части пологого склона надпойменной террасы, прибрежной дюне, бэровском бугре. Ряд местонахождений группируется в отдельные микрорайоны, иногда до нескольких десятков в каждом.

В течение XIX–XX вв. на данной территории были зафиксированы строительные и производственные сооружения и объекты Золотой Орды. Информация о данной категории памятников представляет собой, как правило, сообщения о том, что они являлись либо стационарными населенными пунктами Золотой Орды, либо остатками золотоордынских построек в виде ям, насыпей, скоплений обожженного квадратного кирпича. К этой категории памятников в настоящее время может быть отнесено порядка 20 объектов.

Встречаемость отдельных находок вещей, монет, монетных кладов, строительных остатков позволяет предположить существование ряда стационарных населенных пунктов золотоордынского времени на территории Нижнего Поволжья – в районе с. Красный Яр (Старополтавкинский район Волгоградской области), г. Николаевска (Волгоградская область), с. Верхне-Погромное (Среднеахтубинский район Волгоградской области), с. Верхне-Ахтубинское (Безродное) (в настоящее время застроено жилыми массивами г. Волжского Волгоградской области), д. п. Винновка г. Волгограда; Центрального и Краснооктябрьского районов г. Волгограда, с. Зубовка (Ленинский район Волгоградской области), п. Капустин Яр (Ахтубинский район Астраханской области), с. Дмитриевка (Ахтубинский район Астраханской области).

К настоящему времени на территории Нижнего Поволжья известно около 30 селищ. Известно также 6 городищ, укрепленных земляными валами и рвами, а также естественными рубежами (оврагами, речками). Все пункты привязаны к крупным водным артериям – Волге, Ахтубе, Дону, Медведице. От местонахождений селища и городища отличает сформированный в течение какого-то времени культурный слой, различной степени мощности. В структуре культурного слоя, часто фиксируемого при разведочном характере исследования в береговых обрывах, как правило, отмечается наличие фрагментов керамики, кости животных, золистые вкрапления, фрагменты обмазки тандыров, куски шлаков, следы построек и хозяйственных ям, фрагментированный и целый кирпич. Подъемный материал гораздо обильней и разнообразней. Большинство поселений исследовано разведочно. Данные о внутренней топографии, планиграфии, размерах, мощности культурного слоя, характере находок из культурного слоя отрывочны. Единицы раскапывались широкими площадями. Поэтому выявить функциональные признаки, определяющие тип поселения на данном этапе, достаточно трудно.

Даниловское городище. Располагается в 14 км к востоку от с. Даниловка Красноармейского района Саратовской области в районе бугра Степана Разина на правом берегу Волги (рис. 1). Исследовано в результате разведок Б.В. Зайковского в 1907 г. и раскопок в 1910 г., разведок и шурфовок Ф.В. Баллода в 1920 году. Памятник занимает высокий продолговатый мыс, ограниченный с востока – Волгой, с севера и юга – глубокими оврагами, с запада – системой рвов и валов (3 рва и 4 вала). Площадь памятника составляет около 1,15 га. Мощность золотоордынского культурного слоя, по сведениям Ф.В. Баллода, составляла 0,3–0,7 м. Ниже залегали слои эпохи бронзы. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты керамики, кости животных, несколько фрагментов чугунных котлов, 3 серебряных монеты (1 – Узбек 713 г. х. чекан Мохши, 1 – Узбек 746 г. х., 1 – Джанибек).

Терновское селище. Располагается у с. Терновка Камышинского района Волгоградской области на правом берегу Волги в устье р. Терновка на ее правом берегу (рис. 1, 11). Памятник известен по разведкам Ф.В. Баллода в 1920 году. Селище имело подквадратную форму. Его площадь 1,7 га. Мощность культурного слоя – до 0,5 м. Состав культурного слоя – фрагменты керамики. На памятнике встречается керамика эпохи бронзы. В устье р. Терновки на ее левом берегу расположено другое селище подквадратной формы площадью около 6 га. Селище исследовано разведками Ф.В. Баллода в 1920 г., Г.Н. Шендакова в 1966, 1967 гг., И.А. Закировой в 1983 г., В.Г. Блохина в 2002, 2005 годах. Поверхность памятника довольно ровная, без значительных всхолмлений и западин. Мощность культурного слоя составляет 0,2–0,5 м. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты красноглиняной неполивной керамики, фрагменты лепной слабопрофилированной посуды, аналогичной керамике мордовских средневековых комплексов, пряслица, рыболовные грузила для сетей, железный сошник, кости животных, серебряные и медные монеты 673–762 гг. х.

Бережновское селище. Памятник располагается у с. Бережновка Николаевского района Волгоградской области на левом берегу Волги в устье р. Еруслана в 5 км к юго-востоку от села (рис. 1). В центральной части курганного могильника были выявлены три курганообразные возвышенности, поверхность которых была покрыта фрагментами обожженного кирпича и керамикой. Раскопки одной из возвышенностей дали остатки прямоугольной двухярусной печи для обжига керамики и керамических труб. Памятник исследован в результате раскопок И.В. Синицына 1954–1955 годах.

Мечетное городище. Располагалось на северной окраине г. Волгограда на правом берегу Волги, на мысу (рис. 1, 9). Исследовано раскопками А.А. Ширинского-Шихматова в 1909 г., разведками Б.В. Зайковского в 1910 г., раскопками Ф.В. Баллода в 1920 г., раскопками Е.П. Мыськова в 1986 году. Городище ограниченно с востока – Волгой, с севера и юга – балками. Поверхность памятника была сильно всхолмлена. К настоящему време-

ни полностью застроено микрорайоном Спартановка г. Волгограда. Площадь памятника составляла порядка 65 га. Фиксируемая в настоящее время мощность культурного слоя – до 0,3 м. Раскопками исследовано два наземных однокомнатных дома, мавзолей, фиксировались остатки крупных монументальных сооружений. Планировка памятника, очевидно, регулярная, квартально-дворовая. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты красноглиняной, красноглиняной поливной, русской сероглиняной керамики, керамических труб, фрагменты архитектурного декора, изделия из стекла, кости и металла, кости животных, литейные формы, монеты, датированные 1277 – концом XIV века.

Впервые вопрос идентификации городища был поднят Ф.К. Бруном. Он предложил считать его городом Tortanlli, обозначенным на географической карте братьев Пицигани (Брун, 1873, с. 17). Этот в целом интуитивный тезис был бесспорно принят рядом исследователей (Баллод, 1923, с. 23; Егоров, 1985, с. 111).

Судя по монетной сводке Ф.В. Баллода, золотоордынское поселение на месте Мечетного городища возникло в конце XIII века. Общее количество серебряных и медных монет Менгу-Тимура составляет 4 % (Баллод, 1923, с. 95, 97). Известны также монеты, чеканенные в период правления Туда-Менгу (Баллод, 1923, с. 18). Процентное распределение монет, известных Ф.В. Баллоду, отражает поступательное развитие Мечетного городища в первой половине XIV в. (монеты Токты – 7 %, Узбека – 32 %, Джанибека – 48 %). В период Великой замятни объем денежного обращения резко сокращается – монеты этого периода составляют 9 % от общего числа монет, известных Ф.В. Баллоду (Баллод, 1923, с. 95, 97). Ф.В. Баллод определяет верхнюю границу памятника по самой младшей монете – 1377 годом. Однако во время сборов на городище, в 1912–1915 гг., была найдена монета Тохтамыша 1388 г. (Баллод, 1923, с. 18). Это свидетельствует о том, что населенный пункт в районе Мечетного городища существовал и после 1377 г., возможно, до похода Тимура, так как монет, чеканенных позднее периода правления Тохтамыша, пока не обнаружено.

Колобовское селище. Памятник располагается у с. Колобовка Ленинского района Волгоградской области на его северо-западной окраине, на первой надпойменной террасе р. Ахтубы (рис. 1, 6). Исследовано раскопками А.В. Терещенко в 1844 г., разведками А.А. Спицына в 1890 г., разведками В.Г. Блохина в 1998 г., раскопками В.В. Дворниченко в 2000 году. Площадь нуклеарной части памятника, не застроенной постройками села, составляет около 50 га. Западная и северо-западная окраины представляют собой рассредоточенную дворово-усадебную застройку. Северную окраину памятника занимает крупный производственный участок с кирпичеобжигательными печами. В XIX – начале XX в. на территории памятника фиксировалось монументальное погребальное сооружение, вокруг которого была сооружена стена, с расположенными вдоль нее жилыми помещениями. Мощность культурного слоя – 0,2–0,3 м. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты красноглиняной неполивной, красноглиняной поливной, кашинной керамики, фрагменты чугунных котлов, фрагменты архитектурного декора (мозаичные вставки, поливные кашинные кирпичики), фрагменты стеклянных сосудов, куски стекловидных шлаков, кости животных, монеты (медные: 2 – чекана Сарай ал-Джедид, 50-е гг. XIV в.; 1 – Хызр, чекан Гюлистана, 762 г. х.).

Зубовское селище. Располагается у с. Зубовка (в настоящее время заброшено) Ленинского района Волгоградской области (рис. 1). Исследовано разведками Г.А. Федорова-Давыдова в 1966 г. и разведками И.А. Воронцова в 2002 году. В районе села зафиксированы остатки золотоордынских зданий, усадеб, производственных сооружений (горны?). Площадь памятника составляет порядка 50 га. Подъемный материал представлен фрагментами красноглиняной керамики, чугунных котлов, кашинных изразцов.

Глазуновское селище. Селище расположено в 4 км к юго-западу от станицы Глазуновской Кумылженского района Волгоградской области (рис. 1) на берегу старицы реки Медведица (сведения Х.И. Попова от 1871 г., раскопки В.И. Мамонтова в 1971 г.).

В 2 км к северу от него зафиксированы остатки крупного монументального сооружения (мавзолей?). Площадь, занимаемая селищем, составляет 800 кв. м, мощность культурного слоя – 0,15–0,2 м. Характер находок из культурного слоя – фрагменты обожженного кирпича, красноглиняная и сероглиняная керамика, кости животных, куски железных шлаков, фрагменты кашинных поливных облицовочных плиток.

Селище у с. Бутырки Ахтубинского района Астраханской области. Располагается в 4 км к востоку от села на надпойменной террасе р. Ахтубы (рис. 1). Исследовано раскопками Е.В. Шнайдштейн в 1983–1985 годах. Размеры памятника и мощность культурного слоя не определены. Раскопками исследованы четыре землянки, печь для обжига кирпича и керамики, мавзолей. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – кости животных, фрагменты красноглиняной и сероглиняной, красноглиняной поливной, кашинной керамики, керамический и металлический шлаки, фрагмент стеклянного сосуда, фрагменты архитектурного декора, два железных тигля.

Лапасский комплекс (городище «Ак-Сарай»). В месте впадения протоки М. Ашулук в р. Ахтубу севернее с. Лапас Харабалинского района Астраханской области (рис. 1) расположены крупный погребальный комплекс и селище. Погребальный комплекс представляет собой крупные мавзолеи (выявлено 16 объектов), организованные в линии, вытянутые с запада на восток. Поверхность селища всхолмленная. В северо-восточной части селища располагается производственный участок с печами для обжига кирпича, изразцов. Мощность культурного слоя не определена. Состав подъемного материала – фрагменты керамики, изделия из стекла, кости, железа. Монетный комплекс памятника представлен медными и серебряными монетами, датированные типы которых укладываются в рамки – 710–750-е гг. х. Самая поздняя монета – анэпиграфный пул периода смуты. Данный погребально-бытовой комплекс существовал в период правления хана Узбека. Селище, скорее всего, принадлежало поселку строителей мемориальных комплексов. Сами же мавзолеи, судя по доста-

точно узкой дате, могли принадлежать Узбеку, его родственникам или приближенным (Васильев, 2001).

Селище у пос. Комсомольского Красноярского района Астраханской области (рис. 1). Памятник расположен вдоль левого берега р. Ахтубы на территории поселка и в его округе на надпойменной террасе на бэровских буграх и в долинах между ними. Селище исследовано раскопками В.В. Плахова в 1987, 1991–1994 гг., раскопками В.В. Дворниченко в 1992 году. Рельеф всхолмленный. В ходе раскопок исследованы остатки дворцовых построек с центральным колонным залом, наземные однокомнатные подчетырехугольные и углубленные в землю жилища, два мавзолея, три подземных погребальных комплекса. Культурные слои нарушены застройкой села и траншеями газо- и водопровода. Состав находок из культурного слоя – красноглиняная, красноглиняная поливная, кашинная керамика, фрагменты селадоновой и фарфоровой посуды, фрагменты архитектурного декора, изделия из стекла, кости, металла, серебряные и медные монеты, датированные 40–90-ми гг. XIV в., золотая монета султана Бейбарса (60-е гг. XIII в.).

Красноярское селище. Располагалось на мысу при слиянии р. Бузан и Маячная на бэровских буграх у пос. Красный Яр Астраханской области (рис. 1). Значительная часть к настоящему времени застроена поселком. Исследовано разведками и раскопками П.В. Казакова в 1988, 1989 гг., раскопками Е.В. Шнайдштейн в 1990 г., раскопками С.А. Котенькова в 1991 году. В результате этих работ обнаружены остатки сильно разрушенных наземных построек, керамическая мастерская. Мощность культурного слоя – до 0,8 м. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты красноглиняной, красноглиняной поливной, кашинной, сероглиняной штампованной керамики, керамических труб, печные припасы, шлаки, поделки из кости, металла, стекла. Монетный комплекс представлен серебряными и медными монетами чеканки Сарая конца XIII – конца XIV века.

Городище «Шареный бугор». Находится на северной окраине г. Астрахань (рис. 1). К настоящему времени почти полностью разрушено. Памятник осмотрен и описан В.Н. Татищевым

в 1741 г., Г.С. Гмелиным в 1769 г., П.С. Палласом в 1782 году. На нем проводили раскопки А.А. Спицын в 1893 г., Арнз (директор Национального музея в Стокгольме) в 1913–1915 гг., А.М. Мандельштам в 1966 г., В.В. Плахов в 1984 году. Городище располагалось на бэровских буграх вдоль правого берега Волги. Раскопками исследованы периферийные участки поселения – группы землянок (22 объекта), организованные кучевой планировкой, две печи для обжига керамики, центральный усадебный дом и часть дворовой застройки усадьбы. Мощность культурного слоя – до 1 м и более. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты сероглиняной штампованной, красноглиняной неполивной и поливной керамики, селадоновой посуды, кашинного архитектурного декора, предметы из стекла, металла, кости, металлические и стекловидные шлаки. Монетный комплекс, полученный в ходе раскопок памятника, представлен 251 серебряными и медными монетами.

Памятник может быть отождествлен с городом Хаджи-Тархан письменных и картографических источников, который располагался в низовьях Волги на правом берегу в месте ее разветвления на отдельные рукава. Это следует из некоторых арабских и европейских источников (описание путешествия Ибн-Батуты, сочинения Шереф ад-дин Йезди и Мирхонда, Пеголлоти, И. Барбаро и А. Контарини) и картографических данных (Каталонскому атласу и карте Фра Мауро). Первое упоминание о городе относится к 1334 году. Судя по свидетельству Ибн-Батуты, Барбаро, Контарини, Пеголотти, Хаджи-Тархан являлся крупным торговым центром и перевалочным пунктом на торговом пути, соединяющим Европу со Средней Азией и Китаем (Тизенгаузен, 1884, с. 301; Барбаро и Контарини..., 1971, с. 157, 220). Этим условиям отвечает только один археологический объект – поселение на Шареном и прилегающих бэровских буграх. Оно находится на правом берегу Волги в 80–100 км от побережья Каспийского моря, имеет мощный культурный слой (до 1 м) и значительную площадь. С территории поселения известны находки импортной поливной посуды – фрагменты китайского селадона, фрагменты сосудов

иранского и крымского происхождения; монеты иностранного чекана и золотоордынских городов периферийных центров – Крыма, Азака, Хорезма, Булгара, Кафы, Маджар, Самарканда, золотых динаров Делийского султаната династии Таглакидов (Федоров-Давыдов, 1960, № 136, 188; Спицын, 1895, с. 79–80; Варваровский, 1995, с. 20). Некоторые основания для отождествления Хаджи-Тархана с Шареным бугром дает клад медных монет. Все 45 монет клада чеканены в Хаджи-Тархане и представлены одним анонимным типом с изображением на обратной стороне «решетки». Отсутствие в составе клада монет других монетных дворов, однотипность монет, небольшой объем клада, номинал монет клада (пулы) свидетельствуют о том, что клад формировался из монет местного чекана в очень короткий период времени и в одном месте.

Причины, способствовавшие быстрому росту Хаджи-Тархана, заключались в следующем. Во-первых, удобное географическое месторасположение, являющееся узловым, где пересекались торговые магистрали из Китая, Средней Азии, Закавказья, Крыма, северных областей. Значение Хаджи-Тархана в системе трансконтинентальной международной торговли в XIV в. отмечено в сочинениях европейских и арабских авторов: флорентийским купцом Ф.Б. Пеголотти, И. Барбаро и А. Контарини (Барбаро и Контарини..., 1971, с. 157, 220), Ибн-Батутой (Тизенгаузен, 1884, с. 301). Во-вторых, в районе Хаджи-Тархана делала достаточно длительные остановки ханская ставка в своих перекочевках из Сарая в степи Предкавказья и обратно, что само по себе не могло не способствовать концентрации населения в этом пункте. В-третьих, судя по сообщению того же Ибн-Батуты, Хаджи-Тархан находился в вольном тарханном держании (Тизенгаузен, 1884, с. 301), что освобождало его управителя и владельца от выплат в пользу хана торговых и ряда других пошлин.

Как город Хаджи-Тархан сформировался к 30-м гг. XIV века. В 1334 г. он представлял собой уже «один из лучших городов, с большими базарами» (Тизенгаузен, 1884, с. 301). До этого здесь, вероятно, существовало небольшое поселение. Ибн-Батута со-

общает о том, что место в районе Хаджи-Тархана «стало сначала деревней; потом оно увеличилось и сделалось городом» (Тизенгаузен, 1884, с. 301). В 50-х гг. Хаджи-Тархан полностью интегрирован в урбанизационную систему Нижнего Поволжья – все монеты 30–50-х гг. с Шареного бугра (как серебряные, так и медные) чеканены в Сарае, Сарай ал-Джедиде, Гюлистане. С началом междоусобицы в Золотой Орде во второй половине XIV в., вызвавшей кризис трансконтинентальных торговых маршрутов, начинается обособление ряда регионов и городов. В начале 60-х гг. Хаджи-Тархан становится центром автономного улуса, возглавляемого Черкес-беком (Тизенгаузен, 1884, с. 377–394). Видимо, начало чеканки медной монеты от имени Черкес-бека с 776 г. х. отражает именно эту ситуацию. В 782 г. х. власть над Хаджи-Тарханом перешла к Мухаммед-Булаку, в правление которого была организована чеканка дирхемов (Федоров-Давыдов, 1960, с. 155, № 137). В этом же году город перешел под юрисдикцию Тохтамыша, что подтверждает чеканка монет от его имени. В 1395–1396 гг. Хаджи-Тархан был захвачен и разграблен войсками Тимура (Тизенгаузен, 1941, с. 184–185). Через некоторое время город был восстановлен и продолжал функционировать: известны типы пулов 799 и 808 гг. х. и дирхемов, чеканенных в Хаджи-Тархане от имени ханов конца XIV – первой трети XV в. (Тимур-Кутлуга, Шадибека, Пулада, Тимур-хана, Джелаль ад-дина, Керим-берди, Чокре и Кибяка). С 20-х гг. XV в. город переживает период упадка, его развитие замедляется. Монет старше 10-х гг. XV в. из культурного слоя Шареного бугра не обнаружено. Известно 4 клада серебряных и медных монет. В двух из них монеты определены. Самый младший клад монет тезаврирован в 822 г. х. и содержал монеты 782–822 гг. х. В середине XV в. Хаджи-Тархан представлял собой небольшой городок, окруженный развалинами города XIV века (Барбаро и Контарини..., 1971, с. 157, 219–220).

Селище у пос. Мошаик. Памятник находится на бэровском бугре и у его подножия, в районе поселка Мошаик на восточной окраине г. Астрахани (рис. 1). Исследовано в результате раскопок Е.В. Шнайдштейн в 1978 г., раскопок Д.В. Рябичкина в 1999 году.

На памятнике зафиксированы, кроме золотоордынского, слои IX–XII веков. Общая мощность культурного слоя достигает 2 м. Раскопками исследовано углубленное в землю жилище. Состав находок из культурного слоя – фрагменты красноглиняной и красноглиняной поливной керамики, медная монета 50-х гг. XIV века.

Комплекс у с. Татарская Башмаковка Приволжского района Астраханской области (рис. 1). В 5 км к юго-западу от села на бэровском бугре Хан-Тюбе расположен производственный участок из 29 керамических печей (8 раскопано) и грунтовый могильник. Данные объекты были исследованы Е.В. Шнайдштейн в 1969 году.

В 5,5 км к юго-западу от села на бэровском бугре Тумак-Тюбе располагалось селище. Исследовано раскопками Е.В. Шнайдштейн в 1969 г., раскопками С.А. Котенькова в 1991 году. Размеры памятника не определены. Мощность культурного слоя – до 0,6 м. Раскопками исследовано 9 жилищ, углубленных в землю. Состав находок из культурного слоя – фрагменты красноглиняной, красноглиняной поливной, кашинной, сероглиняной керамики, поделки из стекла, металла, кости, 4 медных и 1 серебряная монеты.

«Чертово городище». Расположено в 3 км к юго-западу от села Маячное Икрянинского района Астраханской области (рис. 1), в 1,5 км от правого берега протоки Бахтемир на бэровском бугре (сведения Г.А. Федорова-Давыдова 1963 г., разведки Л.Н. Гумилева в 1962 г., Е.В. Шнайдштейн в 1987 г.). Размеры бэровского бугра – 641 × 175–240 м (130 000 кв. м). Мощность культурного слоя – 0,1–0,5 м. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты керамики (красноглиняной, красноглиняной поливной, кашинной, штампованной), куски обмазки тандыров, фрагменты железных предметов, бусы. Монетный комплекс с «Чертова городища» представлен 27 серебряными дирхемами 710–780 гг. х. и 241 медным пулом 721–810 гг. х. Судя по этим данным, поселение было основано не ранее 1350 г., его расцвет датируется 1350–1370-ми годами. В 1370-х гг. поселение переживает период упадка, окончательно жизнь здесь заглохла в начале XV века (Клоков, Лебедев, 2004). На западной окраине селища

зафиксированы остатки землянок, на северо-восточной – находился производственный участок (скопление пережженных кирпичей, керамических и металлических шлаков, золы). По мнению В.Л. Егорова, на месте «Чертова городища» мог располагаться г. Котоба, известный по некоторым средневековым западноевропейским картам (Егоров, 1985; Пачкалов, 2004).

Селище у с. Самосделка. Находится на мысу, образованном старым и современным руслами Волги на ее правом берегу напротив села Самосделка Камызякского района Астраханской области (рис. 1). Памятник обследован Госдирекцией охраны историко-культурного наследия Астраханской области в 1990–1995 годах. Селище сильно повреждено современными сооружениями, хозяйственной деятельностью и изменением русла реки. На нем выявлены слои IX–XII веков. Общая мощность культурного слоя составляет 2–2,5 м. Состав подъемного материала и находок из культурного слоя – фрагменты сероглиняной штампованной, красноглиняной, красноглиняной поливной, кашинной керамики, селадоновой посуды, обломки литейных форм, отходы бронзолитейного производства, кости животных, поделки из металла, кости, стекла, фрагменты архитектурного декора, керамические и металлические шлаки. В золотоордынский период памятник представлял собой небольшое поселение. Вследствие подъема воды в Волге к началу XIV в. территория его еще больше сокращается, а в первой трети XIV в. поселение было оставлено жителями. В настоящее время памятник, предположительно, отождествляется с легендарным Саксином, «городом гузов», упоминаемым средневековым путешественником и купцом ал-Гарнати (Васильев, 2004).

Месторасположение бытовых памятников Волгоградского и Астраханского Поволжья маркирует несколько узлов концентрации населения.

1. Район разделения русла Ахтубы от Волги на правом берегу Волги и левом берегу Ахтубы. Здесь располагались крупные населенные пункты – Водянское и Мечетное городища, поселения у п. Городище, г. Волгограда, с. Верхнеахтубинское, с.

Верхне-Погромное, на о. Денежном. Формирование и развитие данного урбанизационного комплекса связано, по всей видимости, с функционированием переволоки между Волгой и Доном, занимавшей важное место в трансконтинентальном торговом маршруте.

2. Район Царевского городища и его округи, в которой располагались более мелкие поселенческие структуры (Колобовское, Бахтияровское селища, поселения у с. Зубовка) и могильники кочевого населения (Бахтияровский, Маляевский, Царевский, Солодовский, Колобовский комплексы могильников).

3. Левый берег нижнего течения реки Ахтубы. Здесь располагались столица Золотой Орды – Сарай (Селитренное городище), ряд более мелких населенных пунктов (селища у с. Лапас, п. Комсомольского, п. Красный Яр) и концентрировались стойбища кочевых коллективов.

4. Дельта Волги с серией поселений и кочевий. Центральную роль здесь играл город Хаджи-Тархан (поселение на Шареном бугре), занимавший место перевалочного транзитного пункта на пересечении международных торговых путей и маршруте ханских перекочевок из Северного Предкавказья на Нижнюю Волгу.

Вопросы

1. Какие категории поселенческих памятников выявляются на территории Нижнего Поволжья в золотоордынское время? Чем характеризуются разные категории поселений?

2. Каковы особенности Мечетного городища? Можно ли сопоставлять его с каким-либо из уже известных нам городищ? Какие известные по средневековым картам населенные пункты локализуют на нем?

3. Существуют ли проблемы с локализацией золотоордынского города Хаджи-Тархан? Каковы результаты исследований городища Шареный бугор?

4. Какие занятия можно предположить для населения поселков и городищ, располагавшихся в дельте Волги?

ГЛАВА VIII

АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

1. Градостроительство

В структуре золотоордынского государства города занимали место административных, торгово-ремесленных и культурно-идеологических центров. При этом они представляли собой явление сложной социальной дифференциации. Данный факт предопределил сложную планиграфическую структуру города.

Одной из важнейших характеристик города, его функциональным признаком считаются стены, система укреплений. Однако золотоордынский город – это город без стен.

На Водянском, Царевском, Селитренном городищах прослеживаются линии вала и рва; известна низкая глинобитная стена, окружавшая Хаджи-Тархан. Однако, как фортификационные сооружения, они представляли весьма слабые оборонительные линии, и, судя по всему, были сооружены в 60-е гг. XIV в. в связи с Великой замятней, когда уже сформировались основные принципы и элементы городской планировки.

У государства, основанного кочевниками, существовавшего в условиях доминирующего кочевнического уклада и обслуживающего интересы золотоордынской аристократии, по сути остававшейся номадами, не было необходимости возводить крепости, укреплять города. Образ жизни определял динамизм номадов. Крепости не могли защитить имущество, семью кочев-

ника. В то же время укрепленные пункты могли послужить благодатной почвой для созревания условий каких-либо сепаратистских тенденций против ханской власти, тем более в таком искусственном образовании, как Золотая Орда. Не случайно после завоевательных походов монгольские власти на всех подвластных территориях приказали срыть и уничтожить оборонительные укрепления.

Каждый из городов обладал своей индивидуальностью, чья специфика определялась ландшафтными условиями окружающей среды, положением в политической структуре государства (столичный или провинциальный), уровнем социально-экономического развития.

Оценка внутренней планиграфии золотоордынского города основывается на материалах Водянского, Царевского, Селитренного городищ. Эти данные свидетельствуют о том, что структура городского ландшафта была организована регулярной застройкой, основанной на сетке улиц в центральной нуклеарной части и иррегулярной, рассредоточенной на окраинах.

Регулярная застройка в золотоордынских городах Нижнего Поволжья основывалась на прямоугольной сетке улиц достаточно четких контуров, разделяющих жилые массивы кварталов (рис. 12, 13). Ширина улиц колебалась от 3 до 10 м, в зависимости от их значимости (магистральные или переулки, разделяющие кварталы). Ибн-Батута характеризует улицы Сарая, как широкие, «переполненные людьми, с красивыми базарами» (Тизенгаузен, 1884, с. 306).

Прослеживаются два пути организации регулярной городской застройки: по единому плану с нивелировкой всего квартального участка (р. I-92, 97, 98 на Водянском городище, р. II на Селитренном городище); постепенное формирование улично-квартальной структуры путем наращивания жилых модулей (участок раскопов р. II, VII-63, II-64, 65, 66, 67, 68, IV-77 на Царевском городище). Интересен северный квартал на раскопе II-73 Водянского городища. Здесь в первый строительный период застройка домов была организована по единому плану, но в дальнейшем квар-

тал разрастался путем пристройки новых домовладений с краю проезжей части.

Кварталы нижневолжских городов представляли собой замкнутый уличным контуром жилой массив, состоящий из нескольких жилых домовладений. Фасады кварталов – не замкнутые. Пространственный разрыв между отдельными домовладениями, выходы, ориентированные на улицу, вносили некоторую оживленность и открытость в протяженность массива квартальной застройки. Домовладения внутри квартала располагались правильными рядами, стены которых были строго параллельны друг другу, с небольшим пространством (до 1–1,5 м) между домами в ряду и самими рядами. Кварталы нижневолжских городов были менее замкнуты, нежели кварталы среднеазиатских городов, где фасады кварталов – глухие, а выходы домовладений соединялись с магистральной улицей единой внутриквартальной улицей (Байпаков, 1986, с. 76–77, 133–138; Лавров, 1950, с. 93).

Выявленные участки кварталов на Селитренном, Царевском и Водянском городищах свидетельствуют о том, что характер отдельных кварталов был социально неоднороден. Кварталы на раскопах II-72, 73 и II-92, I-97, 98 Водянского городища, на раскопе II-82, 83 Селитренного городища являлись рядовыми. Они были довольно плотно застроены небольшими однокомнатными домами, где проживало лично свободное небогатое население. Изолированный характер жилищ, небольшая их площадь, наличие одной отопительной системы указывает на принадлежность построек малым семьям, численность которых для Средневековья определяется в 4–5 человек (Вишневский, 1975). Кварталы на раскопах II-63-68, IV-71 Царевского городища имели более высокую социальную статусность. Здесь модуль квартальной застройки представлял собой небольшую усадьбу, которая была обнесена глинобитной оградой. На территории усадеб, помимо основного жилого дома, располагались собственные производственные, хозяйственные и дополнительные жилые сооружения. С другой стороны, существовали кварталы, в которых проживало как аристократическое, так и рядовое население. На р. II-66-68, 70-71, 75-77

Селитренного городища выявлена часть крупной усадьбы, вдоль ограды которой, с внешней стороны, располагались землянки и дома, образуя линию рядовой застройки.

Уличная сеть золотоордынского города выполняла двойную роль: помимо того, что ее магистрали связывали отдельные части городской застройки, являясь проезжими и пешеходными линиями, уличная сеть являлась еще и матрицей, на которую накладывались дренажные и арычные системы. Она являлась основным способом водоснабжения средневекового золотоордынского города на Нижней Волге. Открытый характер неукрепленных каналов арыков исключает использование подающейся по ним воды в качестве питьевой. Арыки, как гидротехнические сооружения, могли использоваться для подачи воды, употреблявшейся в технических и хозяйственных целях. Подача воды осуществлялась в специальные водоемы (усадебные и квартальные), которые отличаются от среднеазиатских хаузов более примитивным исполнением. Арыки и бассейны служили не только для подачи и хранения воды. В условиях засушливого знойного лета открытые каналы арыков и водоемов содействовали увлажнению воздуха и улучшению микроклимата городской застройки.

Архитектурным центром городского ансамбля являлась площадь, на которой и вокруг которой концентрировались и объединялись в единую систему крупные религиозные и гражданские постройки: мечети и мавзолеи, караван-сараи и общественные бани, дворцовые постройки. Данный модуль представлял собой функциональное ядро, аккумулирующее политико-административные, религиозно-сакральные, торговые аспекты города. Центральные площади выделялись монументальным характером построек. Выявлен тип площади при здании или группе монументальных зданий, образованных простым расширением улицы. Таковой являлась площадь, раскопанная на Селитренном городище. Короткие стороны являются продолжением улиц, одна длинная сторона заключает в себя мечеть и Г-образное здание типа ханаки, другая – общественную баню. Фасады зданий выходили на площадь; стены направлены строго параллельно. В 65 м к северо-западу от

общественной бани находился крупный усадебный комплекс (р. XI) с дворцовой баней. Парная композиция монументальных построек на площади весьма распространена в городах Средней Азии начиная с XII века (Лавров, 1950, с. 93; Пугаченкова, 1958, с. 201).

Окраины и пригороды нижневолжских городов представлены несколькими моделями организации рассредоточенной застройки. В одном случае (Шареный бугор) углубленные в землю жилища располагались вокруг общего внутреннего двора и образовывали компактные группы-гнезда (рис. 14) (Ерзакович, 1973). Аналогичную планировку имеет участок застройки небольшого поселения на бугре Тумак-тюбе. Отсутствие огороженных участков вокруг жилищ, кучевая система организации построек свидетельствуют о заселенности данных участков населением, с неустоявшимися оседлыми традициями (Харузин, 1896, с. 97–103; Плетнева, 1967, с. 68). Каждое такое гнездо могло принадлежать группе кровных родственников из 8–10 семей, образуя патронимию низшего порядка. В другом случае (Царевское городище) выделяются участки окраин и пригородов, в которых проживало население с более прочными оседлыми традициями и высоким социальным статусом. Основным композиционным объектом этих районов являлись, по всей видимости, усадебные комплексы, бессистемно расположенные или группировавшиеся в правильные линии, вытянутые с запада на восток (Мыськов, 2002).

Планировочная структура золотоордынского города была достаточно сложной. Г.А Федоров-Давыдов отмечал, что их планировка восходит к усадебному принципу монгольских городов Центральной Азии XIII в., где они составлены из отдельных замков-усадеб, примыкающих друг к другу и тяготеющих к большому замку. Этот же принцип был перенесен на золотоордынские города (Федоров-Давыдов, 1994, с. 14–15, 63, 76). Основные центральноазиатские параллели, которыми оперировали исследователи, следующие: рассредоточенный характер топографии монгольского города XIII в. – Хирхиринского городища (Киселев, 1965, рис. 1); свидетельство Рашид-ад-Дина о строительстве Карако-

рума как комплекса аристократических построек вокруг ханского дворца (Рашид-ад-Дин, 1960, с. 40); материалы раскопок дворцового квартала в Хара-Хорине (Киселев, 1957, с. 97). Однако нам не известны особенности застройки рядовых кварталов монгольских городов, уличной организации, усадебной структуры, узловых композиционно-планировочных модулей монгольских городов Центральной Азии XIII века. Да и сами монгольские города не дают какого-то единообразного городского ландшафта. Если Хирхиринское городище представляет собой рассредоточенный комплекс усадеб вокруг крупного замка, то Хара-Хорин в своей центральной части был густо застроен городскими кварталами, которые крест-накрест перерезали две магистральные улицы, а в юго-западном секторе городища располагался обширный дворцовый комплекс с крупным зданием в центре (Киселев, 1965; Киселев, 1957, с. 97–99).

Топографический ландшафт золотоордынских городов и поселений также не дает какой-либо единой модели. На Водянском городище на настоящий момент пока не выявлено крупных усадебных комплексов, аналогичных Селитренским или Царевским, здесь слабее была развита арычная система. Достаточно плотная застройка поселения была обусловлена тем, что его территорию ограничивали овраги и река. В топографии Царевского городища выделяется сектор с рядовой застройкой (центральный и северо-западный) и районы с дворово-усадебным характером застройки (восточный и юго-восточный), организованные уличной сетью. На периферии памятника его застройка принимала иррегулярный характер, образуя городские пригороды. Селитренное городище располагалось на бэровских буграх и в пространстве между ними, имело четкую уличную распланировку. Причем, кварталы рядового населения занимали не один определенный район, а всю площадь городища, концентрируясь вокруг нескольких групп привилегированных усадеб, административных и культурно-религиозных зданий. На периферии застройка принимала более рассредоточенный характер.

Очевидно, в застройке городов Золотой Орды проявляются определенные традиции организации монгольских городов Центральной Азии XIII века. Градостроительная структура населенных пунктов, основанных центрально-азиатскими кочевниками (Хирхиринское городище, Хара-Хорин), имеет определенные параллели в структуре средневекового кочевого лагеря-ставки. Образ жизни номадов выработал устойчивую идею центростремительности. В основу представления кочевников о мире был положен достаточно универсальный принцип концентрической иерархии с центральной осью и расходящимися кругами разной степени сакральности, за пределами которого лежал чужой неосвоенный мир – хаос (Жуковская, 1988, с. 13–31). Эти принципы проецировались на планировку лагеря кочующей орды – ставки хана. В центре находилась юрта вождя, предводителя, которая была окружена юртами личной гвардии, родственников. Дальше располагались юрты остальных соплеменников, скот, повозки. «Куренной» принцип организации стойбищ и поселений прослеживается у многих кочевых этнокультурных общностей: у киданей, салтово-маяцкого населения, башкир, монгольских племен Центральной Азии.

С одной стороны, имеются некоторые основания говорить о некоторой преемственности этого принципа в организации золотоордынского города от монгольских городов периода империи Чингисхана. По приказу Угедея в 1235 г. китайскими мастерами был отстроен Каракорум: «Он... приказал построить... дворец с очень высоким основанием и колоннами...», затем последовал указ о том, чтобы «каждый из (его) братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому» (Рашид-ад-Дин, 1960, с. 40). На Хара-Хорине (Каракорум) этот дворцовый комплекс выявлен С.В. Киселевым археологически (Киселев, 1957, с. 97). Эти свидетельства перекликаются с другим сообщением, в котором характеризуется другая столица – столица Золотой Орды – Сарай: «место пребывания царя там большой дворец... Дворец окружают стены, башни

да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения...» (Тизенгаузен, 1884, с. 241).

С другой стороны, ряд элементов свидетельствует о преемственности общих принципов освоения пространства, характерных для кочевников в целом. Это – кучевая организация групп углубленных в землю жилищ, выявленных на Шареном бугре; структурирование усадебных комплексов, где в центре располагаются главные дворцовые постройки, а по периметру находятся жилища родственников, слуг, усадебных работников; интегрирование в городской ландшафт юртообразных построек.

Происхождение целого ряда элементов и принципов организации городского пространства следует связывать с инновациями из Средней Азии: арычная система и водоемы-хаузы (общественные и усадебные); конструкции колодцев, обложенных кирпичом; кубурная система водопровода; парная постановка монументальных зданий и организация площади между ними; башнеобразные выступы на углах монументальных зданий, организующие вертикальную композицию ландшафта города. Вместе с тем планировка золотоордынского города весьма отличается от среднеазиатской городской застройки. Среднеазиатские кварталы представляют собой замкнутый тип городской застройки. Организация городского пространства в Средней Азии обычно (так как и в этом случае схема не универсальна) предполагает четко выраженную структуру: цитадель, укрепленный шахристан – собственно город, и пригородные участки – рабады, также часто укрепленные (Большаков, 1970; Воронина, 1959, с. 87–93; Пугаченкова, 1958, с. 188–202; Лавров, 1950, с. 68–78). Отсутствие цитадели, выраженного членения на шахристан и рабад сближает золотоордынские города и поселения с поселениями городского типа в долине реки Или в Семиречье VIII–XII веков (Бернштам, 1941; Лавров, 1950, с. 70). Здесь эти поселения появились в результате оседания кочевников и концентрации ремесла. Очевидно, некоторое сходство планировки двух групп поселений (золотоордынской и илийской) следует связывать с общими закономерностями исторического развития кочевых обществ – в частности, с оседанием номадов.

Вместе с тем формирование архитектурно-планировочной структуры золотоордынского города было обусловлено принятием золотоордынскими ханами ислама и интегрированием в городское пространство таких типичных для мусульманского мира построек, как мечети, мавзолеи, бани. В то же время золотоордынский город нельзя считать мусульманским в полном смысле слова, так как в его пространство были включены различные этнические и конфессиональные группы, проживающие в собственных кварталах.

2. Строительная техника

Основным строительным материалом являлся обожженный и сырцовый кирпич. Кирпич изготавливался на месте из лессовидных глин с введением органических добавок, которые при обжиге выгорали, образуя пористую структуру, чем достигалась необходимая гигроскопичность изделия. Кирпич формовался в деревянных рамках без дна. Затем кирпич высушивался на солнце. Высушенный кирпич обжигался в специальных печах.

Формат обожженного квадратного кирпича колебался в пределах 20–26 × 20–26 × 4–7 см. Обожженный кирпич применялся в различных конструкциях – в кладках цоколей и стен жилых и общественных сооружений, погребальных памятников, горнов, суф, канов и очагов, в вымостках пола, в основаниях баз колонн. Для кладки стволов минаретов, округлых башнеобразных выступов использовался специальный лекальный кирпич с двумя прямыми и одним дуговидным ребром или обычный кирпич, параллельные стороны которого стачивались на клин. Для кладки полов в усадебных домах и общественных постройках применялись прямоугольные кирпичные плиты, правильные шестиугольные кирпичные плитки со стороной 10–12 см. Сырцовые кирпичи, применяемые при строительстве, – прямоугольные и квадратные по форме. Наиболее распространенный формат квадратного кирпича представлен стандартами: от 21 до 27 см при толщине 4,5–6 см. Встречается также более крупный формат кирпича размером 31 × 31 × 9 см (Баллод, 1923, с. 30). Подобные стандарты сырцо-

вого кирпича были распространены на всей территории Золотой Орды. Прямоугольные большеформатные сырцовые кирпичи со стандартами 40–45 × 20–24 × 5–9 см использовались для возведения капитальных стен усадебных домов, общественных и мемориальных построек. Подобный стандарт кирпича (1 : 2) являлся наиболее оптимальным, позволяя чередовать кладку рядов тычком и ложком. При строительстве канов, суф, печей, цокольных частей и стен небольших домов употреблялся прямоугольный кирпич меньшего формата.

В условиях городской застройки весьма эффективными являлись деревянные конструкции. Наибольшее распространение получили фахверковые каркасно-щитовые конструкции стен и перегородок, использовавшиеся в строительстве жилых домов. Фахверковая конструкция стен представляла собой раму из бревен или брусьев шириной от 15 до 25 см. В продольные пазы, выдолбленные в балках нижней рамы, вставлялись вертикальные доски. По углам конструкция укреплялась вертикально установленными несущими столбами. Сверху доски и вертикальные столбы соединялись, очевидно, рамой, аналогичной нижней. Дощатые стены фахверковых конструкций обмазывались глиной и известковой штукатуркой, о чем свидетельствуют остатки досок с отпечатками обмазки. Вместо досок часто использовался сырцовый кирпич. В этом случае вертикальная деревянная рама-каркас заполнялась кирпичной кладкой в горизонтальную или вертикальную елочку. Для укрепления связи в основу зачастую вставлялись вертикальные брусья через 30–50 см, промежутки между которыми и заполнялись кирпичами. Деревянные конструкции использовались в различных типах кирпичных кладок в качестве основ, вертикальной и горизонтальной арматуры. В строительных традициях золотоордынского Поволжья прослеживается использование деревянных колонн; амортизирующих деталей, устраняющих нежелательный эффект усадки; свай, укрепляющих основания построек.

В строительном деле Нижнего Поволжья в золотоордынский период применялся камень. Однако, судя по современному

состоянию материала, использовался он исключительно на Увекском, Водянском и Мечетном городищах. В кладках цоколей, стен жилых построек, монументальных сооружений применялся рваный необработанный камень типа серого песчаника или мергеля, до 40–50 см в размере. В кладках некоторых построек камень грубо подтесан. В цоколях двойного дома, мавзолея № 3 на Водянском городище каменные блоки тщательно отесаны, отшлифованы и подогнаны друг к другу. Подобного рода камни использовались в качестве облицовочного. Иногда они выделялись специальными декоративными швами (Егоров, Полубояринова, 1974, с. 81–83; Егоров, 1980, с. 74–75, 80–85).

В кладках стен, цоколей, фундаментов, канов, суф, очагов использовался в основном глиняный раствор. Причем глиняный раствор широко применялся как в жилищах низших социальных слоев, так и в монументальных постройках. Известковый и алебастровый растворы использовались в основном для кладки кирпичей и стяжек пола, дренажных систем, для декоративной расшивки швов в наружной кладке стен и цоколей. Золотоордынским строителям были известны кыровые растворы – известковые растворы с зольными добавками. Золистые добавки придавали растворам лучшую влагостойкость. Широкое применение глиняных растворов в кладках стен, цоколей, фундаментов определялось его качествами. Глиняный раствор, в отличие от известкового и алебастрового, более мягкий и пластичный, кирпичи, связанные глиной, легче выравниваются в горизонтальной и вертикальной плоскости. В условиях, когда стены возводились без фундамента, что создавало высокую нагрузку на грунт и приводило к значительной усадке, применение жесткого, непластичного известкового раствора могло привести к образованию трещин и разрушений. Кроме того, глина более доступный материал и не требует какой-либо специальной обработки, в отличие от извести и алебастра. Известковый цементирующий раствор жестче глиняного, но он более влагостойкий и более прочный.

Для оштукатуривания стен употреблялась глиняная, известковая и алебастровая штукатурка. Известковая и алебастровая

обмазки стен обычно применялись в жилищах жителей высокого социального статуса и монументальных сооружениях.

Характерной особенностью в традициях золотоордынского строительства на Нижней Волге является безфундаментный способ кладки стен и цоколей жилых построек, в том числе крупных усадебных и дворцовых сооружений, мечетей и ряда мавзолеев. Причем строительная площадка предварительно нивелировалась – забутовывались ямы, всхолмления выравнивались. Характер забутовки носил различный характер: строительный мусор, песок, фрагменты пахсы и кирпичной кладки.

Исключение составляют несколько построек, стены которых возводились на траншейных фундаментах (рис. 16). Кладка ленточного фундамента из бутового камня зафиксирована в мавзолее Мечетного и Увекского городищ (рис. 16, *3*). В Бахтияровском мавзолее и одном из помещений общественной бани Селитренного городища траншея фундамента была заполнена сплошной кладкой из обожженного кирпича (рис. 16, *4*). И один из мавзолеев на Комсомольском поселении был построен на двухслойном фундаменте из каменного бута и кирпичного боя, покрытого песчаной подушкой (рис. 16, *5*).

Основание стен ряда построек (цоколи мечети и мавзолеев Водянского городища, мавзолей на селище Бутырки) было заглублено в материковый грунт или культурный слой. Траншеи не могли являться фундаментами, так как глубина их невелика – от 5 до 20 см. При общем падении высот строительной площадки в ту или иную сторону данный характер оснований имел нивелировочное значение. В то же время для того, чтобы верно выдержать контур стен, подобные траншеи, очевидно, использовались в качестве разметочных.

Известны основания в виде котлованов под всю площадь застройки (бани Водянского и Селитренного городищ, общественное здание Водянского городища) (Зиливинская, 1989, с. 253–254, 258, 267; Мыськов, 2001, с. 260–261). Глубина котлованов колеблется от 0,7 до 1,3 м. Стены зданий ставились на дно котлованов. Кладка вплотную примыкала к вертикальным стенам

котлованов. Стены многих жилых и монументальных построек стояли не непосредственно на грунте, а на цоколе. Конструктивно цокольные части зданий имели различное решение, зависящее от материала. В золотоордынских городах Нижнего Поволжья для возведения цоколей использовался камень, сырцовый и обожженный кирпич, а также их комбинации. На Водянском городище широкое распространение получили каменные цоколи (рис. 16, *6–10*). Здесь, как правило, под стены построек подводился цоколь из необработанного бутового камня сплошной кладкой на глиняном растворе (рис. 16, *7*). Ширина цоколей небольшая, для жилых построек это 15–50 см, для общественных и мемориальных зданий – 100–120 см. В постройках Водянского городища прослежено еще несколько решений цокольной кладки, применявшихся при строительстве значительных по размеру жилых построек и мемориальных сооружений:

1. «Панцирная», где пространство между двумя рядами крупного рваного камня было забутовано глиной, фрагментами кирпича и мелкого камня (рис. 16, *8*).

2. «Панцирная, облицовочная», где по внешнему и внутреннему контуру стен были установлены крупные, тщательно обработанные и отшлифованные блоки, плотно пригнанные друг к другу. Внутреннее пространство заполнялось мелким камнем и заливалось глиняным раствором (рис. 16, *9*).

3. «Облицовочная», где основной массив кладки возводился из необработанного камня, а внешняя плоскость облицовывалась крупными подтесанными плитами (рис. 16, *9*).

4. Кладка, основанная на чередовании горизонтальных слоев камней мелкой (10–20 см) и крупной (до 40 см, подтесанных и плотно подогнанных) фракций (рис. 16, *6*).

На остальных памятниках Нижнего Поволжья под жилые постройки возводились цоколи из сырцового и обожженного кирпича.

Толщина стен варьировалась в зависимости от характера постройки. В рядовых жилищах толщина стен была меньше, в монументальных жилых и общественных постройках – больше. Существенную роль играли конструктивно-композиционные

особенности. Толщина стен увеличивалась при наличии купольных перекрытий, которые увеличивали нагрузку на стены, а также ниш, которые ослабляли их конструкцию. В типичных однокомнатных квадратных домах однородная рядность всех стен не соблюдалась. В нескольких стенах могло быть выложено одно количество рядов кирпича, а в остальных – другое. Зачастую возводились комбинированные жилища, когда одна, две или три стены были сложены из кирпича или камня, а другие сооружены из дерева. Соответственно варьировалась толщина стен дома – от 15 до 60 см. В монументальных жилых и общественных постройках рядность всех стен строго соблюдалась. Толщина наружных стен составляла от 0,7 до 2–2,5 м, внутренних перегородок – от 0,3 до 1 м. Очень редко возводились турлучные стеновые конструкции, которые представляли собой вертикально поставленные через определенное расстояние столбы, оплетенные прутом. С двух сторон плетневая стена обмазывалась глиной. Углы построек в этом случае плавно закруглялись. Рядовые золотоордынские дома, возведенные без фундамента, где не соблюдалась рядность кладок, однородность строительного материала, являлись постройками крайне ненадежными и недолговечными. Примитивный характер подобных построек подтверждается фиксируемым несоответствием размеров длины параллельных стен, несовпадением диагоналей, что приводило к нарушению равномерной нагрузки всех четырех стен, а впоследствии к их разрушению. К настоящему времени зафиксировано довольно большое количество типов кирпичных кладок, использовавшихся для возведения стеновых конструкций (рис. 15).

Полы в домах имели различное конструктивное решение – деревянные настилы, земляные натопы, глинобитные и известковые стяжки, полы, уложенные из стандартного квадратного кирпича на известковом или глиняном растворе. В богатых жилых постройках и общественных сооружениях встречаются полы сложной конструкции, в структуре которых содержалось несколько слоев.

В процессе раскопок следы перекрытий фиксируются достаточно слабо, интерпретировать их сложно, поэтому вопрос об их характере может быть решен предположительно. Согласно реконструкции В.Л. Егорова перекрытие жилого квадратного дома представляло собой четырехскатную пирамидальную крышу, со срезанной вершиной в виде плоской площадки или со сквозным отверстием. Однако реконструкция представляется недостаточно обоснованной (Блохин, 2001, с. 137–138). Перекрытия квадратных домов, размеры стен которых колебались в пределах от 3 до 6 м, могли быть плоскими односкатными или двускатными. Перекрытия мечетей Водянского и Селитренного городищ были, судя по всему, плоскими и скатными. Прогон между деревянными колоннами в 3,4–4 м вполне приемлем для несущих балок наката деревянного перекрытия и размещения на них чердачных стоек и стропил. Вполне возможно, что перекрытие было исполнено не в виде балок, и держалось на деревянных аркадах. Характер перекрытий нижневолжских бань не восстанавливается. Судя по толщине внешних и внутренних стен (0,8–1,10 м), небольшим размерам (6–15 кв. м), мыльные помещения могли быть перекрыты куполом. Предбанник, тамбуры и другие подсобные помещения, толщина стен которых обычно не превышала 0,5–0,6 м, перекрывались, очевидно, плоской кровлей. Мавзолеи имели, скорее всего, купольное перекрытие, на что указывают находки на некоторых мемориальных комплексах остатков угловых подкупольных конструкций (рельефных ячеистых парусов). Данные конструкции подготавливали квадратное основание стен к многограннику или сразу к круглому основанию купола (рис. 16, *11*).

3. Жилая архитектура

Основным модулем квартальной застройки и иррегулярной застройки пригородов являлись наземные четырехугольные, подквадратные в плане однокомнатные дома (рис. 17, *2*). В подобных жилищах проживало рядовое население золотоордынских городов. Стены построек – деревянные каркасной фахверковой или турлучной конструкции, поставленные на материк, сырцовый или

каменный цоколь; целиком выведенные из кирпича на материке или каменном цоколе. Как правило, интерьер довольно однообразен. Это П-, реже Г-образная, довольно широкая суфа высотой 30–60 см, представлявшая собой лежанку, возведенную из фрагментов кирпича, строительного мусора, глины и суглинка, края которой зачастую обкладывались сырцовым и (или) обожженным кирпичом, а поверхность постели обмазывалась глиной. Вмонтированный в суфу «кан» (отопительная система) состоял из кирпичной печи прямоугольной или овальной в плане формы, или тандыра, и жаропроводящих горизонтальных каналов, обычно двух. Каналы кана проходили, как правило, вдоль одной из стен, были просто вырублены в постели суфы или выкладывались кирпичом и перекрывались также кирпичом. Горизонтальные каналы соединялись с вертикальным дымоходом в одном из углов помещения. Полы могли быть глинобитными, материковыми, дощатыми, или из обожженного кирпича. Полы некоторых жилищ иногда углублялись в землю относительно уровня дневной поверхности на 20–50 см. Зачастую в полу устраивались тошнау – специальный резервуар конической формы, обложенный фрагментами кирпича, камня, или представляющий впущенный в землю большой сосуд. Данная конструкция являлась дренажом, куда отводилась вода после омовения. Тошнау прикрывались крышками из кирпича, каменных и терракотовых плит с небольшим отверстием. Размеры сторон подобных построек – от 2,5 до 7 м. Общая площадь обычно колеблется от 9 до 45 кв. м.

Вопрос о происхождении данного типа жилища решался однозначно. В.Л. Егоров, а вслед за ним и Г.А. Федоров-Давыдов, считали, что он сложился у монголов в период образования империи Чингисхана как трансформация круглого жилища типа «юрта», в процессе оседания монголов (Егоров, 1970, с. 180–182; Федоров-Давыдов, 1994, с. 75). В качестве аргументации этого факта приводились якобы типичные каноны монгольской архитектуры, которые проявлялись в подобном типе зданий: квадратная форма построек, безфундаментный способ кладки, наличие сырцового цоколя, каркасно-щитовая конструкция стен, четырехскатная пи-

рамидальная крыша, П-образная суфа и конструкция кана. В ряде последних исследований они и фигурировали как «монгольские дома Поволжья», «однокомнатные монгольские дома». Однако принадлежность некоторых строительных канонов к монгольской архитектуре вызывает определенные сомнения. Основной особенностью монгольского архитектурного стиля считается квадратная форма здания (Егоров, 1970, с. 181). Следует отметить, что В.Л. Егоров в этом положении опирался исключительно на этнографические материалы современной Монголии (Кондратьева, 1935, с. 39). В то же время хорошо известно, что не только монголы, но и другие группы кочевников при переходе к оседлости строили четырехугольные здания – квадратные и прямоугольные в плане или стремящиеся к этой фигуре. Очевидно, здесь следует говорить не о какой-то характерной черте, а об общей закономерности, проявившейся в эволюции круглого переносного жилища в четырехугольную стационарную постройку.

Безфундаментный способ кладки стен В.Л. Егоров относил к «характерной черте монгольской архитектуры, восходящей к кочевому образу жизни» (Егоров, 1970, с. 182–183). Но отказ от устройства фундаментов был широко распространен в различных средневековых строительных традициях VIII–XV вв. – в салтово-маяцкой культуре, Средней Азии, в том числе и у ряда народов Центральной Азии (чжурчженей, киданей). Появление этого приема на территории Поволжья могло произойти в силу его общей распространенности и унификации во временном и пространственном континууме.

Следующая параллель, которая, по мнению В.Л. Егорова, свидетельствует о преемственности золотоордынского квадратного дома от монгольского жилища – сырцовые цоколи, подводившиеся под деревянные стены (Егоров, 1970, с. 182–183). Основным аргументом здесь также являются этнографические данные и фрагменты фрески из Каракорума, изображающие два ряда кладки кирпича, на котором стоит стена каркасно-щитовой конструкции. Кирпичную кладку В.Л. Егоров посчитал цоколем постройки. Но на территории Монголии в период Чингисхана и в более

раннее время деревянные стеновые панели предпочитали возводить на специальных глинобитных или земляных платформах, которые часто по внешнему контуру обкладывались сырцовым кирпичом (Пэрлээ, 1962, с. 57, 59; Киседев, 1958, с. 114, 115; Киселев, 1961, с. 108–109). Очевидно, подобное основание и изображено на фреске из Каракорума. Цоколи из сырцового квадратного кирпича в рядовых однокомнатных жилищах – характерная особенность именно золотоордынского домостроительства, выработанная, очевидно, на местной основе. Реконструкция перекрытия, как четырехскатного пирамидального, также не может быть признана верной.

Вызывает возражение дефиниция данного типа жилища как типично монгольской конструкции (Егоров, 1970, с. 192). Очевидно, что ряд строительных канонов имеют центральноазиатское происхождение (возможно, каркасно-щитовые конструкции стен, П-образная суфа и кан). Они были усвоены монголами от чжурчженей, киданей и уйгуров еще до образования империи Чингисхана и распространены на запад с продвижением монгольской армии или же перенесены вместе с центральноазиатскими строителями, которые находились в составе монгольских отрядов. Но формирование золотоордынского квадратного жилища происходило на местной почве в процессе перехода тюрко- и монголоязычных кочевников к оседлому образу жизни.

В вопросе происхождения золотоордынских канов в археологической литературе сложилось несколько точек зрения. В.Л. Егоров считает, что каны золотоордынских жилищ были усвоены монголами у киданей и чжурчженей и в XIII в. перенесены на золотоордынскую территорию (Егоров, 1970, с. 185–186). С.М. Ахинжанов и Л.Б. Ерзакович полагают, что каны на Нижней Волге могли появиться с переселенцами из присырдарьинских городов (Ахинжанов, Ерзакович, 1972, с. 64–69; Ерзакович, 1973, с. 182). Г.А. Федоров-Давыдов категорически отвергал подобную возможность и склонялся к центральноазиатской версии (Федоров-Давыдов, 1994, с. 75). Противоположные позиции исследователей связаны с тем, что в своих утверждениях они опирались на

разные материалы, в которых представлены различные типы канов: В.Л. Егоров – на материалы Царевского городища, Л.Б. Ерзакович – Шареного бугра. Полуземляночные жилища Шареного бугра сложились в результате несомненного влияния среднеазиатских канонов: традиций южноказахстанских городов (Отрара, Баба-ата), городов Семиречья (Краснореченское городище). Об этом свидетельствуют такие инновационные элементы, как угловые суфы; суфы, идущие вдоль четырех стен строения; одноканальный дымоход, вырубленный в постели суфы без обкладки его кирпичом или обложенный сырцом и направленный в угол постройки или проложенный вдоль одной из стен. Каны Царевского городища, да и в целом стандартные каны наземных построек, складывались под воздействием центральноазиатских традиций. Вначале, от чжурчженей, киданей и уйгуров, в XIII в. населением монгольских городов были переняты основные принципы и технические особенности устройства канов: система двух- и трехканальных дымоходов, проложенных в суфе или полу и обложенных каменными плитами или кирпичом; топка внутри дома; вертикальный дымоход в углу отапливаемого помещения. Очевидно, эти элементы были перенесены центральноазиатскими мастерами на нижневолжскую территорию в результате западного похода монголов и развивались в самостоятельном русле, что предопределило появление новых черт: каналы кана, идущие вдоль одной стены, топка, вмонтированная в суфу.

Хорошо известны жилые постройки с осевой (анфиладной) планировкой, где помещения (два, три и более) располагались в один ряд (рис. 17, *3–5*). Помещения представляли собой типичные однокомнатные четырехугольные жилища и имели отдельные входы. Выделяются постройки, где на одной оси группировались два одномодульных помещения, соединявшихся с помощью центрального айвана, расположенного между ними. Интерьеры помещений симметричны. Входы располагались обычно со стороны айвана. Одно подобное здание исследовано на Водянском городище, другое – на Царевском. В каждом из помещений подобных построек проживала отдельная малая семья, о чем свиде-

тельствуют отдельные входы, типичный интерьер помещений. Анфиладный принцип планировки жилых зданий был широко распространен в среднеазиатском регионе в домонгольское и монгольское время – Хорезме, Южном Казахстане и Семиречье (Неразик, 1976, с. 184, 190; Ерзакович, 1983, с. 84; Байпаков, 1986, с. 151). Однако сходство золотоордынских построек этого типа со среднеазиатскими сооружениями проявляется лишь в общем принципе композиционной планировки жилищ. Отличны интерьеры помещений, техника возведения стен.

Дома, принадлежавшие населению более высокого социального статуса, представляли собой кирпичные постройки, где пространство было разделено на несколько разномодульных (жилые комнаты, хозяйственные помещения, айваны, вестибюли-тамбуры) помещений взаимно перпендикулярными стенами (рис. 17, *6–8*). Площадь таких построек составляла от 80 до 150 кв. м. Исследовано три таких дома: один – в юго-восточном районе Царевского городища (р. I-67, 68), другой – в северо-западном пригороде того же памятника, третий – на «Шарсном бугре» (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970, с. 149–152; Мыськов, 2002; Федоров-Давыдов, 1994, с. 54). Здания этого типа не имеют единого стандартного решения планов. Однако некоторые детали этих построек, такие как входной айван-лоджия в центральном доме усадьбы на раскопе I-67, 68 Царевского городища, вестибюль-тамбур в усадебном доме северо-западного пригорода Царевского городища, четкое деление домов на жилые и хозяйственные помещения, техника кладки стен, форма и размеры строительного материала, в виде прямоугольного сырцового кирпича 40 × 20 × 5 и 45 × 25 × 5 см и квадратного сырцового кирпича свидетельствуют о среднеазиатском влиянии в формировании данного типа зданий.

Золотоордынская аристократия проживала в крупных монументальных постройках центрического плана (рис. 17, *9–11*). Композиционным ядром здесь являлся парадный коридорообразный (здания на Селитренном и Царевском городищах) или квадратный колонный (постройки на поселении у пос. Комсомольский в Астраханской области) зал. Вокруг зала группировались разно-

модульные (жилые и хозяйственные) помещения. Входной вестибюль оформлялся в виде айвана, обычно с Г-образными суфами, или же пилонами мощного портала. Иногда делалось два входа с противоположных концов здания. Углы некоторых зданий оформлялись башнеобразными выступами. Стены домов возводились из обожженного или сырцового кирпича. Площадь подобных построек составляла от 400 до 700 кв. м. Весьма специфичен многокомнатный усадебный дом, исследованный на р. XXI на Селитренном городище. Ядром всего комплекса здесь являлся также парадный большой зал, но находился он в северо-западной части здания и был смещен с центральной оси. Кроме того, здание строилось не единовременно, помещения постепенно пристраивались друг к другу, а стены возводились из разнородного материала (сырца, обожженного кирпича, дерева). Таким образом, планировка здания представляется более архаичной и менее упорядоченной (Зиливинская, 2001, с. 63–64). Планировочная композиция подобных строений имеет аналогии с хорасанскими жилыми постройками с центральной прямоугольной михман-ханой XI–XIII вв. (Пугаченкова, 1958, с. 213) и домами центрического плана Хорезма XII–XIII веков (Неразик, 1976, с. 182–183). Но при этом хорасанские и хорезмийские дома отличаются от золотоордынских построек интерьером, внешним оформлением, использованием различных строительных материалов.

К этой же серии построек с центрической планировкой относится также усадебный дом на юго-восточной окраине Царевского городища, в котором помещения группировались вокруг внутреннего дворика – жилые ячейки по углам, а хозяйственные комнаты по периметру (рис. 17, *9*). Площадь помещений составляла 165 кв. м, площадь внутреннего дворика – 40 кв. м. Стены этого строения были деревянными, стояли на сырцовом цоколе. Жилые помещения со стандартным интерьером и отдельными входами здесь располагались по углам здания, а хозяйственные – по периметру (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978, с. 90–94). При этом дом был построен не единовременно, комплекс обрел законченную планировку в результате ряда перестроек. Эти данные гово-

рят о том, что в отличие от жилищ аристократии в данном доме проживала, скорее всего, большая семья, находившаяся на определенном этапе своего распада, причем не самого высокого социального статуса. Постройки с внутренним двориком широко были распространены в Средней Азии – Хорезме, Семиречье, Дахистане (Неразик, 1976, с. 182–183; Байпаков, 1986, с. 153–154; Горячева, 1975, с. 552–553).

Низшие слои населения проживали в заглубленных в землю однокамерных жилищах прямоугольной в плане формы (рис. 18). Площадь жилищ чаще всего варьировала от 9 до 20 кв. м. Данная группа жилищ была заглублена в землю от нескольких десятков сантиметров до 2–2,5 м. Земляночные и полуземляночные жилища имели обычно вход в виде ступенчатого дромоса или пандусный спуск. Стены и полы, как правило, материковые, но встречаются жилища, стены которых были сложены из сырцового и обожженного кирпича. В интерьере землянок и полуземлянок обычно присутствуют суфа вдоль одной, двух, трех или всех четырех стен. Данная категория жилищ дает довольно широкий спектр отопительных устройств: открытые очажные ямки, иногда обложенные кирпичом или обмазанные глиной; открытые очаги, сложенные с уровня пола из фрагментов и целых сырцовых и обожженных кирпичей; прямоугольные печи, сложенные из фрагментов обожженного или сырцового кирпича, в центре которых располагались округлые топки; различные типы канов (с коротким дымоходом, с одноканальным дымоходом вдоль одной стенки, с двухканальным горизонтальным дымоходом). В целом это свидетельствует об этнокультурной неоднородности населения, участвовавшего в сложении данного вида жилищ. Скорее всего, это население с неустоявшимися оседлыми традициями, в культуре которых не был выработан постоянный тип отопительной системы, или же маргинальные группы оседлого населения, насильственно переселенные на Нижнюю Волгу, составлявшие низшую социальную страту.

Своеобразным типом жилищ являлись юрты, а точнее «юртообразные» круглые в плане однокамерные постройки (рис. 17,

1). Обнаружены остатки трех подобных сооружений на Царевском городище, и трех – на Селитренном (Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 127–128; Зиливинская, 1994, с. 118). Их диаметр – от 2,7 до 4 м. Постройки представляли собой кольцевые выкладки из фрагментов обожженного кирпича, скрепленных глиняным раствором. Полы представляли собой земляное или глинобитное основание, а в двух случаях (на Царевском городище) – кирпичные вымостки. На полах построек зафиксированы следы от открытых очагов в виде скопления золы и углей. Круглые «юртообразные» постройки на территории Нижнего Поволжья, скорее всего, возникли самостоятельно на местной почве в процессе оседании тюрко- и монголоязычных кочевников. Подобная тенденция (ставить стационарные юрты во дворах усадеб) характерна для многих оседающих на землю кочевников, что подтверждается и археологическими (слои IX–XIII вв. Краснореченского и Талгарского городищ в Семиречье; городище Куня-Уаз XIII–XIV вв. в Хорезме), и этнографическими материалами (переходившие к оседлости монголы, казахи, киргизы, туркмены, узбеки).

4. Архитектура общественных зданий и мемориальных комплексов

Среди монументальных построек, определявших облик золотоордынского города, важное место занимали бани. На нижневолжских памятниках к настоящему времени раскопано три сооружения (рис. 22–24). Одна общественная баня исследована на Водянском городище, две (общественная и дворцовая) – на Селитренном городище. Баня Водянского городища и дворцовая баня Селитренного городища представлены постройками римско-византийской традиции, с последовательно соединенными помещениями, в которых реализовывался принцип постепенного нарастания температуры. Общественная баня Селитренного городища – типичная восточная баня хаммам, с центральным крестообразным залом и группирующимися вокруг него помещениями. Бани типа хаммам хорошо известны в Средней Азии, Азербайджане, Болгарах (Воронина, 1983; Усейнов, 1951, с. 89; Хован-

ская, 1954, с. 398–414). Но в планировочном отношении золотоордынской бане ближе бани Азербайджана и Болгар, где господствует четкий крестовый план (Воронина, 1983, с. 146, рис. 12; Хованская, 1954, с. 398–414). В среднеазиатских постройках в композиции центрального зала присутствуют две или три лоджии креста (Воронина, 1983, с. 163).

Все нижневолжские бани имели значительные по размерам предбанные помещения, собственно мыльни и изолированные топочные отделения. Обогрев помещений осуществлялся с помощью подпольной системы отопления – посредством горизонтальных дымоходов горячий воздух из топки поступал под полы мылен, которые покоились на кирпичных столбиках. Горячая и холодная вода разводилась из цистерн топочного отделения с помощью керамических труб – кубуров, проложенных в толще стен. Удаление сточных вод осуществлялось также по глиняным трубопроводам в дренажные каналы и далее в сточные ямы или поглощающие колодцы. Бани на Селитренном городище по своим строительным и конструктивным особенностям организации системы подпольного отопления, топочного отделения, системы водоснабжения и водостоков весьма специфичны. В то же время их планировка имеет очень широкий ареал бытования, поэтому связывать генезис бань на Селитренном городище с каким-либо конкретным регионом достаточно сложно. О том, что постройка бани на Водянском городище складывалась под влиянием болгарской архитектурной традиции, свидетельствует сходство с планировкой бани № 3 в Великих Болгарах и здания «караван-сарая» в Биляре, типы кладок стеновых конструкций, каменные подпорные столбики подпольного отопления в помещении 8, водосточная система снабжения из камня, перекрытая крупными необработанными каменными плитами.

С принятием и распространением в Золотой Орде ислама, религиозно-идеологическим выражением становятся культовые мусульманские постройки. Согласно свидетельству Ибн-Батуты в столице Золотой Орды – Сарае в 1333 г. было 13 мечетей для соборной службы и «еще чрезвычайно много (других) мечетей»

(Тизенгаузен, 1884, с. 306). Археологически исследовано две мечети – на Водянском и Селитренном городищах (рис. 19, 20). Мечети и минарет, с которых призывали верующих к соборной молитве, являясь мусульманским символом, отражали религиозную доминанту в обществе. Анализ композиционных принципов нижневолжских мечетей позволяет отнести их к типу столпных построек, где внутреннее пространство было разделено колоннами на стандартные квадраты. Подобный тип мечетей широко распространился в Средней Азии в XI–XVIII веках (Блохин, 2003). По мнению Э.Д. Зиливинской, некоторые композиционные приемы в золотоордынских мечетях Нижнего Поволжья характерны для сельджукской строительной традиции Малой Азии (наличие трансепта на оси киблы, внутренний дворик с водоемом мечети на Селитренном городище, наличие квадратной предмихрабной площадки, портал мечети Водянского городища) (Зиливинская, 1998, с. 32–33). Однако ее выводы требуют значительной корректировки. С традициями сельджукской Малой Азии надежно можно связывать только наличие трансепта в Селитренской мечети (Блохин, 2004). Остальные приемы имеют аналогии и в среднеазиатских постройках. В частности, внутренний дворик с водоемом характерен не только для построек средневекового Ирана. Данное композиционное решение встречается и в мечетях Средней Азии (Пугаченкова, 1958, с. 256, 262).

По мнению Э.Д. Зиливинской, вертикальную композицию Водянской мечети завершал деревянный купол над предмихрабной площадкой, что является признаком малоазийского влияния (Зиливинская, 1998, с. 32–33). Исследовательнице представляется маловероятным балочное перекрытие пролета более чем 8 м. Однако здесь возможно плоское перекрытие, возвышающееся над уровнем остальной кровли мечети. В Средней Азии было широко распространено перекрытие квадратного пространства при помощи четырех уложенных наискосок прогонов, соединяющих середины стен. Такой способ перекрытия позволял обходиться без опор и купольных конструкций при пролете до 10 м. В данном случае можно предположить, что несущие прогоны были перекинуты

между средними колоннами, образуя в плане вписанный в площадку ромб. Пролет перекрытия, таким образом, мог быть уменьшен до 6 м. На несущие балки укладывалось несколько стропил, которые в свою очередь перекрывались непосредственно досками кровли. Длина несущих балок и стропил равнялась 6 м, что вполне приемлемо для балочного перекрытия. На подобную возможность указывают лежащие на полу площадки балка длиной 5,6 м, толщиной 18 см и доски перекрытия (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976, с. 128). Нельзя считать предмихрабную площадку – айван типичным только для малоазийских мечетей XI–XII веков (Зиливинская, 1998, с. 32). Он характерен для целого ряда среднеазиатских мечетей XI–XIII вв. и более позднего времени (Пугаченкова, 1958, с. 245, 247, 248, 262; Прибыткова, 1974, с. 108; Воронина, 1958, с. 145). Портал Водянской мечети, где толщина пилонов не превышает толщину стен постройки, Э.Д. Зиливинская интерпретирует также в русле сельджукской архитектурной традиции Малой Азии как сталактитовую нишу с резьбой по камню (Зиливинская, 1998, с. 33). В качестве аргументации используется один довод – толщина пилонов не превышает толщину стен. Но данный факт свидетельствует лишь о том, что стены подобных пилонов не могли нести распор мощной пештачной арки. Кроме того, стены портала не несли никакой облицовки с резьбой по камню, а были лишь покрыты известковой штукатуркой. В данном случае остатки пилонов Водянской мечети можно интерпретировать и как выдвинутый, но не высокий, не превышающий высоту стен мечети, портал в виде айвана со сводчатым, стрельчатым или балочным перекрытием, развивающего объем входа. Подобные конструкции хорошо известны в мемориальной и гражданской архитектуре Средней Азии XI–XIV веков (Пугаченкова, 1958, с. 223, 300–302, 375–376).

С другой стороны, в строительных приемах мечети Водянского городища выразительно прослеживаются традиции Волжской Болгарии – сплошная кладка стен из рваного камня на глиняном растворе; закладка в углы зданий крупных каменных блоков; незначительная по мощности глиняная подушка под восточным пилоном; кладка пилонов в «панцирной облицовочной» технике.

Другой тип культовых построек, мавзолеи и мазары, сооружаемые над могилами духовных деятелей ислама и светской аристократии, также являлись неотъемлемым элементом городского ландшафта. Культ могил и святых, популярный в исламской среде, определил строительство ряда мавзолеев в черте города, вблизи мечетей (Водянское городище). В настоящее время на территории Нижнего Поволжья исследовано порядка 20 мемориальных сооружений.

Выделяются следующие категории мемориальных сооружений (рис. 21).

I. Однокамерные подквадратные в плане мавзолеи.

1. Мавзолеи без выраженной архитектоники фасадной части, образующие центрическую композицию здания (рис. 21, *1*). Например, мавзолеи № 1 и 2 на Водянском городище, тюрбе № 14 на Мечетном городище (Егоров, 1980, с. 74–78; Баллод, 1923, с. 23–24). Наземные мавзолеи этого типа, судя по отсутствию портала и других конструктивных деталей, подквадратному плану стен, относятся к мавзолеям центрического типа. Как архитектурный тип мавзолеи были широко распространены на Востоке на протяжении всего средневекового периода. Вход в усыпальницу устраивался, очевидно, непосредственно в стене и представлял собой, скорее всего, стрельчатую арку, вписанную в П-образную рамку фасада здания.

2. Мавзолеи с выдвинутым вперед порталом типа айвана, образованного удлиненными пилонами, расположенными по бокам входа (рис. 21, *2*). Например, мавзолей № 4 на раскопе VIII-77 Селитренного городища.

С точки зрения архитектурного стиля данный тип мавзолеев относится к портально-купольным усыпальницам, где портал представлял собой сильно выдвинутый, но невысокий айван. Об этом свидетельствует небольшая ширина пилонов – до 0,75 см. В данном случае высота айвана не должна была превышать уровень основания барабана или купола. Данный тип соответствует второй группе мавзолеев по классификации Г.А. Федорова-Давыдова, происхождение которых, по его

мнению, следует связывать с Волжской Болгарией (Федоров-Давыдов, 1994, с. 72). Этот вопрос решается не столь однозначно. Позиция Г.А. Федорова-Давыдова основывалась на сходстве планов нижневолжских мавзолеев данного типа, которые датируются второй половиной XIV в. с памятниками в Болгарах («Церковь св. Николая», «Монастырский погреб»), датируемых началом XIV века. Однако план мавзолея № 4 на Селитренном городище сходен с планом термезской усыпальницы Ходжа-Рушнаи XI в., а также с планами хорасанских усыпальниц Средней Азии: Парау-ата (XI–XII вв.), Чугундор-баба (XI–XII вв.), мавзолей № 3 в урочище Гек-гумбез (XIII–XIV вв.) (Пугаченкова, 1958, с. 299–300, 301–303, 375–378; Нильсен, 1962, с. 102–105). Генезис данного типа золотоордынских мавзолеев, возможно, был связан с культурным влиянием из Средней Азии.

3. Мавзолеи с резко выраженным монументальным входным пештаком (рис. 21, *3*, *4*). К подобному типу мавзолеев относится, к примеру, мавзолей 1984–1985 гг. раскопок в Бахтияровке (Ким, 1993, с. 172, 174). Данный тип построек отличает кубический объем, подчеркнуто развитый пештак, доминирующий над основным объемом здания, о чем свидетельствует толщина пилонов, значительно превышающая толщину стен. Пилоны нижневолжских мавзолеев, судя по находкам скругленных кирпичей, остатков пилястр, были фланкированы колоннами, возможно, трехчетвертными. В зависимости от характера перекрытия, данный тип мог соответствовать в архитектурном отношении портально-купольным или портально-шатровым мавзолеям, с монументальным пештаком. Строительство усыпальниц данного типа на Нижней Волге связано с влиянием среднеазиатских архитектурных школ. На это указывает наличие колонн, фланкирующих углы пилонов, крестообразный план внутреннего пространства в некоторых мавзолеях. Подобная распланировка, образованная неглубокими стрельчатыми нишами, характерна для мавзолеев центрического плана хорезмийской группы и хорасано-дехистанских мавзолеев (Асанов, 1971, с. 12–15, 22–23; Пугаченкова, 1958, с. 169, 175, 270, 276, 281, 302,

318, 371). Сама же композиционная идея монументального пештака появляется в конце XIII–XIV вв. и на территориях, находившихся под властью монгольских ханов – Средней Азии, Северном Кавказе, Нижней Волге. Распространение подобного архитектурного решения фасада здания усыпальниц, очевидно, следует связывать с имперским характером культуры, создаваемой монгольскими правителями и ориентированной на монументальность, декоративность. Особенно отчетливо эта тенденция улавливается с периода правления Тимура в Средней Азии, где размеры сооружений приобретают гипертрофированный характер (Бородина, 1974, с. 127).

II. Двухкамерные прямоугольные в плане мавзолеи, с продольно-осевой анфиладной композицией здания. В отличие от группы портально-купольных (шатровых) усыпальниц данные типы характеризует наличие дополнительного архитектурного объема-камеры – зийарат-ханы – специального помещения для совершения поминальных молитв, располагавшегося перед собственно усыпальницей (гур-хана).

1. Мавзолеи, вход в которые ограничен монументальным порталом типа пештак (рис. 21, *5*), фланкированного трехчетвертными колоннами (мавзолей № 3 на Водянском городище) (Егоров, 1980, с. 80–84). К данному типу построек можно отнести и Увекский мавзолей раскопок 1913 года. Однако планиграфия его была усложнена наличием двух противоположно расположенных входов на продольной оси, которые обрамляли мощные пештаки (Кротков, 1915).

2. Мавзолеи без архитектурно выраженного объема входной части, фланкированные по углам фасада здания башнеобразными выступами (рис. 21, *6*). К данному типу может быть отнесен мавзолей на селище Бутырки (Шнайдштейн, 1990).

Генезис двухкамерных мавзолеев рассматривался В.Л. Егоровым. Его позиция выражена в нескольких тезисах: портально-купольные мавзолеи с двумя помещениями, расположенными на продольной оси, представляют собой следующую ступень развития однокамерных портально-купольных мавзолеев; мавзолеи

подобной планировки неизвестны в Средней Азии и Иране; они зародились и развивались на территории Золотой Орды; аналогичные мавзолеи, известные по материалам Кавказа и Мохши, относятся к ранним этапам развития планировки этого вида, представляются примитивными и неразвитыми; мавзолей № 3 на Водянском городище (50–60-е гг. XIV в.) является конечным этапом эволюции этого вида (Егоров, 1980, с. 88).

Здесь следует обратить внимание на ряд фактов. Во-первых, двухкамерная продольно-осевая анфиладная планировка мемориальных построек, состоящих из гур-ханы и зийарат-ханы, специфична не только для золотоордынской территории. Данная планировочная композиция весьма характерна для Средней Азии, где она получила свое развитие в XI–XIV веках. В других регионах Среднего Востока в течение X–XV вв. она не была принята (Бородина, 1974, с. 126–127). Но архитектурный объем зийарат-хан Средней Азии XIII–XIV вв. отличен от золотоордынских поминальных помещений. Золотоордынские зийарат-ханы прямоугольны в плане, по размерам много меньше размеров собственно усыпальниц, и судя по толщине стен, в высоту не превышали вертикаль гур-ханы. Среднеазиатские зийарат-ханы, как правило, имеют более сложную внутреннюю планировку, значительно превышая и по высоте и по размерам объем усыпальницы (Немцева, 1981, рис. 129; Бородина, 1974, с. 119, рис. 5; Пугаченкова, 1958, с. 379; ВИА, 1969, с. 263, 264, рис. 6). В среднеазиатском материале известна одна зийарат-хана, подобная золотоордынской – в усыпальнице Ходжа-Иса XI в. в Тохаристане. Это одна из самых ранних среднеазиатских построек со специальным помещением для поминальных молитв (Бородина, 1974, с. 118). Мавзолеи Мохши № 4 и 5 и ессентукийский мавзолей № 3, якобы относящиеся к ранним этапам эволюции усыпальниц, датируются в широком диапазоне XIV веком. Ессентукийский мавзолей с башнеобразными выступами на углах и аналогичный мавзолей на селище Бутырки в архитектурно-декоративном и конструктивном отношении отнюдь не примитивнее мавзолея № 3 на Водянском городище. Их неразвитость заключается лишь в ином оформлении фа-

садной части. Очевидно и то, что мавзолей на Водянском городище представляет собой не конечный этап в развитии данного вида усыпальниц. Увекский мавзолей и мохшинская усыпальница № 1 имеют более сложную планировочную композицию, нежели мавзолей № 3 на Водянском городище. Причем увекский мавзолей датируется временем более ранним (первая половина XIV), нежели мавзолей на Водянском городище.

Происхождение принципа продольно-осевой анфиладной двухкамерной композиции мавзолеев с монументальным пештаком или без него следует связывать с культом поминовения, привнесенным из Средней Азии, где он был развит особенно сильно уже в XI веке. На территории Золотой Орды данный композиционный принцип развивался, очевидно, самостоятельно, о чем свидетельствует иной, более примитивный план зийарат-ханы, отсутствие в некоторых усыпальницах портальной части.

Известны также подземные надмогильные сооружения, впущенные в грунт.

1. Квадратные в плане сооружения, ориентированные по сторонам света (рис. 21, *7*). Переход от четверика к своду осуществлялся через угловые ступенчато-консольные паруса (рис. 16, *12*). Вход расположен с восточной стороны в виде коридорообразной траншеи со ступенями. К данному типу относятся сооружение у х. Шляховской, погребальные комплексы № 9, 10, 14 могильника № 3 из раскопок 1991 г. на Комсомольском селище (Круглов, Клепиков, 1993, с. 145–149).

2. Сооружения с восьмигранным в плане основанием, ориентированным по сторонам света (рис. 21, *8*). Ориентировка сооружения из раскопа VIII-69 Селитренного городища смещена к юго-западу. Переход к своду осуществлен посредством угловых стенок восьмерика в виде ступенчато-консольного паруса (рис. 16, *13*). Входной проем расположен в южной части постройки в виде короткого тоннелеобразного проема (сооружения Селитренного городища: одно – на раскопе VIII-69, другое – выявленное в процессе разведок В.А. Филипченко в 1952 г.).

Склеповые комплексы датируются серединой XIV – началом XV века. Традиция их возведения широко известна в средневековых культурах Средней Азии, Кавказа, Крыма. Судя по строительному материалу (квадратный обожженный кирпич), конструктивным приемам (свод, переход к которому осуществлялся через ступенчато-консольные паруса, стрельчатые арки), склеповые комплексы Нижнего Поволжья наиболее близки среднеазиатским. Однако специфичность нижневолжских склепов заключается в том, что над ними не возводилось никаких архитектурных сооружений и они, таким образом, представляли собой самостоятельную группу мемориальных построек.

Одиночные и организованные в группы мавзолеи строились и вне города, как правило, недалеко от него, и располагались в точках, которые хорошо просматривались из города – на террасах, возвышенностях, сыртах (Селитренное, Царевское, Мечетное, Водянское городища). Часто организация мавзолеев представляла собой законченную ансамблевую застройку, где группа мавзолеев располагалась в один ряд.

Необходимо признать, что архитектурно-планировочная композиция золотоордынского города представляла собой своеобразный феномен. Структурная организация городского пространства сложилась под влиянием кочевых традиций пришлого центральноазиатского и местного домонгольского населения, а также оседлых культур среднеазиатского региона, при доминирующей роли исламских архитектурных форм, распространение которых шло из Средней Азии, Волжской Болгарии, Закавказья, и интегрирования в городскую среду различных этноконфессиональных групп (русских, армян, выходцев из Малой и Средней Азии).

Вопросы

1. В чем особенность фортификационной системы золотоордынских городов?

2. Какие пути организации регулярной городской застройки можно выявить для золотоордынских городов Нижнего Поволжья?

3. Какую роль играла уличная планировка городов, помимо организации кварталов?

4. Какие особенности можно выявить в организации застройки окраин городов?

5. Какие сходства и отличия можно выявить при сопоставлении застройки золотоордынского города с монгольской или среднеазиатской моделью?

6. Какие материалы использовались в архитектурных конструкциях Золотой Орды? Какие традиции в строительном ремесле выявляются на материалах нижневолжских городов?

7. Какие категории жилищ существовали в золотоордынских городах? Можно ли предполагать социальный статус их владельцев?

8. Расскажите об особенностях архитектуры общественных сооружений в городах.

kekfest.ru

ГЛАВА IX

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛИ В НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

1. Керамический комплекс

А. Неполивная керамика

Керамический комплекс золотоордынских городов Нижнего Поволжья включает в себя керамику парадную поливную (глазурованную), бытовую неполивную, которая подразделяется на красноглиняную, серо- и белоглиняную.

Самой массовой находкой и самой массовой продукцией золотоордынских городов Нижнего Поволжья является красноглиняная неполивная керамика (рис. 32, 33, 34). Это бытовая посуда, и решение проблемы ее происхождения дает ключ к пониманию происхождения феномена золотоордынской городской культуры в целом.

Изделия кирпично-красного цвета, керамическое тесто включает в себя небольшое количество примесей, преимущественно мелкого песка, известняка, реже шамота и более крупного песка. Тесто сосудов для хранения пищевых запасов содержит растительные добавки, что создает пористость. Все сосуды изготовлены на гончарном круге с использованием спирального налепа и последующего вытягивания, формуются как с донной части, так и с корпуса. Широкое разнообразие приемов формовки свидетельствует об этнической пестроте ремесленных традиций.

Орнамент расположен зонами, преимущественно в верхней части сосудов. Мотивы его самые простые и незатейливые: линейный, волнистый, зубчатый, налепной валик, палочковые и ногтевые вдавления в различных комбинациях. Некоторые сочетания орнаментальных мотивов несут на себе печать определенной ремесленной традиции: налепной валик в сочетании с пальцевыми или ногтевыми вдавлениями на крупных тарных сосудах, встречается на Хорезмийских изделиях, а орнамент из параллельных рядов горизонтальных прочерченных линий встречается в домонгольской керамике Болгара. Редко в красноглиняной керамике применялся орнамент, оттиснутый при помощи штампа. Использование таких украшений сосудов, как ангоб и лощение, а также прием полосчатого лощения некоторые исследователи связывают с позднеаланским и болгарским влиянием (Михальченко, 1973, с. 121). Одновременно, в XIV в., эти же орнаментальные мотивы и украшения появляются не только на других, неповолжских городищах Золотой Орды, но и в городах Хорезма (Михальченко, 1973, с. 122), что подтверждает мощнейшее хорезмийское влияние на формирование городской культуры Золотой Орды. Систематизации неполивной керамики (Михальченко, 1973; Федоров-Давыдов, 2001) произведены по функциональному признаку и далее по особенностям формы.

Оба исследователя выделяют котлы (рис. 32, *1*) – кухонные сосуды с толстыми стенками и 1–2 парами ручек, горшки (рис. 32, *2*, *5*), которые бывают с 4, 2, 1 ручками или без ручек, но не имеют слива. Наличие слива, по Г.А. Федорову-Давыдову, уже определяет кувшин. Исследователь указывает на сложность разграничения похожих форм горшков и кувшинов без слива, различая их в целом по пропорциям, где кувшины оказываются более «стройными» (Федоров-Давыдов, 2001, с. 15–16). Кувшины (рис. 32, *3*, *4*) могут иметь размеры от высоких до средних и малых, разнообразные формы, широкое и более узкое горло, могут иметь или не иметь слив. Категория кувшинов с носиком, который примазывался к специально проделанному в сосуде отверстию, близка среднеазиатским афтоба, и кувшины, как и в Хорезме, не имеют налепа на ручке, кото-

рый, по мнению С.Е. Михальченко, являлся рудиментом устройства для открывания крышек металлических сосудов (Михальченко, 1973, с. 126). С.Е. Михальченко в отдельную категорию выделяет «амфоровидные кувшины», по-видимому, тарного назначения, с двумя ручками, прикрепленными к горлу. Г.А. Федоров-Давыдов в своей последней работе называет их амфорами (рис. 3, *1*). Они служили для хранения и перевозки жидкостей, но, в отличие от подобных по форме сосудов из Херсонеса, поволжские не имеют округлого дна. Большое место среди форм красноглиняной неполивной керамики занимают сосуды открытых форм без выраженного горла – миски, чаши, тарелки, тазы, ямы (рис. 32, *6*; 33, *4*; 34, *1–2*). В типологии Г.А. Федорова-Давыдова они отличаются пропорциями и абсолютными размерами, а по сравнению с широкогорлыми горшками у них наибольший диаметр приходится на венчик. Ямы, или, как их называют в Средней Азии, тагора, крупные открытые сосуды для хозяйства и, часто, для строительства. Их находят в гончарных мастерских с остатками извести или ангоба на дне и стенках (Федоров-Давыдов, 2001, с. 112–113).

Крупные сосуды для хранения жидких и сыпучих веществ – хумы и хумчи (рис. 33, *5–7*) отличались наличием у хумчей ручек. Хумы, орнаментированные в верхней части сосуда, чаще всего были без выраженного горла и с налепным венчиком. Хумчи несколько меньше, имеют ручки, иногда слив. Основное назначение – переноска и хранение жидкостей, поэтому ручки могли прикрепляться к тулову и вблизи горла сосуда, в месте наибольшего его расширения и ниже. Крышки (рис. 34, *6*) подразделялись на те, что использовались для специальных печей для выпечки лепешек – тандыров, а также на крышки для хумов и хумчей, кувшинов. Аналогии всем вариантам встречены в домонгольском Хорезме (Михальченко, 1973, с. 130).

Довольно распространенная категория изделий – сунаки или туваки (рис. 33, *3*) – стакановидные сосуды с широким отогнутым под прямым углом венчиком, служившие в качестве детских горшочков. Иногда они покрывались изнутри бирюзовой или зеленой поливой.

Копилки (рис. 34, *7*) – закрытые грушевидные сосуды с плоским дном и прорезью в верхней части. Светильники изготовлялись двух видов: в виде чашечки с округлым туловом, ручкой и носиком для фитиля в виде слива и в виде колесовидной фигуры с двумя каналами и отверстиями для втулок фитилей. Существовали светильники со сливом, но с подсвечником в центре чаши, небольшие мисочки-подсвечники с втулкой для свечей. Изготовлялись приспособления для переноса и установки ламп (Федоров-Давыдов, 2001, с. 162–180).

Специальные сосуды для водоподъемных колес – чигирей в Средней Азии носили название дигирей (рис. 33, *2*). Они имели амфоровидную ножку, за которую привязывались к колесам. Такая водоподъемная система встречается по всему Ближнему Востоку. Но по форме сосуды золотоордынского Поволжья более всего напоминают хорезмийские домонгольские (Михальченко, 1973, с. 129).

Кроме перечисленного, к отдельным формам неполивной красноглиняной керамики следует отнести встречающиеся на городищах свистульки, сунаки, игрушки в виде маленьких сосудов, фигурки всадника, коня, птичек (рис. 34, *4*), баранов, а также фрагменты черепичного покрытия крыш китайского типа (дисковидные), керамические трубы от кубурной водопроводной системы, конусы, грузики, пробки, шары с отверстиями и другие предметы.

На ручках некоторых сосудов можно встретить прочерченные знаки – тамги, нанесенные на сосуд после обжига. Исследователи склонны считать их знаками, поставленными торговцами или сборщиками торговых податей. Оттиски клейма-штампа с арабскими буквами, нанесенного перед обжигом, как правило, в нижнюю часть ручки, оставлены мастерами-изготовителями. Но они, к сожалению, почти не проливают свет на происхождение гончарных традиций, за исключением случая с гончаром-армянином (Крамаровский, 1978, с. 102–104).

О происхождении комплекса нижневолжской золотоордынской неполивной керамики существует несколько точек зрения. А.Ю. Яку-

бовский связывал ее происхождение с домонгольской керамикой Нижнего Дона и Северного Кавказа, А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов в работе 1959 г. – с керамикой алан и болгар. С.Е. Михальченко, разбирая каждую категорию изделий, показывает синкретизм золотоордынской городской культуры, указывая на наибольшее влияние алано-болгарского гончарного производства, керамических комплексов Саркела – Белой Вежи, среднеазиатских центров, в особенности Хорезма, а также Монголии, связывая с последней происхождение чаш «каракорумского» типа (Михальченко, 1973, с. 131). Г.А. Федоров-Давыдов в работе 2001 г. совершенно отвергает две первые точки зрения, считая, что в Восточной Европе предмонгольского времени пока нет возможности выявить керамический комплекс, давший начало нижневолжскому золотоордынскому. Наибольшее число форм имеет аналогии в домонгольских и синхронных слоях городов Средней Азии, некоторые в городах Азербайджана, Волжской Булгарии, а также Ирана, Монголии (Федоров-Давыдов, 2001, с. 200–201). Амфоры исследователь считает привозными из Причерноморья. А в целом весь керамический комплекс нижневолжских городов сходен с комплексом золотоордынского города Азака, расположенного в устье Дона, связанного со столичной территорией торговыми путями.

Обзор неполивной керамики нижневолжских городов будет неполным без упоминания белоглиняной и сероглиняной керамики. Она практически всегда украшена штампованным орнаментом. Основные формы – кувшины и фляги-водолеи, хотя встречаются и сфероконусы и специальные цилиндрической формы аптечные сосуды типа «альбарелло». Такие изделия изготавливались в специальных формах – калыпах, по частям, которые потом соединялись. Как по форме, так и по орнаментальным композициям штампованная керамика имеет аналогии в Средней Азии. Изображались геометрические фигуры – овалы и ромбы, плетенка и зигзаг, а также растительный орнамент и эпиграфический, состоящий из арабского слова «успех». Встречаются зооморфные изображения – птицы, летящие птицы, зайцы (Федоров-Давыдов, 1994, с. 146–147). Как и на среднеазиатских формах, на некоторых со-

судах встречается полива. Ею выделяются некоторые элементы орнамента, включая эпиграфический.

В керамическом комплексе Золотой Орды особое место занимают толстостенные сосуды с общим названием сфероконусы, предназначенные, по мнению большинства исследователей, для перевозки и хранения ртути и подобных ей очень едких веществ. На нижневолжских городищах обнаружено два основных варианта, отличающихся по цвету черепка: один – кирпично-красного цвета с различными оттенками, другой – серого с зеленоватым отливом цвета, гораздо более высокого качества. Последние сосуды богато орнаментированы. Они изготавливались в каменных формах, остатки которых найдены и на Поволжских городищах. Сероглиняные сосуды, скорее всего, были привозными (Михальченко, 1973, с. 47–48, Федоров-Давыдов, 2001, 141–142).

Б. Поливная (глазурованная) керамика

Поливная или глазурованная керамика – очень яркое и характерное явление, отразившее вкусы жителей нижневолжских городов Золотой Орды (рис. 35). Ее производство можно в полной мере назвать не столько ремеслом, сколько искусством – настолько высокохудожественными выглядят эти изделия. На особенности формы и орнаментации сосудов, технологию изготовления повлияли три мощных течения: первое – мусульманское ремесленное искусство Ирана и Средней Азии, второе – причерноморский культурный круг Византии и городов Северного Причерноморья, Восточного Закавказья, третье – утонченное и высокотехнологичное ремесло стран Дальнего Востока.

Классификации нижневолжской поливной керамики принадлежат перу крупнейших специалистов в этой области – Н.М. Булатову и Г.А. Федорову-Давыдову. В основу этих классификаций положен состав теста, выделяются две основные группы керамики – красноглиняная поливная и кашинная. Для дальнейшей типологизации используются такие признаки, как поливы: их прозрачность, цвет, способы нанесения рисунка и цветовая гамма над и под поливой. Керамика кашинная делится на керамику с подглазурной и надглазурной росписью. В последнюю очередь в силу

вступает форма, то есть назначение предмета. Таким образом, эта классификация преимущественно технологическая.

Основные формы сосудов: чаши с кольцевыми поддонами, которых почти нет среди форм красноглиняной неполивной керамики; тарелки; горшковидные сосуды без ручек и с ручками, снабженные коническим носиком и рифленой поверхностью, ажурными налепами; одноручные кувшины без носика и с носиком, сосуды цилиндрической формы, так называемые альбарелло, бутылки с ручкой и без ручки, светильники с цилиндрическим туловом, носиком для фитиля и ручкой; фляги с двумя ручками; миниатюрные сосуды и чернильницы.

Кашинная керамика появляется в XII в. в Средней Азии. Ее специфика состоит в особой высококремнистой основе теста – кашина и специального ангоба, что позволяло производить качественный обжиг при температуре, необходимой для новых прозрачных щелочных глазурей. Новые технологии производства глазури были более дешевыми. Кроме того, они увеличивали твердость глазури по сравнению с прежними свинцовыми поливами. Слово «кашин» произошло от имени иранского города Кашан, где в XII в. изготавливались чем-то похожие фаянсовые и полуфаянсовые сосуды, предназначенные для люстровой росписи. Кашинные же сосуды со своей белой основой и бесцветными прозрачными глазурями служили отличным фоном для богатой и пестрой росписи среднеазиатской керамики, что обусловило их широкую популярность и в центральных городах Золотой Орды (Булатов, 1968, с. 97–98).

Орнаментация керамики и способы нанесения орнамента (приводится по работе: Федоров-Давыдов, 1994, с. 78–123).

Кашинная керамика с подглазурной полихромной росписью с рельефом и без рельефа. На белый или светло-бирюзовый фон рельефного черепка наносится орнамент, который очерчивает рельеф. Орнамент может быть темно-зеленого, темно-коричневого, темно-синего цвета. Он перемежается синими точками и бирюзовыми пятнами. Снаружи чаши покрыты орнаментом из арок или медальонов. Внутри чаши орнаменты из располо-

женных радиально от центра или по кольцу глазков («павлиний глаз»), а в центре круга может располагаться цветок, шестиконечная звезда, водоплавающие птицы, крылатый кентавр. Иногда в кольцевой зоне встречается эпиграфический мотив, стилизованный или реальный, с арабским словом «успех» в основе композиции. Кашинная керамика Золотой Орды, состав изделий, орнаментальные мотивы сформировались, несомненно, под наибольшим влиянием домонгольской Средней Азии, преимущественно Хорезма.

Кашинная керамика с подглазурной черной росписью и бирюзовой поливой. Здесь использовано всего два цвета – черный и бирюзовый, но сюжеты сходны с предыдущей группой: есть и растительный, и геометрический, и эпиграфический орнамент. Из зооморфных мотивов здесь – заяц, птицы среди побегов, но нет водоплавающих птиц. Кроме эпиграфического орнамента «успех», здесь встречается еще «узел счастья». С такой орнаментацией и поливой кроме чаш часто встречаются сосуды других форм: горшки, альбарелло, чернильницы. Черная роспись под бирюзовой поливой известна в Иране с XII в., а в XIII–XIV вв. по всему мусульманскому миру.

Так называемая «тимуридская» керамика. По белому фону темно-синий орнамент, выполненный кобальтовой краской под прозрачной глазурью. Кроме растительных рисунков, – летящая птица, фазан, цапля. На Царевском городище при раскопках А.В. Терещенко найден эпиграфический бордюр с персидскими стихами, выполненный в этой технике. Здесь, несомненно, китайское влияние, хотя в монгольское время эту технику перенимают иранские мастера и снабжают свои изделия арабской эпиграфикой.

Китайское влияние прослеживается явно и в сосудах, подражающих особому сорту дальневосточного фарфора – селадону. Золотоордынские мастера делали рельефный сосуд из кашина, но покрывали глазурью светло-салатного цвета, получая псевдоселадон.

Кашинная керамика с наглазурной росписью. Многоцветная роспись по белому фону с использованием позолоты. Это подражание иранской керамике типа «минаи». Изображаются ра-

стительные побеги, геометрические узоры, узлы счастья и т. п., включая эпиграфику. Другая группа, выполненная в той же технике, – красно-бело-золотая керамика по бирюзовой поливе.

В отличие от кашинной, возникшей незадолго до монгольского нашествия и неожиданно быстро исчезнувшей через 2 столетия, **красноглиняная поливная керамика** имела многовековые традиции производства. Это затрудняет выявление той традиции, под влиянием которой сложился золотоордынский керамический комплекс. Цвет черепка красный, со спектром оттенков от желтоватых до малиновых. Обжиг хороший, в примесях встречается известковая крошка, песок, шамот, а также мелкодробленое стекло (Булатов, 1976, с. 74). В основу ее классификации Н.М. Булатов положил технологический принцип. Использовались поливы бессвинцовые и свинцовые, которые, в свою очередь, могли быть бесцветными, бирюзовыми, зелеными и желтыми, пятнистыми, есть оранжевая полива. Могла быть использована ангобная подгрунтовка, подглазурная роспись ангобом. Есть удивительные сосуды, где по ангобу делается гравировка, а затем наносится полива и в гравированных местах она приобретает иной цвет, получается красивый орнамент темной полосой. Еще тип керамики, орнаментированной в технике «резерва», когда часть ангоба с поверхности снимается, что дает темный фон для рисунка, образующегося на той части поверхности сосуда, где ангоб сохранен. Эта техника, а также родственная ей техника росписи ангобом придавали сосудам двухцветность и рельефность (Булатов, 1976, с. 89–90). Формы красноглиняной поливной керамики в целом те же, что и кашинной. Орнаменты растительные, растительно-геометрические. В центре чаш гравировкой изображены птицы, лев с радиально расходящимися лучами, заяц так же, рыбы с чешуей и хвостом. Красноглиняный комплекс сформировался, видимо, под влиянием Причерноморских областей, средневековых государств Кавказа и Крыма. Н.М. Булатов выделяет два периода становления поливного красноглиняного керамического комплекса Золотой Орды: период возникновения, когда изделия привезенных мастеров мало отличаются от кавказских и крымских про-

тотипов и более поздний период стабилизации, когда появляются новые орнаментальные мотивы, технологические приемы, способы орнаментации (Булатов, 1976, с. 98–99).

В. Архитектурный декор

Классификация вариантов архитектурного декора (рис. 25), добытого при раскопках золотоордынских городов Поволжья, принадлежит Л.М. Носковой. Многие находки публиковал А.С. Воскресенский. Декор классифицирован по материалу и назначению, далее – по технологии изготовления. Для выявления истоков основных традиций, а также своеобразия золотоордынских изделий анализировались и отдельные элементы изображений и их сочетаний.

Мозаики на кашине. Отдельно вырезались элементы панно из кашина и покрывались с лицевой стороны поливой необходимого цвета. Дополнялись иногда золотой фольгой, в чем состоит своеобразие золотоордынского кашинного мозаичного декора. Цвета традиционны: ультрафиолет, белый, голубой, желтый. Такие панно часто были круглой формы и украшали интерьеры или составляли выкладку над тошнау. В орнаментике мозаик представлены растительные композиции: ветвь с бутонами, листьями, цветами. Для бордюров использовались геометрические и эпиграфические орнаменты почерками «насх» и «процветший куфи».

Майолики на кашине (очень редко на красной глине). Их позднейшее название в русской культуре – изразцы. Прямоугольные поливные плитки с подглазурной и надглазурной росписью или рельефом. Они как-то обозначались или нумеровались на обратной стороне для создания единой композиции. На плитках с подглазурной росписью изображались хризантемы, лотосы, цветы на изогнутых стеблях. Есть растительная орнаментация и на майоликовых бордюрах, а также эпиграфическая. Реже встречаются плитки с надглазурной росписью.

«Ложные мозаики» на красной глине. Рисунок имел прорезную линию, разделявшую цветовые поля разных цветов, что создавало эффект мозаики.

Поливные красноглиняные или кашинные кирпичики, а также поливные красноглиняные плитки. Плитка или одна из сторон кирпичика покрывалась одноцветной поливой. Они укладывались на раствор большими орнаментальными панно. Плитками выкладывали полы и стены.

Резные и штампованные терракотовые плитки из красно-желтой плотной глины. Покрывались непрозрачной поливой и служили для украшения разнообразных плоскостей.

Резной и штампованный ганч (особый состав алебастра бело-серого цвета) использовался для наружного и внутреннего украшения стен ажурными решетками, в том числе для оконных проемов со стеклянными вставками.

Каменные плиты с резным орнаментом.

Расписная штукатурка (ал-штукке) – по сухой штукатурке наносился рисунок черной, красной и коричневой красками, изредка добавлялась желтая, синяя, зеленая, позолота и рельеф (Федоров-Давыдов, 1994, с. 147–167).

Большинство изделий, кроме каменных плит и штукатурки, можно отнести к различным группам архитектурной керамики. Технология их изготовления почти аналогична керамической – исследован ряд мастерских, которые изготавливали оба вида изделий – конкретный вид бытовой и архитектурной керамики. Господствующий орнаментальный стиль при этом сохраняется, хотя в декоративном оформлении могут встретиться и сюжеты, не схожие с изображениями на посуде. На кашинную, реже красноглиняную основу наносили прозрачную (глазурь) или глухую (эмаль) поливу. В Золотой Орде характерно редкое применение свинцовых глазурей, менее устойчивых к атмосферным воздействиям (Носкова, 1976, с. 24).

Сложение золотоордынского архитектурного и орнаментального стиля происходило в условиях активного проникновения ислама в Нижнее Поволжье, в основном во второй трети XIV в. под сильным влиянием областей Средней Азии, Закавказья, Ирана. Прямых аналогий золотоордынским мозаикам Л.М. Носкова не находит, так как элементы рисунков в Орде представлены в дру-

гих сочетаниях. Некоторые аналогии находятся в Хорасане и в Средней Азии, но более позднего времени – конца XIV и XV веков. Для них характерно применение ультрамаринового, бирюзового, белого, желтого и красного цветов. В отличие от аналогичных иранских и закавказских изделий здесь изобилует красный цвет, как в хорезмийской традиции, так же как ультрамариновый фон с белыми буквами. В золотоордынском декоре обильно применялась позолота, что несвойственно среднеазиатским и иранским центрам производства подобных изделий. Исследователи усматривают в этом явлении влияние византийского орнаментального стиля (Носкова, 1976, с. 26). В майоликах орнамент значительно разнообразнее мозаичного. Особый интерес представляет мотив цветка лотоса, который не встречается на домонгольских изделиях Средней Азии и, возможно, был заимствован в дальневосточном искусстве в монгольскую эпоху. Майолики с надглазурной росписью соответствуют аналогичной технике в бытовой керамике и подражают иранской технике «минаи». Особый интерес вызывает находка такой плитки с изображением человека с выраженными монголоидными чертами лица и в шлеме, хотя багдадский миниатюрный стиль диктовал изображения в чалме или в монгольской шапке. Становится ясно, что керамисты золотоордынских городов прекрасно владели всеми технологиями, в том числе «минаи», но выработали собственный стиль и манеру (Носкова, 1976, с. 27).

Г. Гончарные мастерские

Мастерские располагались в зоне городской застройки или вблизи нее. Археологическими исследованиями зафиксирован целый ряд мастерских по производству различных видов керамической продукции. Выявляется целый ряд разнообразных форм организации ремесленного труда. Существовали индивидуальные мастерские с узкой специализацией и одним горном для обжига. Мастерская, обнаруженная на Царевском городище, располагалась в «плебейском» районе города, производила кашинные плитки для мозаики и глиняные игрушки – фигурки живот-

ных, а в последний год существования – красноглиняные кирпичи низкого качества. Индивидуальная мастерская Водянского городища (р. II – 1973 г.) производила только неполивную керамику – кувшины и миски.

Другой вариант функционирования мастерской – усадебные. Такая мастерская обнаружена в аристократическом пригороде Царевского городища. Кроме нее в соседних усадьбах действовали ювелирная и косторезные мастерские. В керамической было два горна, специализировалась она на двух видах продукции – поливная красноглиняная и штампованная белоглиняная керамика (Гусева, 1974, с. 133–139).

Большая мастерская с разделением труда – третий вид организации ремесла в золотоордынских городах, обнаружена на Селитренном городище (р. II). Она тоже находилась внутри богатой усадьбы, на краю большого водоема, но была больше и имела широкую специализацию, выпуская кашинную бытовую и архитектурную керамику, а также неполивную. Во второй период ее существования, видимо, пришла в упадок усадьба, но зато разрослась мастерская, выйдя за ее границы, строятся новые горны других видов и единое для всей мастерской подсобное помещение, выпускаются все виды поливной и неполивной керамической продукции. Г.А. Федоров-Давыдов и Н.М. Булатов предложили сопоставить устройство подобных мастерских с мастерскими, функционировавшими в Иране монгольского времени (кархана), своеобразными рабскими мануфактурами с разделением операций между разными работниками. Классификацию горнов также составили указанные выше авторы (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989, с. 225–230). Они могли быть одно- и двухярусными, иметь разнообразную форму и систему топки, в зависимости от уровня мастерской и ассортимента продукции, для каждого из которых существовал особый печной припас, который поддерживал изделие в камере печи. Своеобразие организации гончарного ремесла состоит в том, что в золотоордынских городах почти нет сплошной жилой застройки, соответственно, и нет горнов, совмещенных с жилищами керамистов, что характерно для Средней Азии.

2. Металлообрабатывающие производства

А. Черная металлургия

Из археологических раскопок известно довольно большое количество находок изделий из черного металла (рис. 27), небольшие «караваи» кричного железа, в виде которых доставлялось сырье для производства, часто встречается железный шлак. Однако собственно железоделательное производство в нижневолжских городах Золотой Орды практически не изучено. Нет данных о местах добычи железных руд, способах обработки железа, мастерских по изготовлению изделий. Есть свидетельства о находке горна с 49 соплами во время раскопок А.В. Терещенко в середине XIX века (Федоров-Давыдов, 1994, с. 180–183). К западу от Царевского городища при раскопках погребального сооружения № 4 могильника Маляевка VI за пределами оградки из сырцового кирпича обнаружен комплекс металлических, преимущественно железных предметов, характеризующих набор инструментов металлурга-литейщика и кузнеца. В составе комплекса есть толстостенная круглодонная чаша (тигль?), расслоившиеся остатки наковальни и молота, железный черпак в виде массивной ложки с длинной ручкой, лом-пробой, железные пружинные щипцы в виде огромного пинцета, фрагменты массивных железных ножниц для резки металла, массивные и поменьше шарнирные клещи, две массивные ручки с продетой в одну из них цепью для подвешивания массивного сосуда (Мыськов, 2003, с. 220–222). Ассортимент изделий из черного металла с городищ очень велик. Изготавливали топоры, долота, тесла, серпы, лопаты, мотыги, шарнирные и пружинные ножницы, ножи, рыболовные крючки, пилы, наковальни, инструменты. Есть кованые гвозди округлые и четырехгранные в сечении, скобы, дужки, петли, звенья цепей, пряжки, калачевидные и прямоугольные кресала с прорезью, а также высококачественные с тремя петлями для пальцев. Много цилиндрических двухцилиндровых замков, но встречаются и одноцилиндровые. На городище и в кочевнических могильниках обнаруживается богатейший ассортимент предметов конской упряжи: стреме-

на, удила, подковы с шипами; предметов вооружения: стрелы, сабли. На городищах Золотой Орды часты находки фрагментов изделий из чугуна: котлов и ручек от них. Находки инструментов и изделий свидетельствуют о высоком уровне развития металлургии и кузнечного дела в золотоордынском городе XIV века (Мыськов, 2003, с. 226).

Б. Цветная металлургия

Изделия из цветных металлов на золотоордынских городищах обнаруживаются довольно часто (рис. 26). Нередко находят и следы производства – формочки для разных вариантов отливки изделий, небольшие тигли и льячки: круглодонные, остродонные с отверстиями в дне для слива расплавленного металла, цилиндрической формы, без отверстия в дне, матрицы для изготовления фигурных блях с рельефными изображениями. Мастерам известны были различные приемы обработки металлов: спайки, чеканки и тиснения в холодном и горячем состоянии, гравировки.

Большинство литейных формочек – каменные. Существовало три основных способа отливки, известных в золотоордынских городах.

1. В открытых формах из белого известняка или черного сланца без литников. В них отливались нашивки или пластины под гравировку, у которых была лишь одна лицевая сторона, собственно и оформлявшаяся в формочке.

2. В разъемных литейных формах, части которых скреплялись штифтами. Внутри формочка имела литники. Такие формы могли предназначаться для одной или нескольких вещей одновременно. На Водянском городище обнаружена формочка для нескольких перстней сразу и тут же для отливки подвески и круглого медальона. Иногда существует не один, а два и более литейных рукавов для более аккуратного заполнения металлом всей поверхности.

3. Еще способ литья «на выплеск», часто орнамент подражает зерни или скани. Две формочки для одинаковых подвесок обнаружены на Царевском и Селитренном городищах.

Металл заливался через основной литник, распределялся по рукавам и через симметричный первому выводился наружу. Лишний металл у готового изделия отпиливался. Есть форма из Увека для литья серьги в подражание древнерусской XIII века. Эта техника «на выплеск» хорошо известна из материалов Древней Руси. Сами изделия (подвески с крестом и серьга) да и технология говорят, возможно, о русских истоках цветнолитейного ремесла нижневолжских золотоордынских городов (Крымина, 1977).

Известны и глиняные литейные формы из материалов Селитренного городища. Они изготавливались оттискиванием готового изделия в мягкой глине и поправкой резцом. Затем глина обжигалась. Возможно и вырезание по сухой необожженной глине. Изготавливались глиняные двусторонние формочки по восковой модели. Так изготавливались бубенчики сразу с погремком внутри них, аналогии которым известны из древнерусских материалов. В Увеке и Болгарах найдены бронзовые обоймы для зажима пары формочек при литье.

Бронзовые и биллоновые зеркала изготавливались двумя основными способами: либо в односторонних каменных формах, либо по глиняной оттиснутой закрытой форме.

Медь и бронза покупались в виде слитков – толстых стержней, которые рубились на кусочки. На Царевском и Селитренном городищах есть находки товарных слитков бронзы и свинца. Как вторсырье работали части бронзовых сосудов. А.В. Терещенко обнаружил большую прямоугольную бронзовую плиту, возможно, она была заготовкой под изготовление изделий.

Кроме отливки использовалась техника тиснения. Но есть разные способы тиснения – поскольку есть матрицы прямого и обратного изображения, например форма с Царевского городища с выпуклыми стилизованными буквами – прямая, значит матрицу подкладывали под лист и оттискивали изображение давлением сверху (Федоров-Давыдов, 1994, с. 183–189).

Наиболее распространенные изделия из цветных металлов, производимые в золотоордынских городах, – это украшения.

Известнейшие в Золотой Орде серьги в виде вопросительного знака производились из разнообразных цветных металлов: серебра, золота, биллона, бронзы. Изготавливались браслеты бронзовые и золотые: витые с расплющенными концами, пластинчатые, украшенные штамповкой с львиными головками на концах, среди которых встречаются очень сложные в изготовлении, так как использованы разные штампы. Формочка для литья «львиных» браслетов литых полукруглых в сечении обнаружена А.В. Терещенко на Царевском городище. А золотой литой браслет с львиными мордами на плоских концах и узлом счастья на щитке в середине обнаружен на Селитренном городище. Аналогии встречаются по всей Восточной Европе монгольского времени. М.Г. Крамаровский считает, что истоки их орнаментации малоазийско-иранские, но происхождение самих браслетов золотоордынское. Важно, что Селитренский золотой браслет не носился – не был согнут и зарыт был, видимо, как клад (Булатов, 1983, с. 219–223; Федоров-Давыдов, 1994, с. 193). На городищах обнаружены также кольца и перстни из всех материалов – простые без щитка и вставок, из узких пластинок, из трех-четырехгранных стержней, с сомкнутыми и несомкнутыми концами. Есть и перстни со щитками, которые могут иметь гнездо для вставки. Есть перстни с держателями. Одежда часто украшалась разными цепочками, остатки которых обильны на городищах. Интересны пряжки разных видов, со щитком и без, шпильки с аналогиями в древностях чжурчжэней, пуговки- шарики с петелькой, бубенчики. Цилиндрические полые привески с петлями для хранения бумажных амулетов бывают очень разные и из разных материалов.

Известны некоторые предметы вооружения: булавы, обнаруженные на Царевском городище, бронзовые кольца для натягивания лука, такие же, как и более известные костяные.

Бытовые вещи (рис. 26): колокольчики, замочки в виде фигурок животных – лошадок, барашков с пружинным механизмом. Есть цилиндровые замочки с ключом – петелькой и прорезями в другой части. Известны разнообразные варианты подсвечников. Найден ряд маленьких сосудиков с петлями или скобками для

подвешивания, внутри которых втулка – подвесные светильники. Бронзовые лампы встречены в раскопках А.В. Терещенко. Есть бронзовые кресала и вставка для стального лезвия. Бронзовые щипчики и копоушки, наперстки, которые отдельные исследователи интерпретируют как навершия рукояток ножей. Очень известны заклепки с грибовидной шляпкой, сапожные гвоздики, колпачки, заклепанные по шву. Ложечки из листа и литые. Найдена масса бронзовых орнаментированных пластин с шарнирными петлями – переплеты книг, оковка ларцов и шкатулок. На городищах и в кочевнических некрополях часто встречаются свинцовые и бронзовые грибовидные грузики, для них найдены и формы для отливки, однако назначение их не очень ясно. Есть предположение, что это были грузики для ткацких станков, однако с ним не очень согласовывается попадание их в кочевую среду.

Металлические зеркала (рис. 30, 31) разделяются на множество групп и орнаментированы разнообразными сюжетами. По-видимому, большинство их производилось в городах, известны бракованные экземпляры с Селитренного и Царевского городищ. Это зеркала с высокой тонкой закраиной, четким рельефом, орнаментированные композициями, скопированными с китайских, чжурчжэньских, иранских и среднеазиатских зеркал. Иногда они воспроизводят удивительные сочетания: китайский мотив, изображающий драконов и человечков в молитвенной позе, который обрамляет благожелательная надпись по-арабски. Зеркала без орнамента или с геометризированным орнаментом «кочевнические» продолжали традицию «аланских» зеркал. Они не сложны в изготовлении, отливались по глиняному оттиску, поэтому нет уверенности в их производстве непосредственно в городах. Но часто воспроизводимые на них сюжеты были откликом на композиции с более качественных зеркал. Здесь своеобразно, рельефной линией, воспроизводились рыбы, сфинксы, арабские надписи. И находятся такие зеркала в большинстве своем в кочевнических некрополях близ нижневолжских городов.

На городищах и в некрополях обнаружена серия высокохудожественных сосудов явно не бытового назначения – изделия

торевтики, золотые и серебряные, с гравировкой, с ручками, изображающими дельфинов или голову дракона, часто с кольцом в пасти, исследованные М.Г. Крамаровским. Он доказал их золотоордынское производство, указал на часто встречаемые смешанные мотивы, подражающие то китайским, то переднеазиатским прототипам.

Вне всякого сомнения, производство изделий из цветных металлов было одним из очень распространенных ремесел в золотоордынских городах. Хорошо известны ювелирные мастерские, обнаруженные во II и III усадьбах в восточном пригороде Царевского городища. Плавильные печи мастерских были построены вне сооружений, но одна из них топилась из помещения. Пол печи был выложен из обломков жженого кирпича. На стенках плавильных тиглей обнаружены капли бронзовых сплавов, а также свинца, серебра и золота. В качестве сырья мастера использовали бывшие в употреблении металлические вещи. Найдены стенки бронзовых сосудов, обломанные браслеты, бронзовая оковка сосуда. Обнаружены отходы производства и бракованная продукция златокузнецов: обрезки золотой фольги, проволочка, стружка, опилки золота. Найдены инструменты для взвешивания дорогого сырья и инструментарий для изготовления изделий: плавильные тигли с разнообразной формой дна: остродонные, яйцевидные, плоскодонные, а также железные конусы (возможно, паяльники), ножницы по металлу, молоточек-пунсон и наковаленка. Обнаруженная мастерская изготавливала накладки, перстни простые щитковые и со вставками, медальоны.

3. Стеклоделие, косторезное и камнерезное ремесла

А. Стеклоделие

Это производство изучено преимущественно Н.Н. Бусятской. В своих работах она привела классификацию форм и аналогии этим изделиям, количественное соотношение их на разных городищах, указала на два сорта стекла, один из которых отлича-

ется от другого введением свинца. Для непрозрачности добавлялось олово. Для придания определенного цвета использовались те же соединения, что и для поливной керамики – окислы меди, кобальта, свинца, железа, марганца. Для окон и сосудов использовалось стекло без свинца. Введение свинца при производстве стекла отражает ближневосточную традицию изготовления, бессвинцовые стекла более свойственны среднеазиатским областям (Бусятская, 1976).

Известно множество форм бус и подвесок, как в форме крупных бус, так и иные, в виде птичек, цилиндрические, призматические, а также стеклянные браслеты и перстни. Иногда делали вставки в перстни и другие украшения вместо каменных стеклянные или использовали половинки бус. Бусы имеют очень широкие аналогии в Причерноморье, на Руси, в степи, в Средней Азии и в Центральной Азии. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, это часть интернациональной бижутерии, пригодной во многих областях средневекового мира. Браслеты имеют аналогии в предшествующее время в Причерноморье, Закавказье, на Руси, Средней Азии, Волжской Булгарии. Кроме последней области везде производство браслетов практически заглохло после монголов, но расцвело в нижневолжских городах (Федоров-Давыдов, 1994, с. 174).

Оконное стекло – это плоские круглые диски с загнутым краем и со следом от изготовления в центре (от стеклодувной трубки – понтии). Его вставляли, возможно, в деревянные рамки, но более известны вставки в ганчевые решетки. В них вставляли и целые диски, и кусочки цветного стекла (Бусятская, 1976, с. 54–55). Сосуды, как правило, изготавливались из бесцветного прозрачного стекла плохого качества свободным дутьем или дутьем в форму и орнаментировались стеклянными нитями, точками, валиками того же цвета и слоем другого цвета. Ассортимент таких сосудов весьма разнообразен: миниатюрные сосуды (флаконы) с высоким горлом для хранения, видимо, косметических средств, конические колбы, стаканы, бокалы, чашевидные с ручками и без, туваки для люлек. Все они и по формам и по химическому соста-

ву стекла близки к традициям среднеазиатского стеклоделия (Бусятская, 1976, с. 52). Традиция использования оконного стекла, как бесцветного, так и цветного, существовала в мусульманских странах, особенно в Средней Азии.

Стеклодельная мастерская, исследованная на Селитренном городище в 1967 г., решает вопрос о наличии собственного производства в золотоордынских городах. Были обнаружены завалы ошлакованных кусков сырцовой глины, интерпретированные как остатки нескольких печей, а также ямы, по-видимому, производственного назначения. Ассортимент находок – целые и бракованные изделия, полуфабрикаты и отходы производства, из которого видно, что мастерская специализировалась на производстве украшений, а функционировала недолго, не более 5–7 лет, и датируется по нумизматическим данным 50–60-ми гг. XIV века (Галкин, 1984, с. 213–216). Начальник раскопок мастерской и автор публикации Л.Л. Галкин в дополнение к работе Н.Н. Бусятской приводит многочисленные аналогии изделиям из этой мастерской, преимущественно в материалах из Хорезма и соседних областей Средней Азии (Галкин, 1984, с. 213–216). Спектральный анализ стекол из этой мастерской позволил Н.Н. Бусятской выделить две традиции стеклоделия, свойственные нижневолжскому золотоордынскому производству: одну – ориентированную на Среднюю Азию, вторую, обнаруженную на небольшой группе изделий, где была специально введена окись свинца, автор связала с ближневосточной традицией. То есть здесь мог работать мастер, знакомый с ней (Бусятская, 1976, с. 60). Ю.Л. Щапова, изучая химический состав изделий и отходов этой мастерской, указывает на интересную деталь – высокий класс знаний мастеров о стекловарении сочетается с низкой степенью владения технологией изготовления изделий из стеклянной массы. По-видимому, изготовление этих изделий не являлось специальностью мастера. Можно предположить, что он был специалистом по производству поливной керамики, а происхождение той традиции изготовления стеклянной массы, которую демонстрирует мастерская Селитренного городища, Ю.Л. Щапова связывает с Восточной Средней Азией (Щапова, 1984, с. 223–224).

Б. Косторезное ремесло

Ассортимент изделий косторезного ремесла на городищах Нижней Волги невероятно высок – рукоятки ножей, накладки, навершия для рукояток ножей и затыльники, удлиненные «монгольские» кольца для натягивания лука, костяные охотничьи стрелы, «щипчики» – весы для монет, кольца и перстни (рис. 28). Обнаружены костяные длинные стержни, не совсем ясно, то ли для наматывания ниток, то ли для еды. Часто встречаются игральные кости из бараньих астрагалов, в отверстия которых заливали свинец, круглые фишки (шашки), шахматные фигурки. Из рогов делались рукоятки плетей. Из трубчатых костей мастерились костяные игольницы, обработанные на токарном станке или украшенные пунсонными орнаментами, которые довольно часто встречаются в кочевнических некрополях нижневолжского региона. Не исключено, что изготовление великолепных орнаментированных накладок на колчан также производилось в городах специально для кочевников. Пока известна одна заготовка для таких изделий, обнаруженная на Болгарском городище.

В двух усадьбах Царевского городища обнаружены следы косторезного ремесленного производства – заготовки из кости и рога оленя и других животных, обрезки, полуготовые изделия. Использовался и маленький токарный станок, выпиливание, вырезание ножом. Все изделия тщательно полировались, после чего производилась их орнаментация с помощью гравировки или циркульного резца. Одна из мастерских специализировалась на производстве накладок и точеных наверший, другая – рукоятей ножей, которые часто бывали наборными, так как обнаружены готовые шайбы и заготовки под их изготовление (Гусева, 1974, с. 127–129). Инструментов найдено не было, но технические приемы, по-видимому, были те же, что в Болгарах, где обнаружены инструменты (Закирова, 1988). Производство изделий из кости не требует сложных специальных сооружений, могло производиться и в кочевой степи, потому важны находки мастерских, как свидетельств существования особой отрасли ремесла в золотоордынских городах.

В. Камнерезное ремесло

Помимо архитектурного декора камнерезное ремесло служило двум целям. Во-первых, обрабатывался камень для бытовых нужд. Крупные формы – жернова и точильные камни, мельче – грузики, пряслица и тому подобное. Во-вторых, для ювелирных украшений обрабатывались камни полудрагоценные – горный хрусталь, сердолик, александрит, опал, жемчуг, бирюза, сапфир. На Царевском городище при раскопках ювелирной мастерской в восточном пригороде (упоминалась выше) обнаружена целая коллекция вставок для ювелирных изделий из всех этих камней (Гусева, 1974, с. 130). На Селитренном городище встречено много заготовок под вставки в ювелирные украшения или под изделия из камня. М.Д. Полубояринова отмечает широкий круг материалов: сердолик, горный хрусталь, лазурит, бирюза, аметист, розовый кварц, халцедон, шпинель, голубой кварц, янтарь, перламутр, белемнит, коралл (Полубояринова, 1991, с. 103–104).

Среди законченных изделий есть подвески из сердолика и горного хрусталя, лазурита, нефрита, серпентина, известняка и гагата, янтаря, перстни из сердолика, лазурита, бирюзы. Сердоликовые перстни имеют щиток, на котором надпись «Аллах». Встречены печати из нефрита и сердолика, нефритовые ременные бляхи, а также навершие ферзя из янтаря и пешка из горного хрусталя. Большинство находок происходит с Селитренного городища, где, скорее всего, было развито камнерезное ремесло (Полубояринова, 1991, с. 61–93).

4. Торговля золотоордынских городов Нижнего Поволжья

Золотоордынская держава одной из своих важнейших функций имела функцию торгового посредничества и распоряжения торговлей, получения доходов с этой деятельности. Географическое положение Нижней Волги, которая издревле была перекрестком торговых путей, сделало нижневолжские города очень актив-

ными участниками торговых процессов средневекового Востока. Кроме того, как города столичной зоны, связанные с пребыванием в них и в их окрестностях первых персон государства, они влияли и на европейскую торговлю, как по морям, так и по суше.

Из многочисленных сохранившихся или реконструированных ханских ярлыков, выданных купцам, следует, что ханы покровительствовали торговле и получали процент с торговых оборотов, который оговаривался в этих документах. Именно этот доход с определенного города, квартала хан в качестве особой милости мог уступить конкретному лицу – своим родственникам, аристократам, поощрить удачливого военачальника. Из сообщения Ибн-Батуты известно, что в Сарае имели свои подворья купцы разных стран: асы, кипчаки, черкесы, византийцы, русские, купцы из Ирана и Ирака, Египта и Сирии (Тизенгаузен, 1884, с. 143). Известно также, что жили или надолго задерживались купцы европейские, преимущественно итальянцы, поскольку в их документах содержится информация, что в случае конфликта или невыплаты вовремя долга торговцами-европейцами из факторий Северного Причерноморья задерживались купцы-европейцы, находившиеся в это время в поволжских городах, и конфисковывалось их имущество. Золотоордынские власти чаще всего не особенно разбирались, кто оказался в долгу или был инициатором конфликта: венецианец, генуэзец или пизанец, и репрессии обрушивались на всех итальянцев, находившихся в зоне досягаемости золотоордынской администрации. Соотечественники выезжали их вызволять с богатыми подарками, в надежде вернуть товары, но не всегда удачно.

Основных торговых путей, проходивших через нижневолжские золотоордынские города, было два. Один шел из Крыма и Азака-Таны вверх по течению Дона до места наибольшего сближения его с Волгой. Далее волоком суда попадали в Волгу, или в Ахтубу, в зависимости от дальнейшего направления движения вверх по Волге или вниз по Ахтубе, где стояли крупнейшие торговые города, в частности Сарай. От него шел путь на Сарайчик – золотоордынский город в низовьях реки Урал, а далее благоуст-

роенный караван-сараями, известный путь на Ургенч, который мог быть продолжен и далее через север Индии в торговые пункты Северного Китая. Другой шел из Северного Причерноморья через северокавказские земли с ответвлением на Маджар и Дербент к Хаджи-Тархану.

Из различных описаний известны расстояния в днях пути между важнейшими торговыми пунктами. Путь из Сарая в Сарайчик длился 8–10 дней, из Сарайчика в Хорезм – 20 дней. Общий путь из Крыма в Хорезм составлял 3 месяца, а от Дербента через Сарай в Китай – 5 месяцев, по другим данным, от Таны до Ханбалыка – 284 дня (около 8 месяцев) (Федоров-Давыдов, 2001, с. 217).

В золотоордынских городах торговля велась постоянно. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, в этом ежедневном, непрекращающемся торге была важнейшая особенность золотоордынской цивилизации. В культурном слое золотоордынских городов обнаруживается огромное количество разменных медных монет. На городищах часто обнаруживаются монетные клады, а семь лет раскопок А.В. Терещенко открыли около 26 тысяч монет (Федоров-Давыдов, 2001, с. 222). Кроме монет в Золотой Орде, как и на всем средневековом Востоке, использовались небольшие серебряные слитки (Федоров-Давыдов, 2001, с. 222). Встречены также разнообразные варианты гирь и разновесов, а также костяные безмены для взвешивания мелких предметов и, возможно, монет.

После междоусобиц в Золотой Орде и походов Тамерлана, отразившихся преимущественно на городах столичной зоны, эти торговые пути стали постепенно приходить в упадок. Некоторое время еще действовали Хаджи-Тархан и Сарай, поскольку там купцы из Ирана (Шираз) могли выгодно сбывать свои товары в начале XV века (Заходер, 1967, т. 2).

Об ассортименте торгового обмена золотоордынских городов в разных направлениях можно судить по данным письменных источников и археологии.

Западное направление

Северное Причерноморье.

Отношения с Византией, итальянскими торговыми республиками и со всеми странами Средиземноморского бассейна (к примеру, с Египтом) налаживаются с 1261 г., когда восстанавливается власть византийских императоров из династии Палеологов в Константинополе. Открываются черноморские проливы и в первую очередь генуэзские, а затем и венецианские, и иные европейские торговцы устремляются на северные берега Черного моря и за вторую половину XIII – начало XIV в. основывают здесь ряд факторий. Из итальянских документов известно, что активнее всего через порты Северного Причерноморья велась торговля рабами (Карпов, 1990, с. 166–167). Невольничьи рынки действовали и в Сарае, возможно в других поволжских городах (Поляк, 1964, с. 46). Из центра страны через порты Причерноморья вывозились шелковые ткани и шелк-сырец, пряности, драгоценности, красители, икра, рыба (Еманов, 1995, с. 122–126). Главным свидетельством постоянных торговых связей этих территорий с золотоордынской столичной зоной являются находки остатков амфорной тары с причерноморскими клеймами, венецианскими клеймами с изображением льва с латинской круговой надписью, а также с клеймами, содержащими греческие буквы (Федоров-Давыдов, 1998, с. 42).

На городищах встречается масса поливной посуды крымского производства, на Селитренном городище найдена стеклянная иконка византийской работы, а также свинцовая вислая печать с латинским крестом. По данным письменных источников, купец Лоредан привез в Поволжье стеклянные парадные кубки европейской работы (Еманов, 1995, с. 94).

Несомненно, через северопричерноморские порты поступала продукция из Египта и Сирии. Мраморный подсвечник с арабской надписью, по-видимому египетского производства, обнаружен при раскопках А.В. Терещенко на Царевском городище. С Мечетного городища происходит обломок полихромного стеклянного сосуда с изображением барсов и зайцев. К этому же кругу на-

ходок можно отнести сирийские изделия из полихромного стекла с позолотой, обнаруженные при раскопках Белореченских курганов, расположенных по Донскому торговому пути из Причерноморья в Нижнее Поволжье. Важную информацию несут нумизматические находки. На изучаемых городищах найдены венецианские дукаты, мейсенские гроши маркграфа Фридриха III, половинка Бейрутской монеты и золотой динар египетского султана Бейбарса (Федоров-Давыдов, 1998, с. 44).

Наиболее популярная для европейских территорий продукция золотоордынских городов – поливные кашинные изделия обнаружены в Белгороде-Днестровском, Старом Орхее, генуэзском крымском порту Кафе и в нижнедонском Азаке, а также в стену храма в Фессалониках вмонтирована золотоордынская кашинная поливная чаша (Федоров-Давыдов, 2001, с. 210).

Восточное направление

Хорезмийские области.

Из ремесленной продукции Хорезма особенно часто на золотоордынских городищах встречается сероглиняная и черноглиняная неполивная штампованная или лощеная керамика – миски, кувшины с круглыми в сечении ручками, не изготавливавшиеся на Нижней Волге. Известны также каменные котлы из талькохлорита. В Самарканде обнаружена кашинная чаша с изображением водоплавающей птицы, по мнению исследователей, из Присарайских областей.

Иран.

Прямое свидетельство торговых контактов – сообщение купца из Шираза Шамс-ад-Дина Мухаммеда о его торговле в Сарае в 1438 г. (Заходер, 1967, т. 2). Есть и археологические свидетельства этих связей, несмотря на многолетнюю вражду монгольских династий Золотой Орды и Ирана. Среди обломков керамики при раскопках золотоордынских городов редко встречаются фрагменты полихромных сосудов хорошего обжига, с особым золотистым рисунком. Это сосуды, расписанные люстром, производились в Иране и Испании. Интересным является большой фрагмент вазы, расписанной в стиле «кобальт», обнаруженный на Селитренном

городище. Тесто, из которого она была изготовлена, близко к фарфору. Пейзаж, изображенный на ней, типичен для китайского ремесла этого времени. Однако сосуд украшен арабской надписью, что, по мнению Н.М. Булатова, свидетельствует о том, что иранские сосуды в подражание китайскому фарфору привозились и имели хождение в Золотой Орде (Булатов, 1979, с. 261–264).

Индия.

Из восточных источников известно о том, что в Индии ценились кыпчакские лошади. Однако основную информацию о связях мы имеем из археологических раскопок. На Селитренном городище обнаружена заготовка под какое-то изделие из слоновой кости, которая поставлялась только из Индии. А в коллекции из раскопок А.В. Терещенко на Царевском городище имеется костяная пластинка с типичным для Индии сюжетом – изображением слона и обезьяны. По Донскому торговому пути на притоке Дона р. Битюг обнаружена бронзовая буддийская статуэтка из Непала с надписью на санскрите 1306 г. производства. В могильниках золотоордынского времени близ Царевского городища встречаются находки раковин каури. Из нумизматических свидетельств и на Царевском и на Селитренном городищах обнаружены единичные экземпляры монет делийского султаната (Федоров-Давыдов, 1998, с. 47).

Дальний Восток.

Наиболее известной продукцией Дальнего Востока, привозимой в золотоордынские города, являются шелк и фарфор. Из раскопок мавзолеев и склепов Водянского, Селитренного, Мечетного, Увекского и Царевского городищ известны остатки изделий из шелка и парчи – халаты, кафтаны с рукавами и без рукавов, женские и девичьи головные уборы типа «бокки», футляры и кошельки.

Китайский и корейский фарфор с почти прозрачной светло-зеленой поливой, иногда с рельефом и гравировкой под поливой – селадон («лунцюань-яо») известен из материалов Селитренного городища. Кроме этого, известно еще несколько типов фарфора с подглазурной росписью кобальтом или коричневой краской по жел-

товатому фону (Федоров-Давыдов, 2001, с. 222). На том же Селитренном городище обнаружен небольшой клад китайских монет XIII века. В могильниках окрестностей Царевского городища обнаружены не только местные реплики на китайские зеркала, но и привозные, возможно, китайские и чжурчжэньские.

Находки на городищах русских ремесленных изделий в силу вассальной зависимости русских княжеств от Орды не всегда могут быть интерпретированы как свидетельства торговых связей. Однако многочисленные публикации золотоордынской продукции, найденной на территории древнерусских земель (см. ссылки в работе: Федоров-Давыдов, 2001, с. 220), а также свидетельства письменных источников о проживании русских купцов в ордынских городах,дают основание предполагать очень активные торговые контакты с Русью.

Вопросы

1. Назовите основные категории изделий из неполивной керамики. Какая традиция оказала решающее влияние на формирование керамического комплекса золотоордынских городов Нижнего Поволжья?

2. На какие две крупные группы можно разделить керамический комплекс поливной золотоордынской керамики? С какими влияниями связывают исследователи их формирование? Охарактеризуйте основные орнаментальные мотивы в обеих группах.

3. В чем состоит специфика архитектурного декора золотоордынских городов Нижнего Поволжья? Какие традиции впитало в себя это производство?

4. Существуют ли прямые свидетельства существования железоделательного производства в городах?

5. Какие способы изготовления изделий из цветных металлов применялись в Золотой Орде? Назовите основные категории находок таких изделий.

6. Какую проблему решает обнаружение стеклодельной мастерской на Селитренном городище?

7. Охарактеризуйте основные направления торговли и статьи экспорта-импорта золотоордынских городов Нижнего Поволжья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Летом 1242 г. хан Бату, возглавлявший «западный поход», прекращает завоевание Европы, разворачивает свои тумены на восток и возвращается в пределы Дешт-и-Кипчака. С этого момента начинается формирование нового самостоятельного государства – Золотой Орды. Территория государства включала огромные степные пространства Восточной Европы, западную часть Казахстана, а также ряд оседлых областей Северного Кавказа, Крыма, Волжской Болгарии, Пруто-Днестровского междуречья. Становление основ государственности на столь огромной территории требовало создания городских центров, которые выполняли бы административные, экономические и общекультурные функции.

Политика основания населенных пунктов носила целенаправленный, осознанный характер и обеспечивала как раз функционирование административно-фискальной системы Золотой Орды, торгово-экономических связей и ремесленного производства. С официальным принятием мусульманства в начале XIV в., когда населенные пункты застраиваются общественными религиозными и гражданскими зданиями, приглашаются известные восточные религиозные деятели, литераторы и ученые, города становятся культурными и религиозными центрами. Кроме всего прочего, золотоордынские города были полиэтничны с неоднородным по своему составу населением. Антропологические исследования показали, что основу населения золотоордынских городов Нижнего Поволжья составляли два основных компонента – монголоидный, связанный с пришельцами с востока из Центральной Азии и Южной Сибири, и европеоидный, относящийся к среднеазиатскому региону. В результате миксации этих двух типов и сложилась основная масса смешанного золотоордынс-

кого населения. Морфологическим и функциональным критериям «города» в полной мере на сегодняшний день отвечают археологические признаки Селитренного, Царевского и Водянского городищ, Увека. Но они являются и наиболее исследованными памятниками.

В целом золотоордынские города Нижнего Поволжья по своей пространственной организации представляют собой достаточно самобытное явление, которое сформировалось не без влияния общих кочевых традиций, характерных для пришлого монголоязычного и местного домоногольского тюркоязычного населения, и традиций оседлых культур среднеазиатского региона. Причем доминантными в облике золотоордынских городов Поволжья являлись исламские архитектурные формы (мечети, мавзолеи, бани, караван-сараи и медресе), распространившиеся сюда из Средней Азии, Волжской Болгарии, Закавказья. Однако, при характеристике золотоордынских городов исследуемого региона, их невозможно дефинировать как «мусульманские» города, потому что в структуре городской организации были интегрированы кварталы различных этноконфессиональных групп (русских, армян, выходцев из Малой и Средней Азии).

Архитектурно-строительная специфика городской культуры Нижнего Поволжья сложилась в результате участия нескольких этнокультурных компонентов. Отдельные строительные приемы и навыки следует соотносить с болгарским населением, некоторые архитектурно-строительные детали имели малоазийское и средневосточное происхождение (закавказское и иранское). Возможно, ряд строительных элементов были усвоены от домонгольского населения Нижнего Поволжья – «саксин», интегрировавших опыт салтово-маяцкой культуры. Явных элементов центральноазиатского происхождения достаточно мало. Очевидно, что центральноазиатские традиции монголоязычных переселенцев были поглощены и растворены в процессе формирования городской культуры золотоордынского Поволжья. Доминирующую роль в интеграции новой городской культуры сыграли инновации, привнесенные населением Сред-

ней Азии. Развитие градостроительных традиций собственно Золотой Орды было обусловлено рядом факторов, наложивших определенный отпечаток на формирование облика золотоордынского города. Среди них, прежде всего, необходимо отметить природные условия и ресурсы Нижнего Поволжья, его геополитическое положение, полиэтничный состав населения, мусульманизацию золотоордынского общества, оседание кочевников и их включение в городскую среду.

Немаловажное значение имеет и тот факт, что нижневолжские города занимали центральное место в системе трансконтинентальных торговых маршрутов, связывающих европейские страны со среднеазиатским регионом, Ираном, Индией, Центральной Азией и Китаем. Купцы, дипломатические миссии и просто путешественники в своих длительных перемещениях на путях, соединяющих Запад и Восток в XIII–XIV вв., не могли миновать нижневолжский регион. Не случайно в культурном слое золотоордынских памятников в настоящее время находят достаточно большое количество импортных вещей, поступивших сюда из Причерноморского региона, Средиземноморья, Ирана, Хорезма, Китая, Индии. С другой стороны, необходимо отметить, что ханский домен являлся не только потребителем продукции международной торговли. В нижневолжских центрах сосредоточивалось ремесленное производство. Причем оно характеризуется высоким технологическим уровнем, применением разнообразных технических средств, достаточно глубокой специализацией, различными формами организации.

С начала образования золотоордынского государства (40-е гг. XIII в.) и до первого десятилетия XIV в. урбанизационные процессы на Нижней Волге протекали достаточно медленно, но поступательно. За этот период на Нижней Волге были сконцентрированы материальные и людские ресурсы, что обеспечило подъем градостроительства в конце правления хана Токты (710 г. х.). Пик развития городской культуры Поволжья приходится на периоды правления ханов Узбека и Джанибека и связан с распространением на территории Золотой Орды мусульманства, политической стабиль-

ностью и экономическим подъемом. В 60–80-е гг. XIV в. в связи с Великой замятней и политической дестабилизацией обстановки наблюдается резкий упадок градостроительной деятельности. Часть поселенческих памятников в этот период была уничтожена и прекратила свое существование. С начала 80-х гг. XIV в. при Тохтамыше политическая и экономическая обстановка в регионе несколько стабилизируется, что благоприятно сказывалось на восстановлении городской жизни. Однако этот процесс был прерван в результате опустошительного похода Тимура в 1395 г., после чего на протяжении конца XIV – первой половины XV в. происходит процесс полной деградации городской культуры золотоордынского Поволжья.

kirekfest.ru

ГЛОССАРИЙ

Айван – понятие имеет широкое толкование. Обозначает: 1) терраса, навес или галерея с плоским покрытием, на колоннах или столбах в жилищах, мечетях и т. д.; 2) сводчатое помещение в виде глубокой ниши или зала, открытое на фасад или во двор здания.

Ангоб – тонкий слой высококачественной глины на керамике. Сосуд перед обжигом погружают в водный раствор глины для придания его стенкам большей водостойкости, а также для украшения, поскольку можно подобрать для ангоба глины, дававшие при обжиге разные цвета (желтый, черный, красный).

Анфилада – ряд помещений, расположенных на одной оси.

Арка – криволинейное перекрытие проема в стене или пространства между колоннами. Формы арок довольно разнообразны.

Архитектоника (греч. architectonike – строительное искусство) – архитектурно выраженная структура здания.

Богарное земледелие – земледелие, при котором сельскохозяйственные культуры выращивают без специального полива.

Бэровские бугры – холмы естественного происхождения продолговатой формы, вытянутые с востока на запад. Их зафиксировал в Северном Прикаспии на юге современной Астраханской области и дал первое научное описание академик К.М. фон Бэр. Бугры расположены параллельными рядами, близко друг к другу, достигают в длину от 200 м до 4 км. Использовались древним степным населением в качестве могильников и как возвышенности для поселений.

Ганч – строительно-декоративный материал, который получался в результате обжига природной смеси гипса с глиной.

Гульдаста – угловая башня или угловая трехчетвертная колонна.

Дирхем – серебряная монета и единица арабской монетной системы.

Кан – отопительное устройство, состоявшее из печи и дымоходных каналов, проложенных в толще *суфы*. Поступающий по ним горячий дым обогревал постель *суфы* и помещение.

Кархана – тип крупной ремесленной мастерской, принадлежавшей какому-нибудь знатному лицу. Трудились в кархане свободные ремесленники, получавшие определенное жалование, но не исключалось применение рабского труда. Подобные предприятия возникли в XIII в. в Иране, затем в Азербайджане и Средней Азии.

Кибла – направление, указывающее на главное святилище мусульман Каабу в Мекке. В соответствии с киблой обращено лицо мусульман во время молитвы, располагается михрабная ниша мечети. Телу умершего мусульманина в могиле придают определенную позу, чтобы лицо было обращено также в соответствии с киблой.

Консоль – выступ в стене или заделанная одним концом в стену балка, поддерживающая карниз, балкон и т. д.

Контрфорс – подпорка, столпообразный выступ стены, увеличивающий ее устойчивость.

Кубуры – отрезки водопроводных труб, изготовленные из глины.

Майолика (итал. maiolica) – керамические изделия, чаще всего плитки, покрытые непрозрачной глазурью (поливой), по которой наносились краски. При последующем обжиге рисунок становился очень прочным. Если краски наносились под прозрачную глазурь – это полумайолика. Майоликами и полумайоликами обильно декорировались здания на Востоке, из разных подобранных друг к другу форм составляли панно. Более позднее русское название – изразцы.

Мастаба (от араб. – каменная скамья) – современное название древнеегипетских гробниц ранних эпох. Это наземное прямоугольное в плане сооружение со слегка склоненными к центру стенами, возведенное над погребальной камерой. Этим словом

обозначают и мусульманские прямоугольные в плане, иногда ступенчатые, надмогильные сооружения.

Медресе (от араб. мадраса – место учения) – здание, предназначенное для обучения религиозным наукам у мусульман. По архитектурно-планировочному решению представляет собой прямоугольный в плане двор с *айванами* или залом на главных осях, который замкнут одним или двумя ярусами келий, молитвенных и хозяйственных помещений.

Мечеть (от араб. масджид) – культовое сооружение мусульман, предназначенное для совместных молитв. Могут быть небольшого размера, предназначенные для ежедневных молитв (масджид), большие мечети, предназначенные для большего числа верующих и для пятничных молитв (джами), существуют также мечети загородные для проезжающих (мусалла, намазгах). По архитектурно-планировочному решению в наиболее общем виде мечети разделяют на колонные (прямоугольный двор с галереями на трех сторонах и многоколонным молитвенным залом на четвертой стороне киблы), айванные (с айванами по осям внутреннего двора), центрально-купольные (где молитвенный зал перекрыт куполом).

Минарет (от араб. минара – сигнальная световая башня, маяк) – высокая башня, предназначенная для созыва мусульман к обязательной молитве. Устанавливались у *мечетей* и являлись их наружным признаком. Встречаются минареты квадратные в плане, спиралевидные в стволе и, наиболее известные, круглоствольные на многогранном основании. Встречаются «ложные» минареты – *гульдаста*, поставленные на углах главного фасада или *портала* здания, не имеющие лестницы и выполняющие декоративные функции.

Михраб – ниша в стене мечети, указывающая направление на Каабу.

Неф – одна из отделенных друг от друга рядами колонн продольных или поперечных частей помещения.

Панджара – узорчатые оконные решетки. Часто они имели круглые отверстия, к которым крепились стеклянные оконные диски. Изготавливались панджары чаще всего из *ганча*.

Пандус – отлогая наклонная поверхность без ступеней, заменяющая лестницу.

Парус – конструкция, обеспечивающая переход от прямоугольного основания к купольному покрытию. Конструкции парусов разнообразны.

Пештак – монументальный тип *портала*, доминирующий над композицией остальной части здания.

Пилон – устой прямоугольного сечения, обрамляющий вход в здание.

Пилястра – пристенная полуколонна прямоугольного сечения. Служит для членения плоскости стены.

Портал – (от лат. – дверь, ворота, вход) – архитектурно разработанный вход в здание.

Пул – медная мелкая разменная монета.

Свод – несущая конструкция перекрытия, имеющая нижнюю поверхность одинарной кривизны.

Склеп – внутримогильное сооружение, оформление погребальной камеры, возможно со сводом, которое необходимо, как правило, для изоляции тела умершего от земли. В Золотой Орде использовали кирпичные склепы, как в средневековом Хорезме, а также деревянные, как принято у кочевников.

Суфа – невысокая лежанка, идущая вдоль одной – четырех стен помещения. Внешняя ее плоскость облицовывалась кирпичом, сырцовым или обожженным, а внутреннее пространство заполнялось глиной, землей, обломками кирпича.

Тархан – лицо, за особые заслуги освобожденное от налогов и имеющее ряд других привилегий.

Тезаврация – накопление денег населением путем изъятия их из обращения.

Тошнау – специальный резервуар конической формы, обложенный фрагментами кирпича, камня, или представляющий впущенный в землю большой сосуд. Использовался для умывания.

Трансгрессия (от лат. transgressio – переход) – наступление моря на сушу в результате опускания земной коры. Обратный процесс называется регрессией.

Турлучная конструкция – плетень, обмазанный глиной и укрепленный на вертикальных кольях и столбах.

Фахверк – конструкция стены, состоящая из жесткого несущего каркаса, промежутки в котором заполняются кирпичом, досками или другим материалом.

Хаммам – типичная восточная баня, в основе планировки которой лежит прямоугольный (квадратный) объем с вписанным в него крестообразным залом, между сторонами которого устроены кабины-мылни.

Ханака (от персид. – обитель суфиев, жилище, дом) – обитель суфиев или дервишей – последователей какого-либо религиозно-мистического течения ислама, а также страннноприимный дом. В соответствии с принятым в конкретном течении или братстве ритуалом для ханака характерен просторный зал или крытый внутренний двор для совершения действий, вводящих в экстаз, – зикра, монументальный портал с большим *айваном*. Вокруг зала сгруппированы разнообразные помещения: молельня, комната шейха, усыпальница святого или основателя братства, кельи суфиев, комнаты для паломников, кухня, туалеты.

Цоколь – нижняя надземная часть стены с особым характером обработки.

Шамот – обожженная до спекания огнеупорная глина. Измельченный шамот добавляли в тесто керамических изделий для придания большей прочности.

Эмиссия – совокупность монет одного монетного типа, выпущенных по поручению обладателя права чеканки монет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Под ред. Е.Ч. Скржинской, 1971. Л.

Заходер Б.Н., 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.

Книга Марко Поло, 1955. М.

Поляк А.Н., 1964. Новые арабские материалы позднего Средневековья в Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы. М.

ПСРЛ, 1965. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 10. М.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука, 1993. Алматы.

Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.

Тизенгаузен В.Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.

Арзютов Н.К., 1930. Золотая Орда. Саратов.

Асанов А., 1971. Памятники архитектуры средневекового Хорезма. Ташкент.

Ахинжанов С., Ерзакович Л., 1972. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Изв. АН Казахской ССР. Серия общественная. № 2.

Байпаков К.М., 1979. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 4. Л.

Байпаков К.М., 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата.

Байпаков К.М., 1989. Город и степь в эпоху Средневековья: (По материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Балабанова М.А., 1999. Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград.

Балабанова М.А., 2004. Еще раз о русских в Золотой Орде // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград. С. 298–302.

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские «Помпеи». М.; Пг.

Баллод Ф.В., 1923а. Старый и Новый Сарай – столицы Золотой Орды. Казань.

Баринов Д.Г., 1997. Золотоордынское кочевье Лисья Балка // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Баринов Д.Г., 1997а. Золотоордынское поселение около поселка Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов.

Бартольд В.В., 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М.

Бартольд В.В., 2002. Рецензия на кн.: Аристов Н.Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.

Бернштам А.Н., 1941. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе.

Блохин В.Г., 2001. Градостроительные традиции Золотой Орды: (На материалах Нижнего Поволжья): Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Волгоград.

Блохин В.Г., 2001а. Золотоордынское поселение у с. Колобовки в Ленинском районе Волгоградской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Блохин В.Г., 2003. Нижневолжские мечети Золотой Орды: к проблеме формирования архитектурных традиций // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград.

Большаков О.Г., 1970. Некоторые вопросы изучения среднеазиатского города VIII–XII вв. в свете общей проблематики истории городов Востока // КСИА. № 122.

Бородина И.Ф., 1974. Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X–XV вв. // Архитектурное наследство. Вып. 22.

Брун Ф.К., 1873. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского ун-та. Т. IX. Одесса.

Булатов Н.М., 1968. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов // СА. № 4.

Булатов Н.М., 1976. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.

Булатов Н.М., 1979. Иранская ваза с Селитренного городища // СА. № 2.

Булатов Н.М., 1983. Золотой браслет с Селитренного городища // СА. № 3.

Бусятская Н.Н., 1976. Стеклянные изделия городов Поволжья XIII–XIV вв. // Средневековые памятники Поволжья. М.

Варваровский Ю.Е., 1995. К истории торговли Хаджи-Тархана в XIV в. // Сборник тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур» («Межэтнические общения в полиэтническом регионе»). Ч. 2. Астрахань.

Варваровский Ю.Е., 2000. К вопросу о «теориях двух Сараев» и локализации города Гюлистана // Археологические вести. № 7.

Варваровский Ю.Е., Евстратов И.В., 1998. О тождественности передачи Ф.Ф. Чекалиным карты Фра Мауро 1459 г. // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6.

Васильев Д.В., 2001. Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Васильев Д.В., 2001. Городище Ак-Сарай // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Васильев Д.В., 2004. О местоположении города Саксин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград.

Веселовский Н.И., 1907. О местоположении Гюлистана при-Сарайского. Киев.

Веселовский Н.И., 1912. Загадочный Гюлистан Золотой Орды // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXI. Вып. II–III. СПб.

Вишневский А.Г., 1975. Число детей в семье в исторической перспективе // Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи. Вып. III. Ереван.

Владимирцов Б.Я., 2002. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов.

Волков И.В., 1996. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и его округа) // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Ч. II. Уфа.

Воронина В.Л., 1958. Колонны соборной мечети в Хиве // Архитектурное наследство. Вып. 11.

Воронина В.Л., 1959. Раннесредневековый город Средней Азии // СА. № 1.

Воронина В.Л., 1983. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство. Вып. 31.

Всеобщая история архитектуры: В 12 т. 1969. Т. 8. М.

Галкин Л.Л., 1984. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. № 2.

Гончаров Е.Ю., 2000. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды: (Новый взгляд на известные источники) // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху Средневековья. Т. 1. Донецк.

Гончаров Е.Ю., 2001. Очерк истории города Гюлистан (вновь о «двух столицах» в Золотой Орде) // Поволжье в Средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород.

Горячева В.Д., 1975. Раскопки на городище Бурана // АО за 1974 г. М.

Греков Б.Д, Якубовский А.Ю., 1950. Золотая Орда и ее падение. М.

Гречкина Т.Ю. Васильев Д.В., 2001. Предварительные итоги исследований на Самосдельском городище в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Григорьев В.В., 1845. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды // ЖМВД. Ч. 10. СПб.

Гусева Т.В., 1974. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // СА. № 3.

Гусева Т.В., 1975. История изучения Нового Сарая // Вестник МГУ. № 6.

Гусева Т.В., 1985. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид. Горький.

Доскач А.Г., 1979. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М.

Евстратов И.В., 1997. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ: (Опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

Егоров В.Л., 1969. Причины возникновения городов у монголов // История СССР. № 4.

Егоров В.Л., 1970. Жилища Нового Сарая: (По материалам исследований 1959–1965 гг.) // Поволжье в Средние века. М.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.

Егоров В.Л., 1980. Мавзолеи Водянского городища // СА. № 1.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М.

Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.

Егоров В.Л., Юхт А.И., 1986. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА. № 1.

Еманов А.Г., 1995. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень.

Ерзакович Л.Б., 1973. Некоторые типы жилищ Золотой Орды // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата.

Ерзакович Л.Б., 1983. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII–XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.

Ерзакович Л.Б., 1989. Особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлости и кочевой культуры: (По материалам Отрара) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Жиромский Б.Б., 1959. Забытая страница в истории русской археологии // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов. Вып. 2.

Жуковская Н.Л., 1988. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.

Зайковский Б.В., 1908. Городище Бельджамен // Труды СУАК. Вып. XXXIV. Саратов.

Зайковский Б.В., 1915. Исторический очерк древнего городища на правом берегу Волги, в 17 верстах выше Царицына // Труды СУАК. Вып. 32. Саратов.

Закирова И.А., 1988. Косторезное дело Болгар // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Зиливинская Э.Д., 1989. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Зиливинская Э.Д., 1994. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 г. // Историко-археологическое изучение Поволжья: Межвузовский сборник. Йошкар-Ола.

Зиливинская Э.Д., 1998. Мечети Золотой Орды (общие принципы планировки) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола.

ukeltest.ru

Зиливинская Э.Д., 2001. Охранные раскопки на Красном холме Селитренного городища в 1995–2000 гг. // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Зиливинская Э.Д., 2004. Некоторые особенности планировки жилищ домонгольского времени в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград.

Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.

Ильина А., Шишкин П., 1929. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград.

Казаков П.В., Пигарев Е.М., 1998. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола.

Карпов С.П., 1990. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв. Проблемы торговли. М.

Ким И.А., 1993. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.

Киселев С.В., 1957. Древние города Монголии // СА. № 2.

Киселев С.В., 1958. Древние города Забайкалья // СА. № 4.

Киселев С.В., 1961. Город монгольского Исунке на р. Хирхира в Забайкалье // СА. № 4.

Киселев С.В., 1965. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М.

Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2000. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. Н. Новгород.

Клоков В.Б., Лебедев В.П., 2004. Денежное обращение небольшой золотоордынской крепости в дельте Итиля (Чертово городище) // Татарская археология. № 1–2 (12–13). Казань.

Кобеко Д.Ф., 1892. Где находился упоминаемый в летописях город Бездеж? // ЖМВД, нояб. СПб.

Кондратьева М.И., 1935. О юртообразных зданиях Внешней Монголии // СЭ. № 3.

Крадин Н.Н., 1992. Кочевые общества. Владивосток.

Крамаровский М.Г., 1978. Гончар-армянин из Сарай ал-Джедид // Труды ГЭ. Вып. XIX. Л.

Кротков А., 1915. Раскопки на Увеке в 1913 г. // Труды СУАК. Саратов. Вып. 32.

Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград.

Крымина М.М., 1977. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.

Кутуков Д.В., 1994. История археологических исследований городища Хаджи-Тархан // Тезисы докладов XXV УПАСКа. Самара.

Кызласов Л.Р., 1965. Городище Ден-Терек // Древнемонгольские города. М.

Лавров В.А., 1950. Градостроительная культура Средней Азии. М.

Лебедев В.П., 2000. Новые данные о раннеджучидском чекане Хорезма и Сарая // Труды по археологии. Степи Евразии в эпоху Средневековья. Т. 1. Донецк.

Леопольдов А., 1837. Ахтубинские развалины // ЖМВД. Ч. XXIV. Спб.

Леопольдов А.Ф., 1839. Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии. 1837 г. // Материалы для статистики Российской империи. Т. 1. От. 2. СПб.

Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1995. Памятники Средневековья у станицы Глазуновской // Древности Волго-Донских степей. Вып. 5. Волгоград.

Милюков П.Н., 1889. Где был город Бездеж? // Труды МАО. Т. 13. Вып. 1. М.

Минх А.Н., 1898–1902. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Т. 1. Вып. 1. Саратов, 1898; Вып. 2. Саратов, 1900; Вып. 3. Саратов, 1901; Вып. 4. Аткарск, 1902.

Михальченко С.Е., 1973. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. № 3.

Мухамадиев А.Г., 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в Средние века. М.

Мухамадиев А.Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1970. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА. № 3.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1972. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. М.

Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А., 1978. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ. История. № 3.

Мыськов Е.П., 2001. Раскопки общественного здания с эпиграфическими находками на Водянском городище // Нижневолжский археологический вестник. № 4.

Мыськов Е.П., 2001а. Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград.

Мыськов Е.П., 2001б. Русское кладбище Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. № 4.

Мыськов Е.П., 2002. Керамические комплексы русского поселка и русского квартала Водянского городища // Нижневолжский археологический вестник. № 5.

Мыськов Е.П., 2003. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6.

Мыськов Е.П., 2004. Основные итоги исследований Водянского городища // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. Волгоград.

Недашковский Л.Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Немцева Н.Б., 1981. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-Заде Руши в ансамбле Шахи-Зинда // СА. № 4.

Неразик Е.Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.

Нильсен В.А., 1962. Некоторые сырцовые купольные постройки на юге долины Сурхандарьи // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент.

Носкова Л.М., 1976. Мозаика и майолики из средневековых городов Поволжья Средневековые памятники Поволжья. М.

Пачкалов А.В., 2001. К вопросу об интерпретации эпитета ал-Джедид (по материалам городов Улуса Джучи) // Поволжье в Средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород.

Пачкалов А.В., 2004. Чертово городище – памятник золотоордынского времени в дельте Волги // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград.

Пигарев Е.М., 1996. Новые памятники золотоордынской эпохи в Астраханской области // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Ч. II. Уфа.

Пищулина К.А., 1969. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVII вв. Вопросы социально-экономической истории. Алма-Ата.

Пищулина К.А., 1983. Письменные восточные источники о Присырдарьинских городах Казахстана XIV–XVII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.

Плахов В.В., Сумин А.Ю., 1996. Погребальные сооружения рубежа XIV–XV вв. городища у пос. Комсомольский (Предварительные сообщения) // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Ч. II. Уфа.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.

Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Полубояринова М.Д., 1991. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.

Попов П.В., 2004. К вопросу о датировке городища Мошаик // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград.

Попов Х.Ч., 1871. Сведения о древних памятниках, находящихся в земле войска Донского, извлеченные из разновременных описаний и частных записок и собранные лично Действительным Членом Донского Войскового Статистического Комитета // Труды I археологического съезда в Москве. Т. I. М.

Прибыткова А.М., 1974. Архитектурная школа Северного Хорасана X–XII вв. // Архитектурное наследство. Вып. 22.

Пугаченкова Г.А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.

Пырсов Ю.Э., 1992. Четыре слова на монете // Годы и люди. Вып. 6. Саратов.

Пэрлээ Х., 1962. Киданьские города и поселения на территории Монгольской Народной Республики // Монгольский археологический сборник. М.

Распопова В.И., 1970. Согдийский город и кочевая степь в VII–VIII вв. // КСИА. № 122.

Рогачев О.Г., 1992. К вопросу локализации золотоордынского Бельджамена // Межрегиональная конференция «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды». Волгоград.

Рудаков В.Г., 1999. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гулистана // Ученые записки. Татарский государственный гуманитарный институт. Вып. 7. Казань.

Рудаков В.Г., 2000. История изучения Селитренного городища // РА. № 2.

Рудаков В.Г., 2001. К вопросу о хронологии и топографии Селитренного городища эпохи Тохтамыша (1380–1396 гг.) // Поволжье в Средние века: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931–2000). Н. Новгород.

Рудаков В.Г., 2002. Город без прошлого и будущего // Техника молодежи. № 10, 12.

Рудаков В.Г., 2004. О границах Селитренного городища: (По итогам археологических разведок 2002 и 2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция: Тез. докл. Волгоград.

Рыков П.С., 1932. Музейные материалы по изучению феодального города // Советский музей. № 4.

Рыков П.С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.

Сафаргалиев М.Г., 1995. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Тверь.

Скрынникова Т.Д., 1997. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.

Спицын А.А., 1895. Отчет о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жареный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // Отчеты археологической комиссии за 1893 год. СПб.

Терещенко А.В., 1844. Продолжение разрытия Царевских курганов // ЖМВД. Кн. VII. СПб.

Толмачев Н.А., 1889. О Водянском городище в Саратовской губернии // Труды VI Археологического съезда. Т. IV. Одесса.

Трепавлов В.В., 1993. Государственный строй монгольской империи в XIII в. М.

Трутовский В.К., 1889. Гюлистан Золотой Орды // Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. I. М.

Трутовский В.К., 1911. Гюлистан, монетный двор Золотой Орды // Нумизматический сборник. Т. I. М.

Усейнов М.А., 1951. Памятники азербайджанского зодчества. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1960. Клады джучидских монет (основные периоды денежного обращения в Золотой Орде) // НЭ. Т. I. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1963. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1965. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // Вестник МГУ. История. № 6.

Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1974. Три средневековых нижневолжских города // Вопросы истории. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А., 1983. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1998. Некоторые черты военного и мирного быта жителей золотоордынских городов // Сафаргалиевские чтения. Саранск.

Федоров-Давыдов Г.А., 2001. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., 1989. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г., 1970. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в Средние века. МИА. № 164. М.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В., 1974. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевское городище) // Города Поволжья в Средние века. М.

Фиельструп Ф.А., 2002. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.

Френ Х.М., 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб.

Харузин Н., 1896. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. СПб.

Хованская О.С., 1954. Бани города Болгара // МИА. № 42.

Чекалин Ф.Ф., 1888. Какому из древних городов принадлежит каменное городище на Волге, близ посада Дубовки // Труды СУАК. Т. I. Вып. IV. Саратов.

Чекалин Ф.Ф., 1889. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным // Труды СУАК. Т. II. Вып. 1. Саратов.

Чекалин Ф.Ф., 1890. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра Мауро // Труды СУАК. Т. II. Вып. 2. Саратов.

Ширинский-Шихматов А.А., 1915. Отчет об археологических раскопках князя А.А. Ширинского-Шихматова // Труды СУАК. Вып. 32. Саратов.

Шнайдштейн Е.В., 1979. Новые средневековые памятники в дельте Волги // Древняя история Поволжья: Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института им. В.В. Куйбышева. № 230. Куйбышев.

Шнайдштейн Е.В., 1990. Археологические памятники Астраханской области: Путеводитель. Астрахань.

Щапова Ю.Л., 1984. Химико-технологическое изучение стекол из мастерской на городище Селитренное // СА. № 2.

Щеглов С.А., 1915. Раскопки на Водянском городище // Труды СУАК. Вып. 32. Саратов.

Яблонский Л.Т., 1987. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья) // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.

Яворская Л.В., 1999. Могильники золотоордынского времени в окрестностях Царевского городища: Дис. ... канд. ист. наук.

Яворская Л.В., 2001. Город в степи: некрополи округи Царевского городища как источник для реконструкции исторических процессов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань.

Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970. Некрополь Древнего Миздахкана. Ташкент.

Якубовский А.Ю., 1929. Развалины Сыгнака // Сообщение ГАИМК. Т. II. Л.

Якубовский А.Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарай-Берке // Известия ГАИМК. Т. VIII, вып. 2–3. Л.

Якубовский А.Ю., 1932. Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды – Сарай-Берке. Л.

Янина С.А., 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. № 42.

Янина С.А., 1970. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в Средние века. М.

ukekfest.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	Археологические открытия
ВААЭ	Волго-Ахтубинская археологическая экспедиция
ВИА	Всеобщая история архитектуры
ВГПУ	Волгоградский государственный педагогический университет
ВГУ	Воронежский государственный университет
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИСТАРХЭТ	Общество истории, археологии, этнографии
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
НВОНОК	Нижневолжское областное научное общество краеведения
ПАЭ	Поволжская археологическая экспедиция
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СА	Советская археология
СГУ	Саратовский государственный университет
СУАК	Саратовская ученая архивная комиссия

ukrfest.ru

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ukeyfest.ru

ukekfest.ru

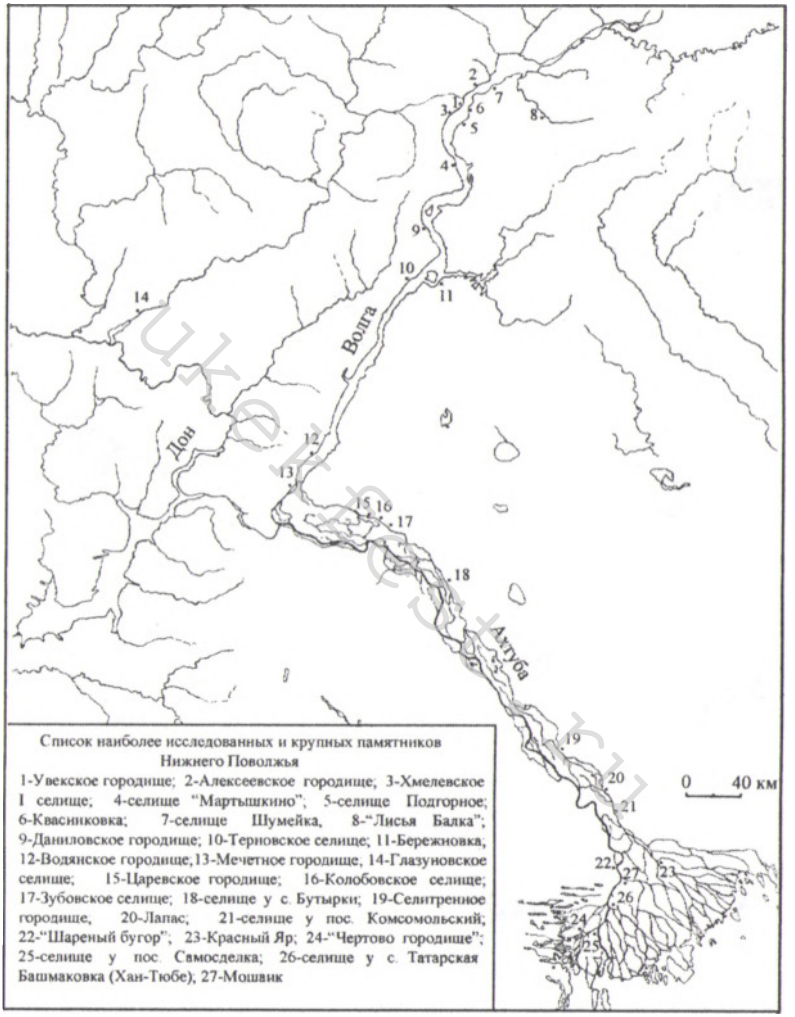


Рис. 1. Карта расположения наиболее исследованных и крупных золотоордынских поселений

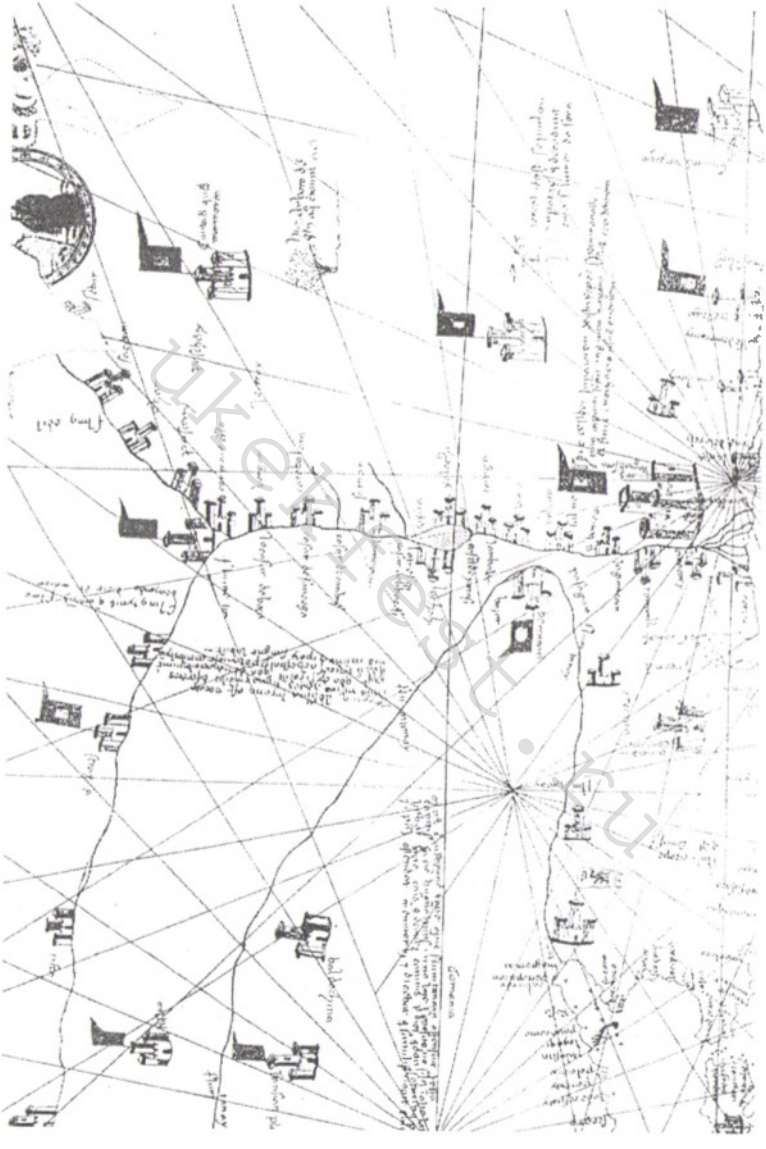


Рис. 2. Фрагмент карты братьев Пицигани

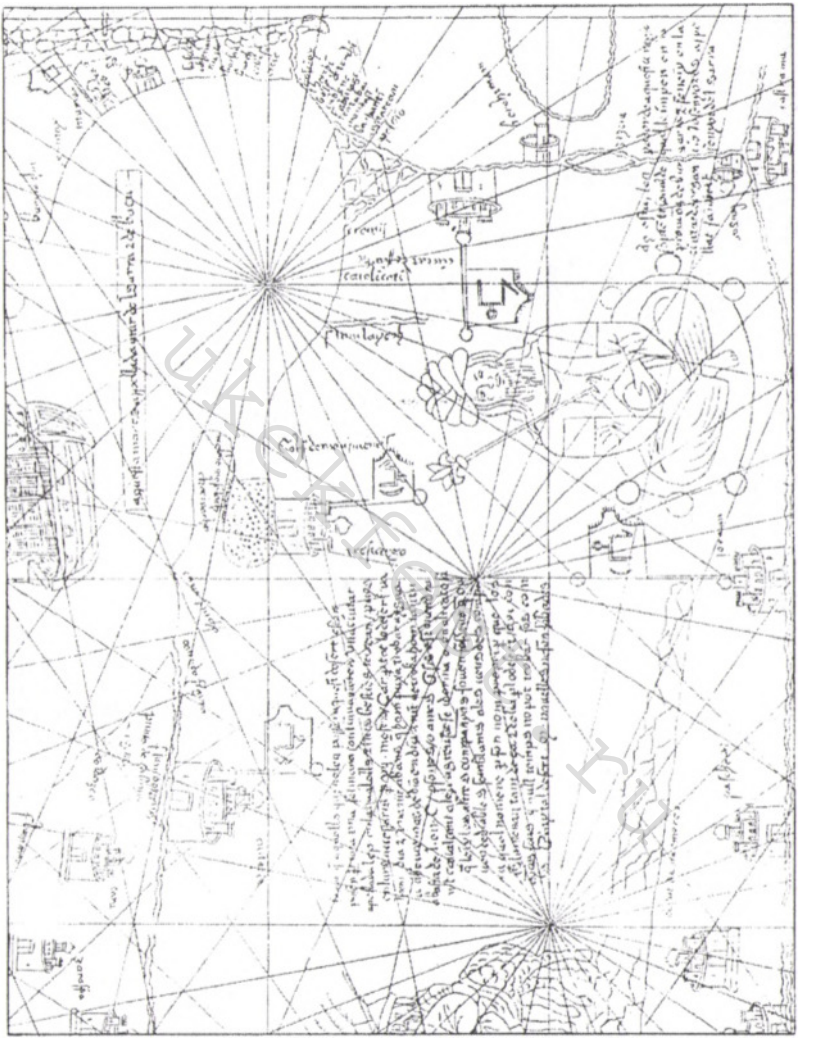


Рис. 3. Фрагмент Каталонского атласа

Рис. 4. Фрагмент карты Фра Мауро

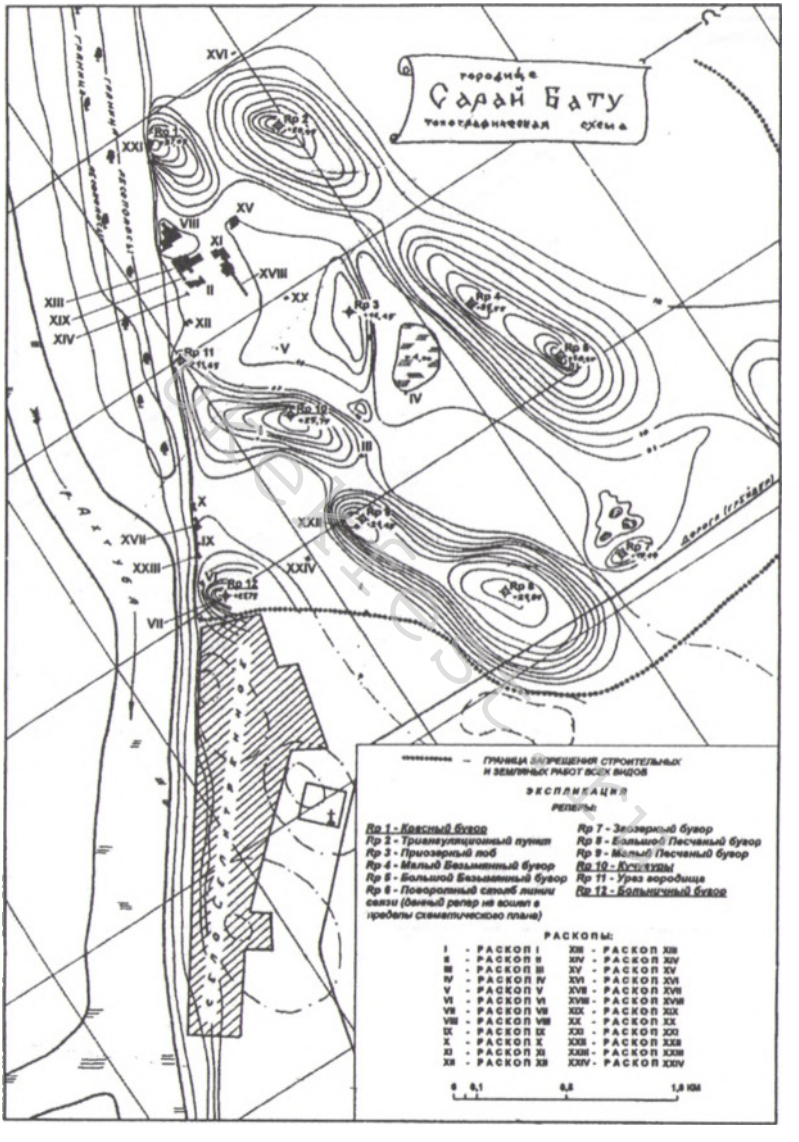


Рис. 5. План Селитренного городища с раскопками 1965–2000 гг.

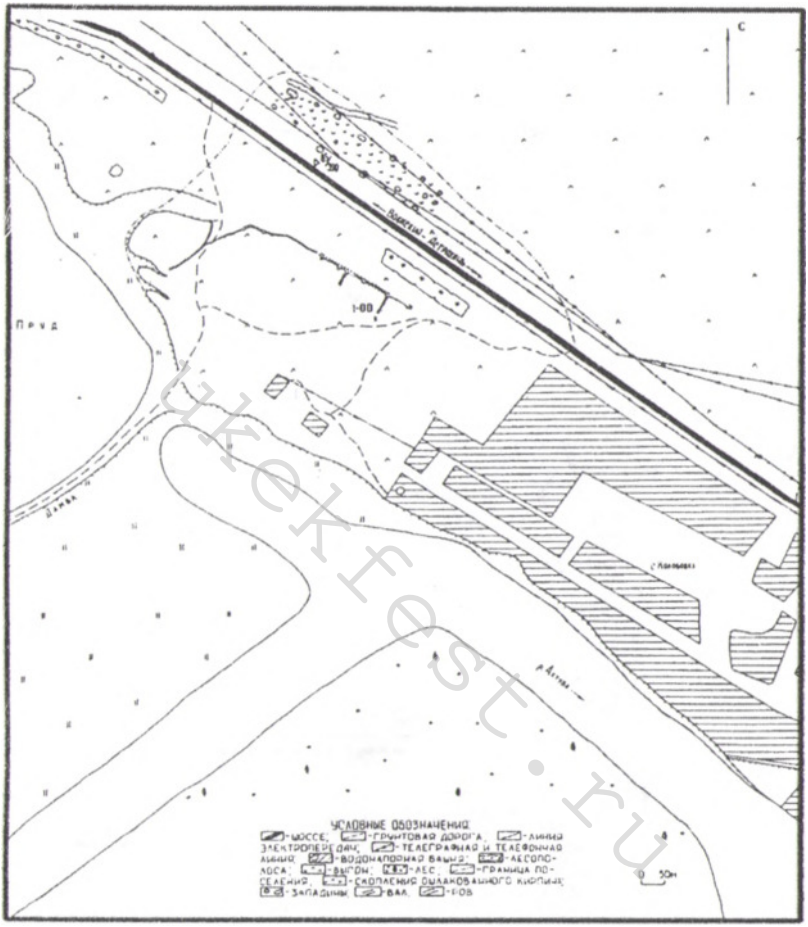


Рис. 6. План Колобовского поселения

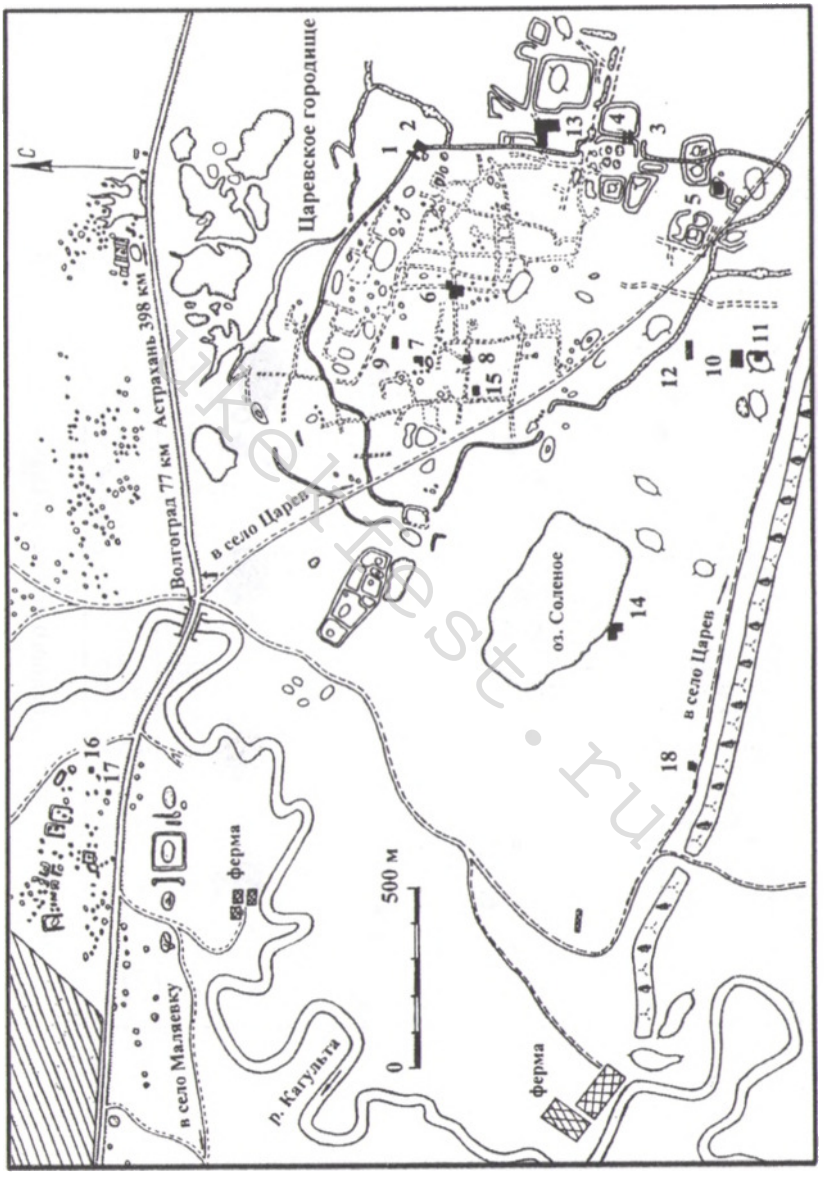


Рис. 7. План Царевского городища

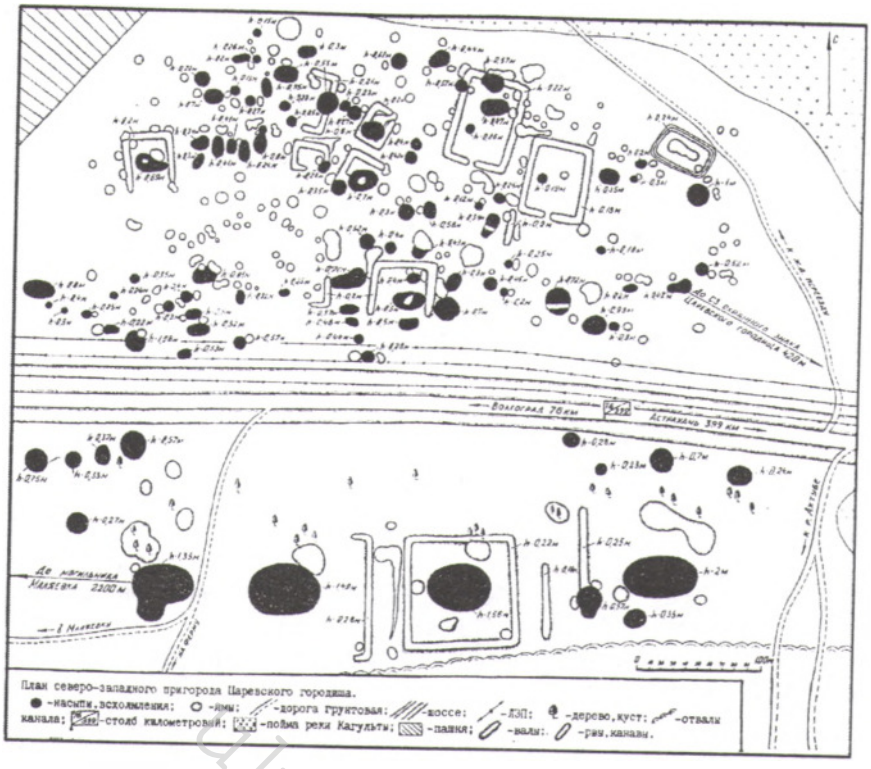


Рис. 8. План северо-западного пригорода Царевского городища

direktfest.ru

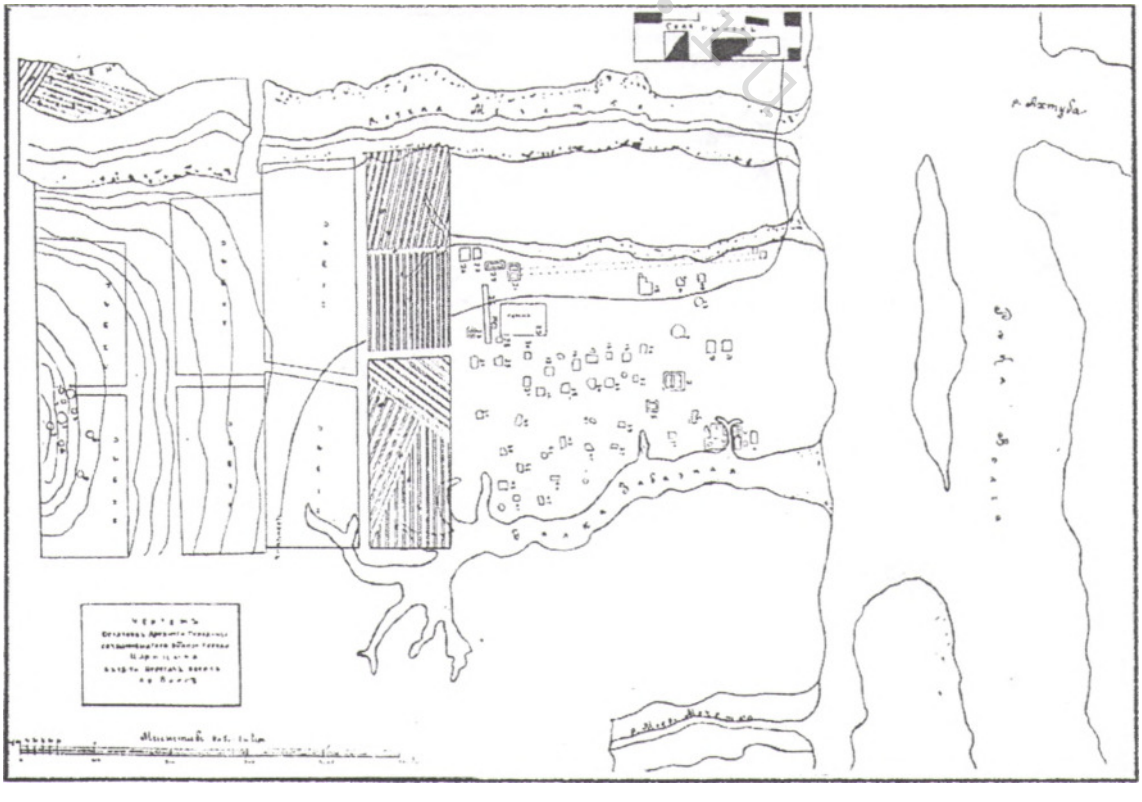


Рис. 9. План Мечетного городища

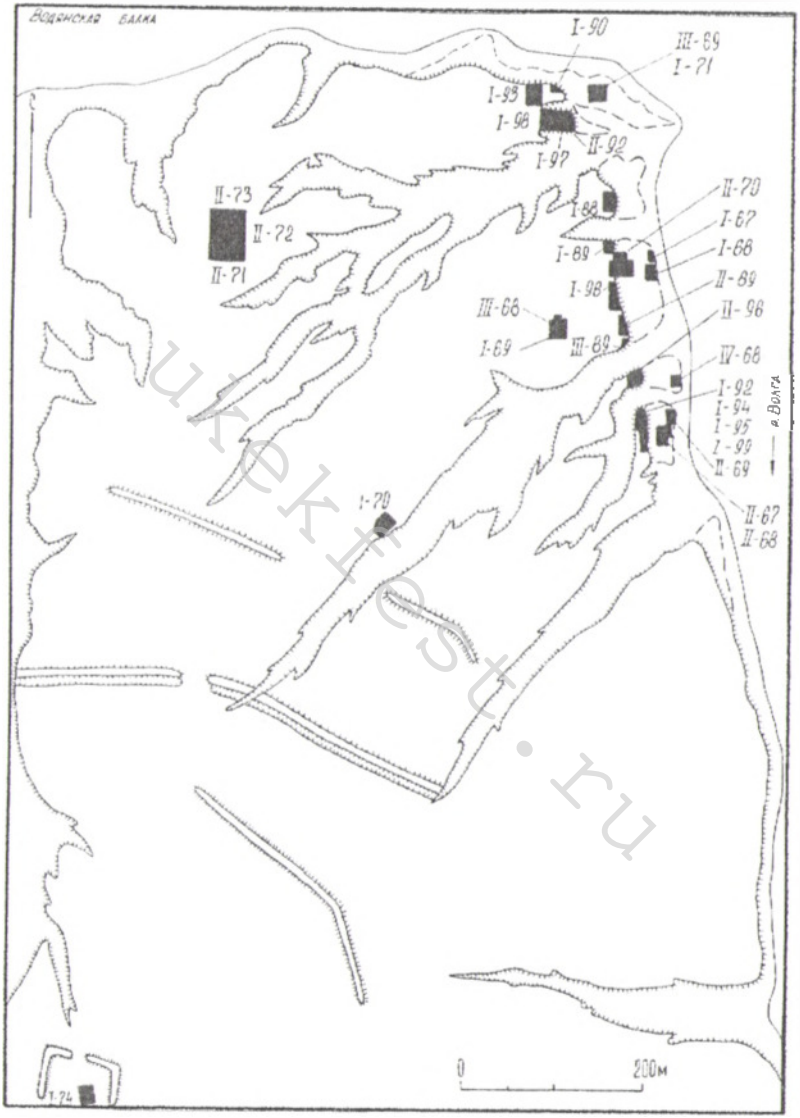


Рис. 10. План Водянского городища

ТЕРНОВСКОЕ СЕЛИЩЕ
Топографический план

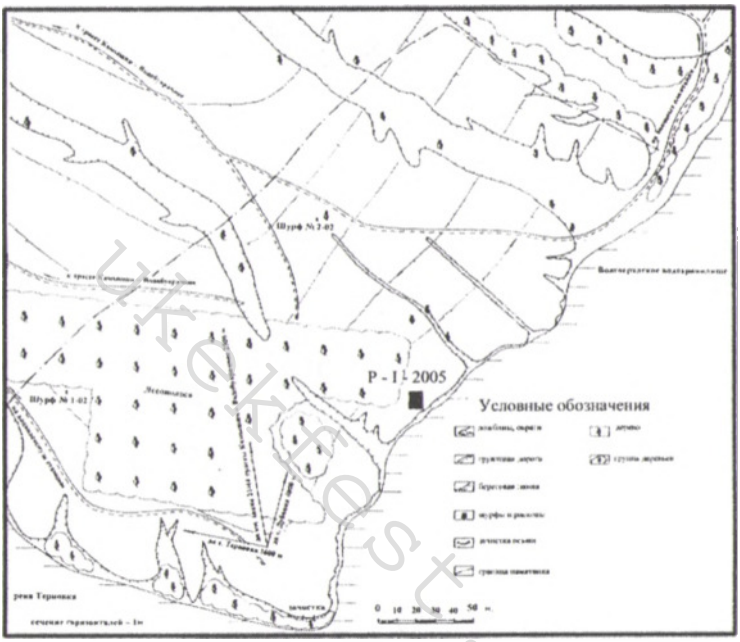


Рис. 11. План Терновского селища

ukekfest.ru

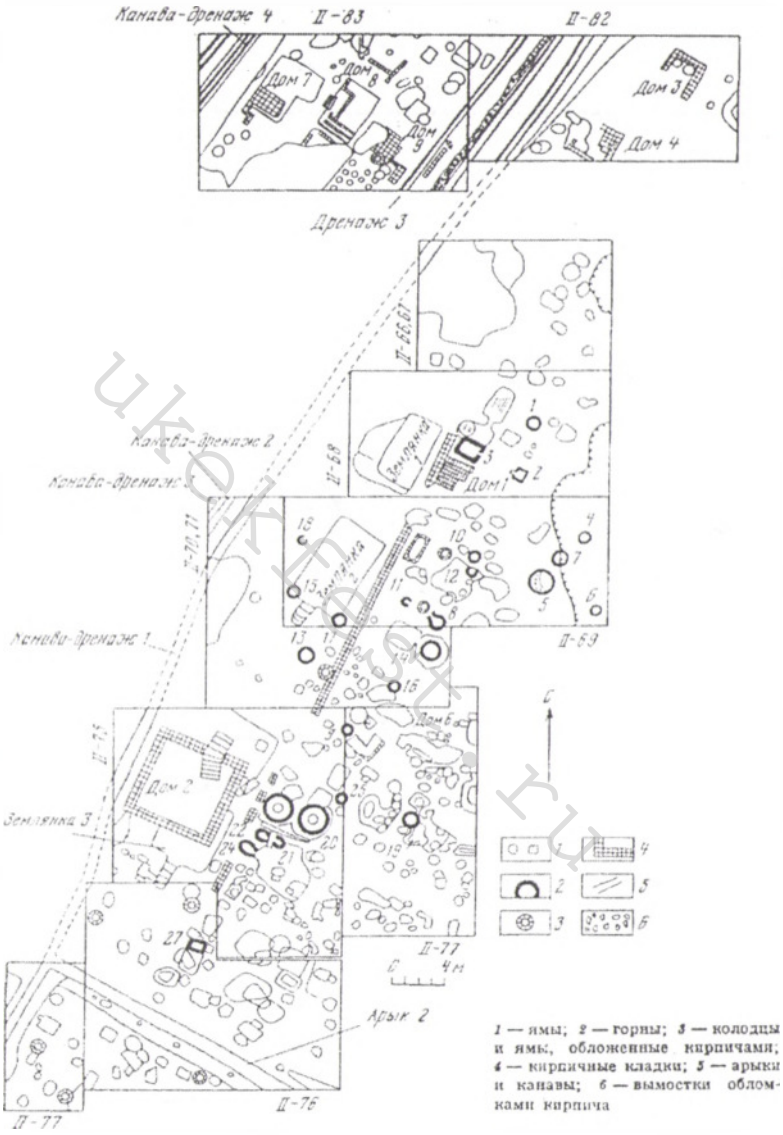


Рис. 12. Участок раскопа II на Селитренном городище

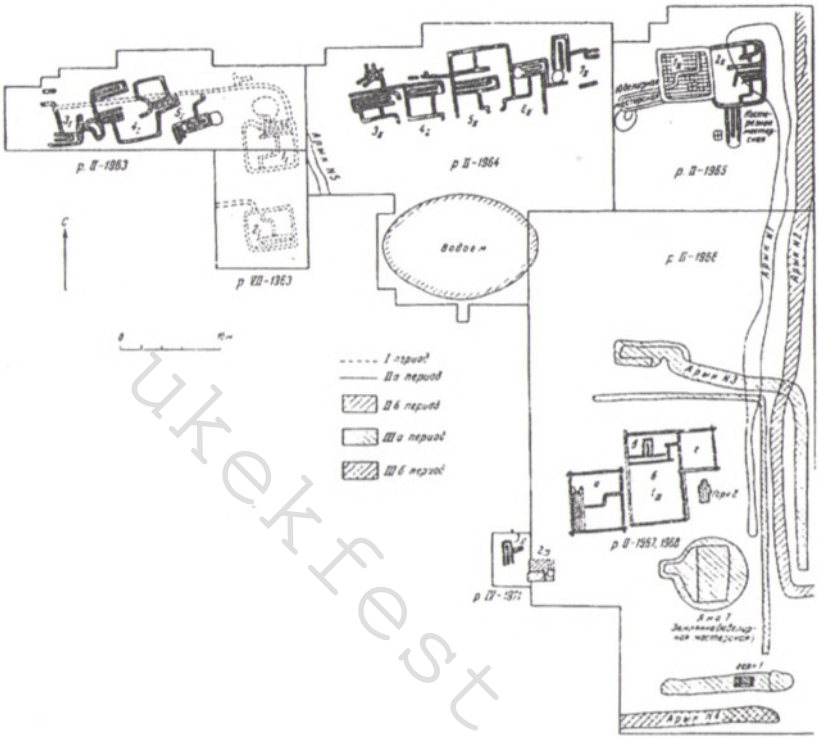


Рис. 13. Участок раскопов на Царевском городище

ukekfest.ru

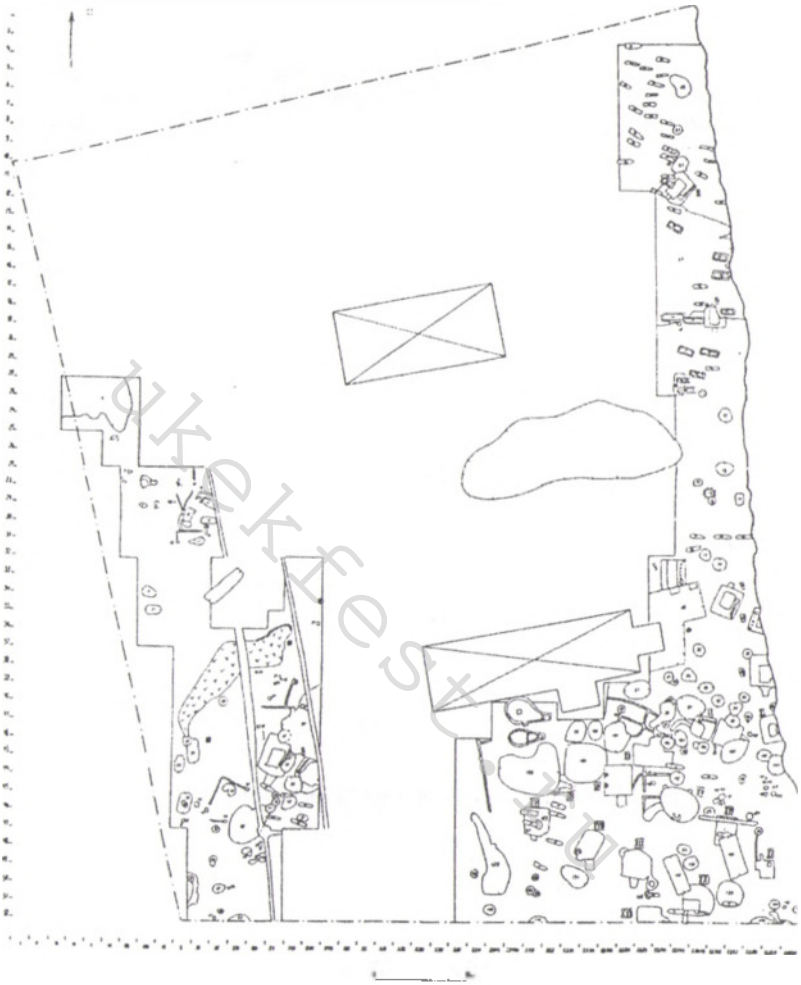


Рис. 14. Участок раскопа на Шареном бугре

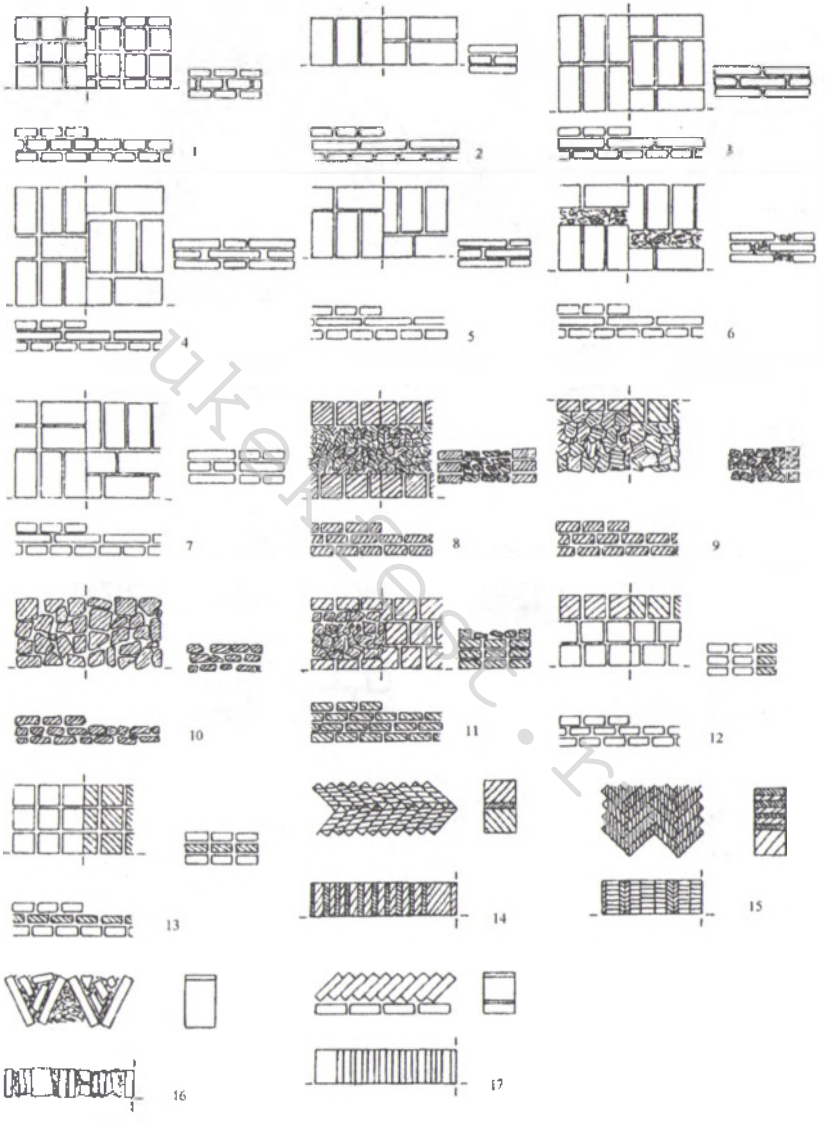


Рис. 15. Типы и варианты кирпичной кладки стеновых конструкций

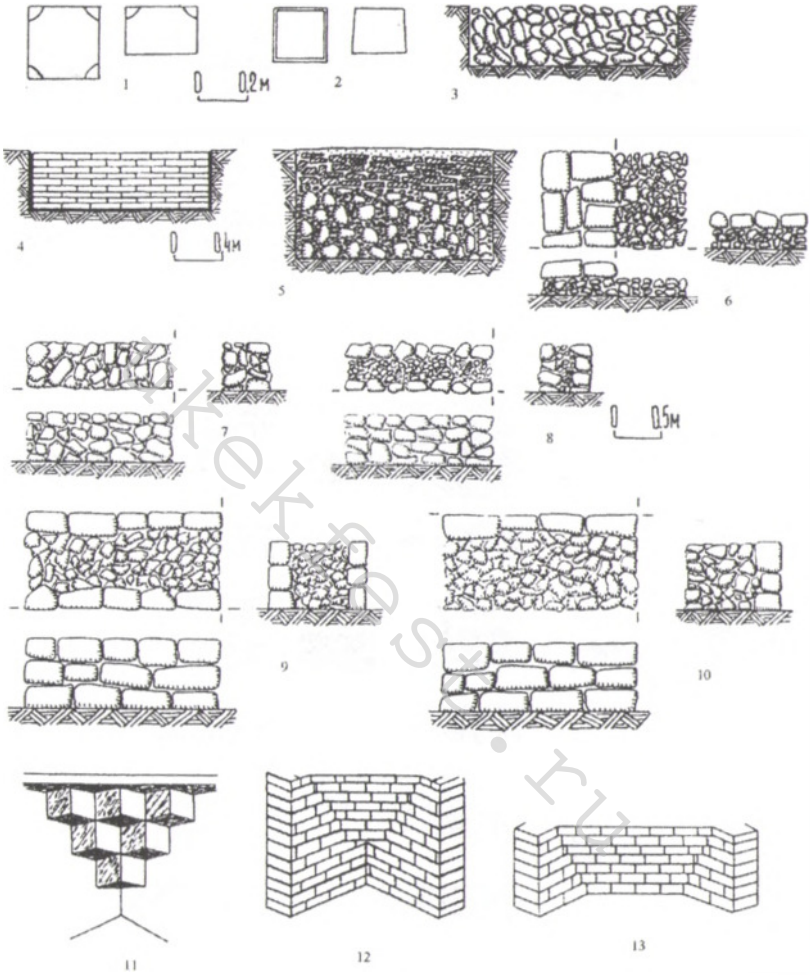


Рис. 16. *1–2* – каменные базы колонн; *3–5* – варианты фундаментной кладки; *6–10* – варианты каменной кладки стеновых конструкций; *11–13* – варианты подкупольных конструкций

Рис. 17. Типы наземных жилых построек

akekfest.ru

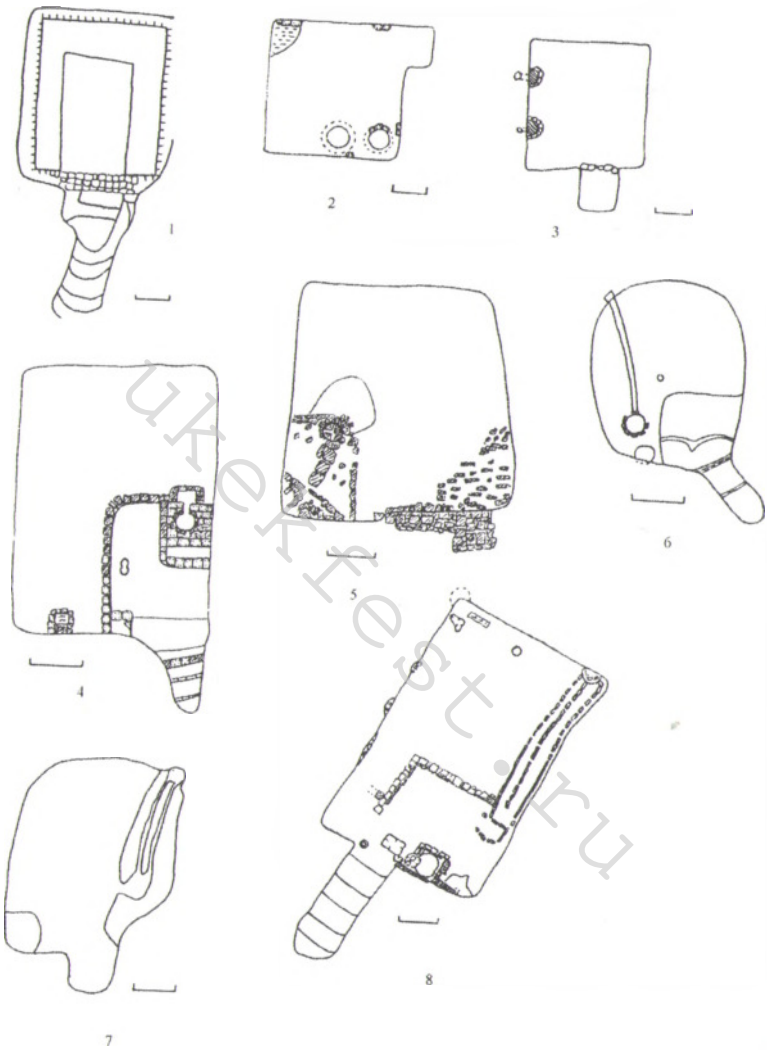


Рис. 18. Типы углубленных в землю жилищ

ukekfest.ru

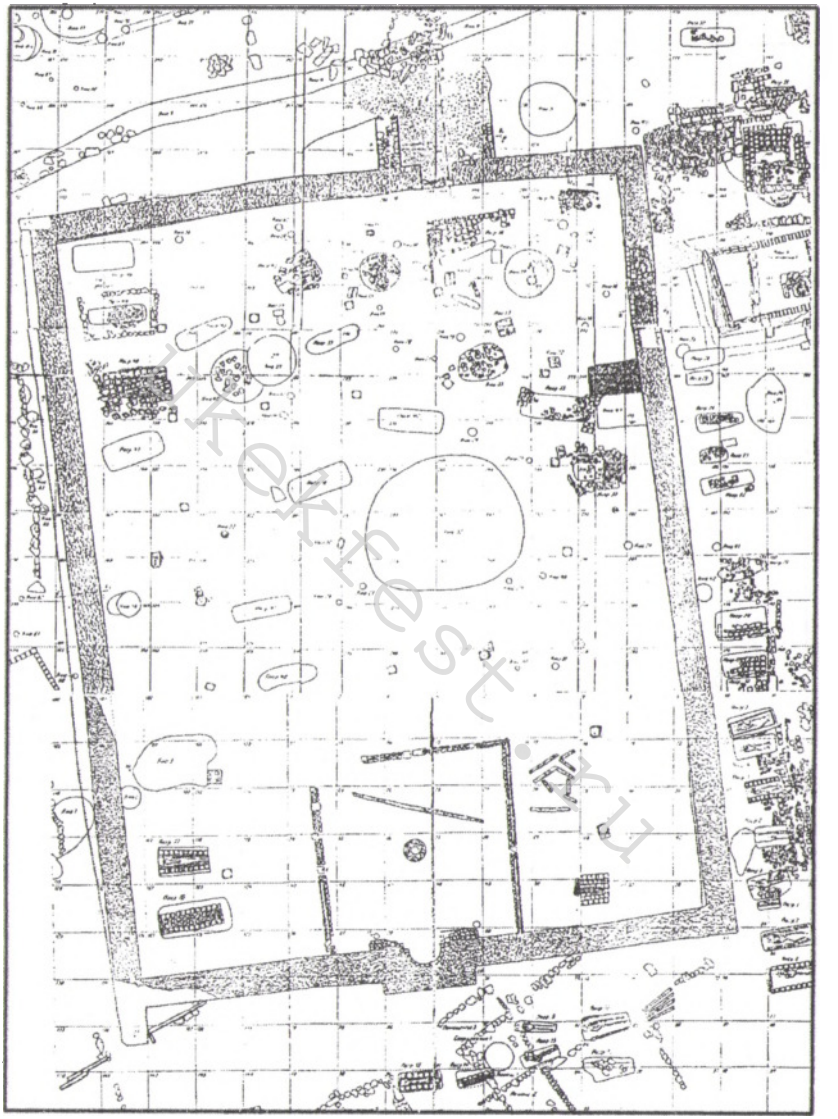


Рис. 19. План мечети Водянского городища

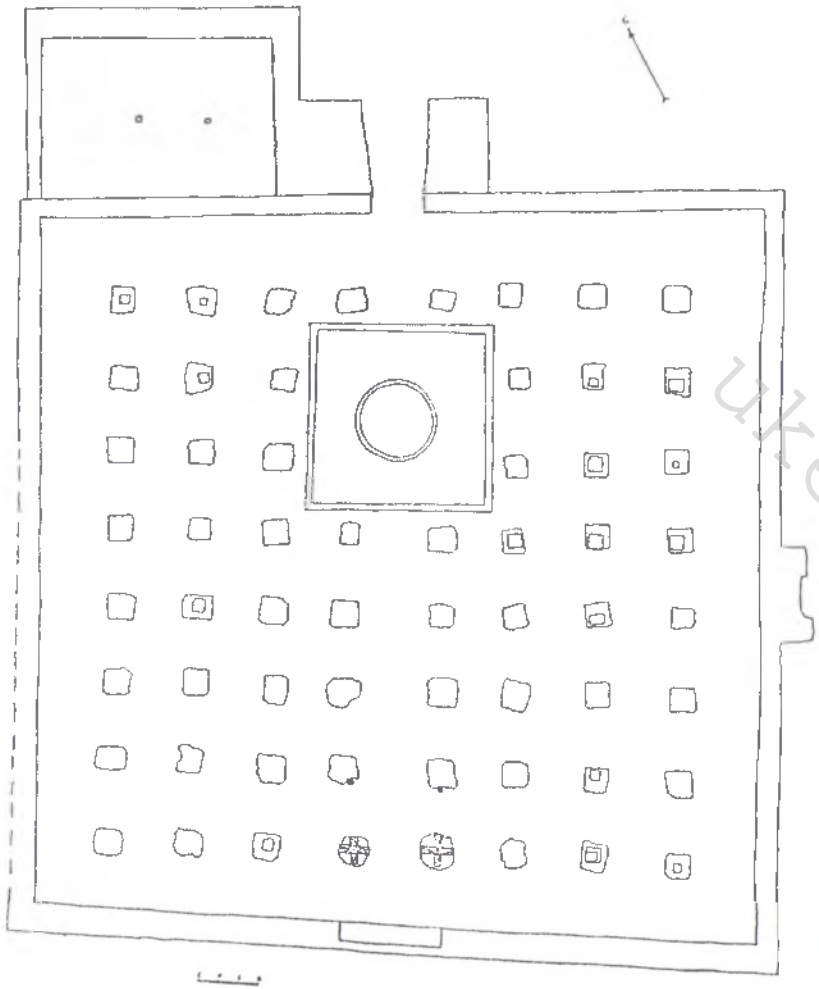


Рис. 20. План мечети Селитренного городища

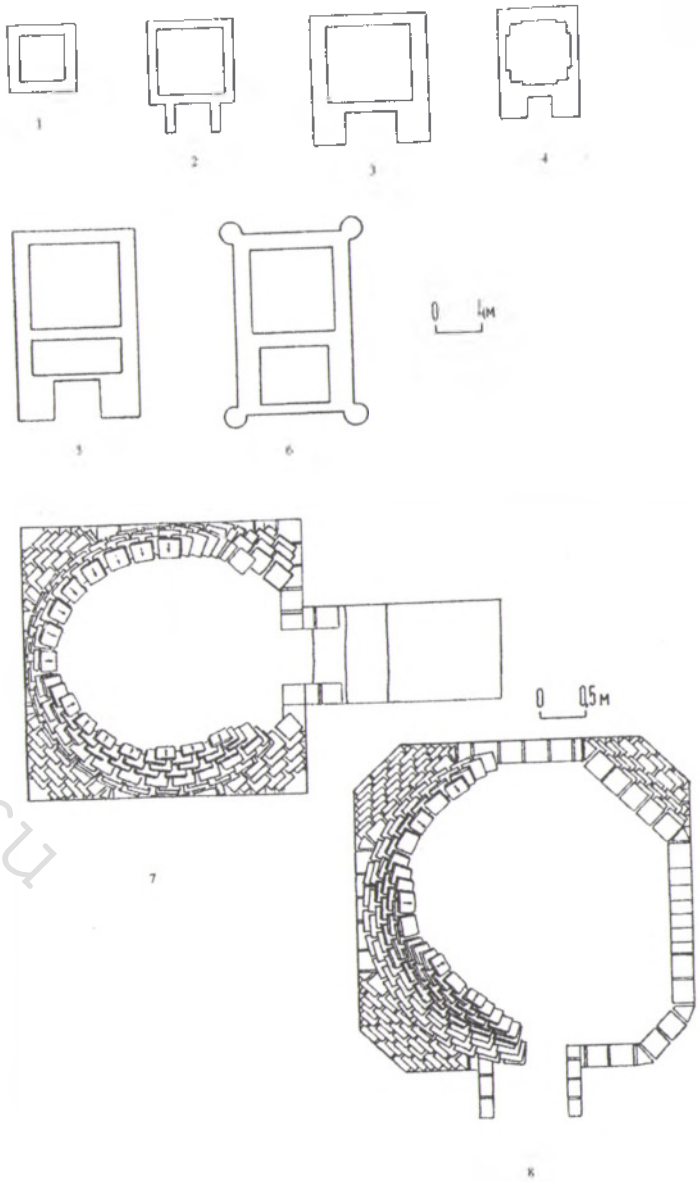


Рис. 21. Типы мемориальных сооружений

ukektest.ru

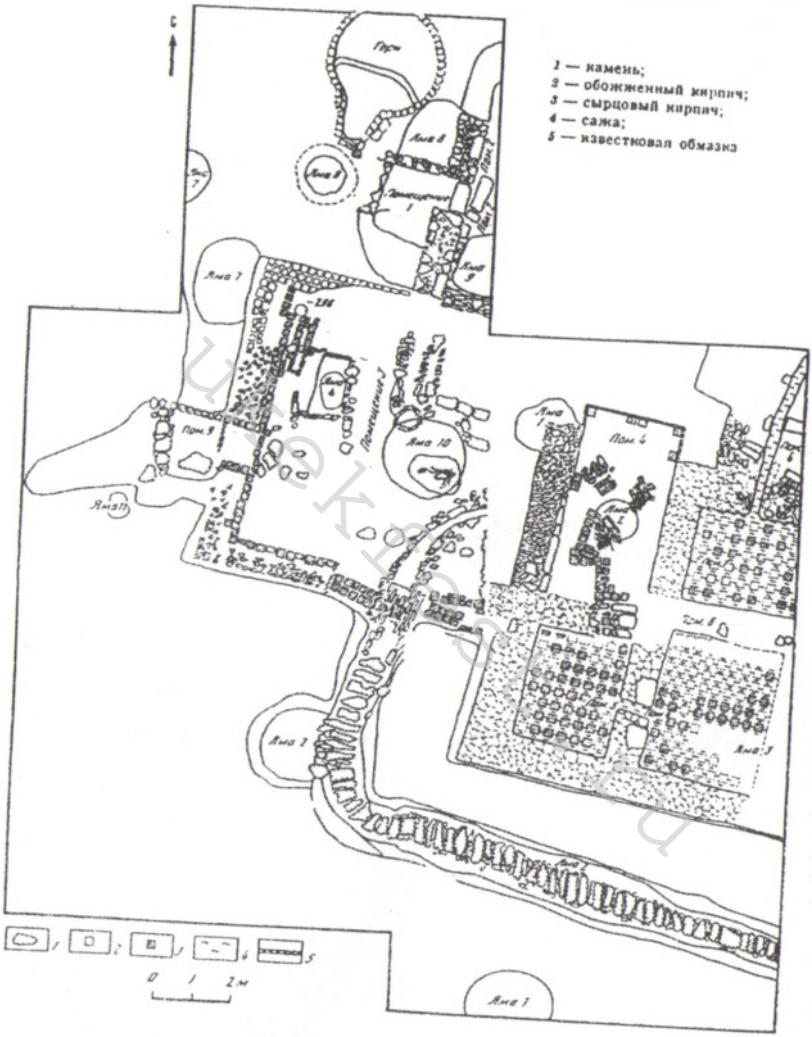


Рис. 22. План общественной бани Водянского городища

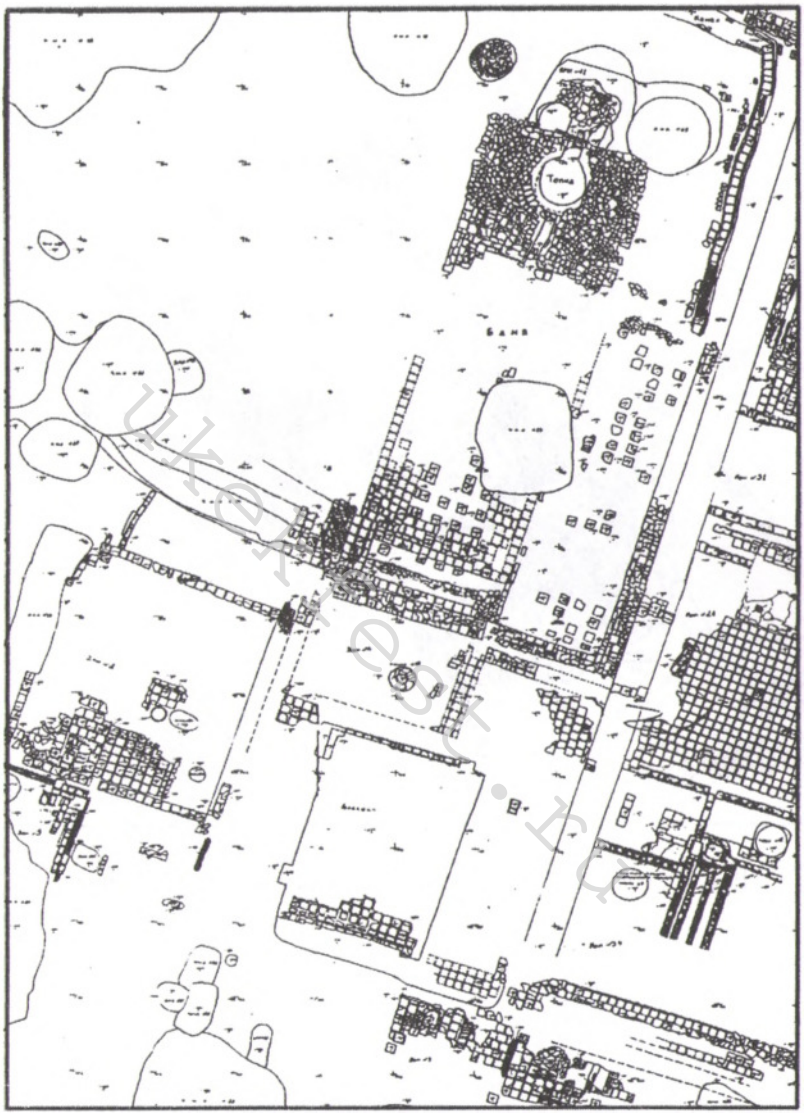


Рис. 23. План дворцовой бани Селитренного городища

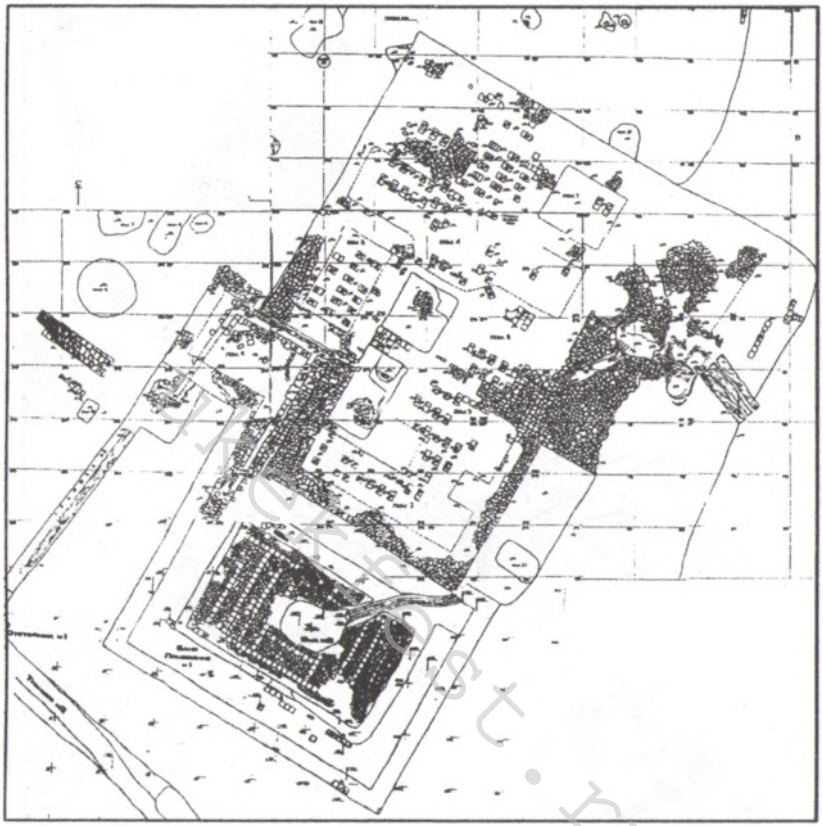


Рис. 24. План общественной бани Селитренного городища

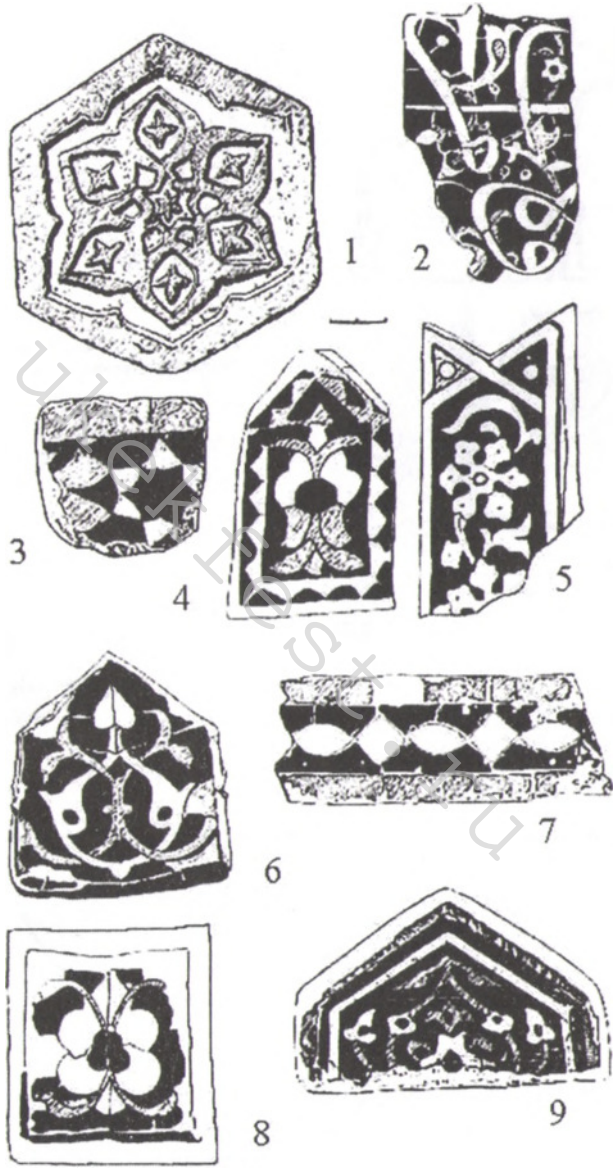


Рис. 25. Архитектурный декор. *1* – терракотовая плитка; *2–9* – мозаики

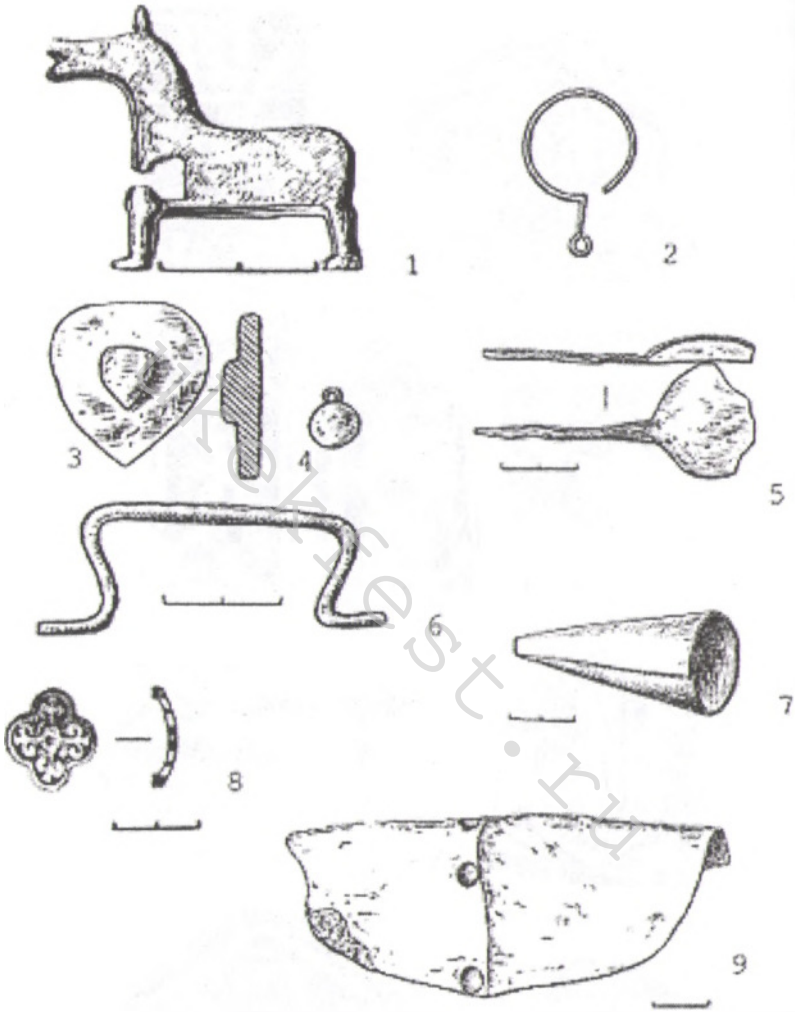


Рис. 26. Изделия из цветных металлов. *1* – замочек-лошадка; *2* – серьга; *3* – бляха; *4* – бубенчик-пуговица; *5* – ложка; *6* – скоба; *7* – конус; *8* – накладка; *9* – фрагмент бронзового котла

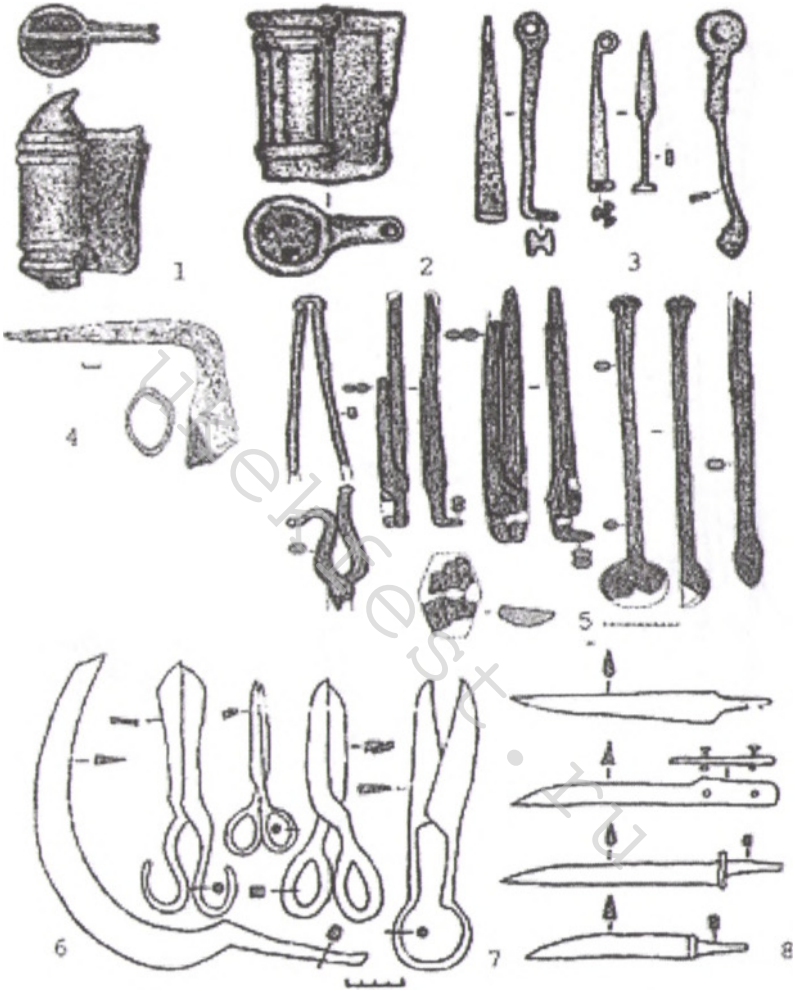


Рис. 27. Изделия из железа. *1, 2* – замки; *3* – ключи; *4* – наконечник пики; *5* – кузнечные инструменты; *6* – серп; *7* – ножницы; *8* – ножи

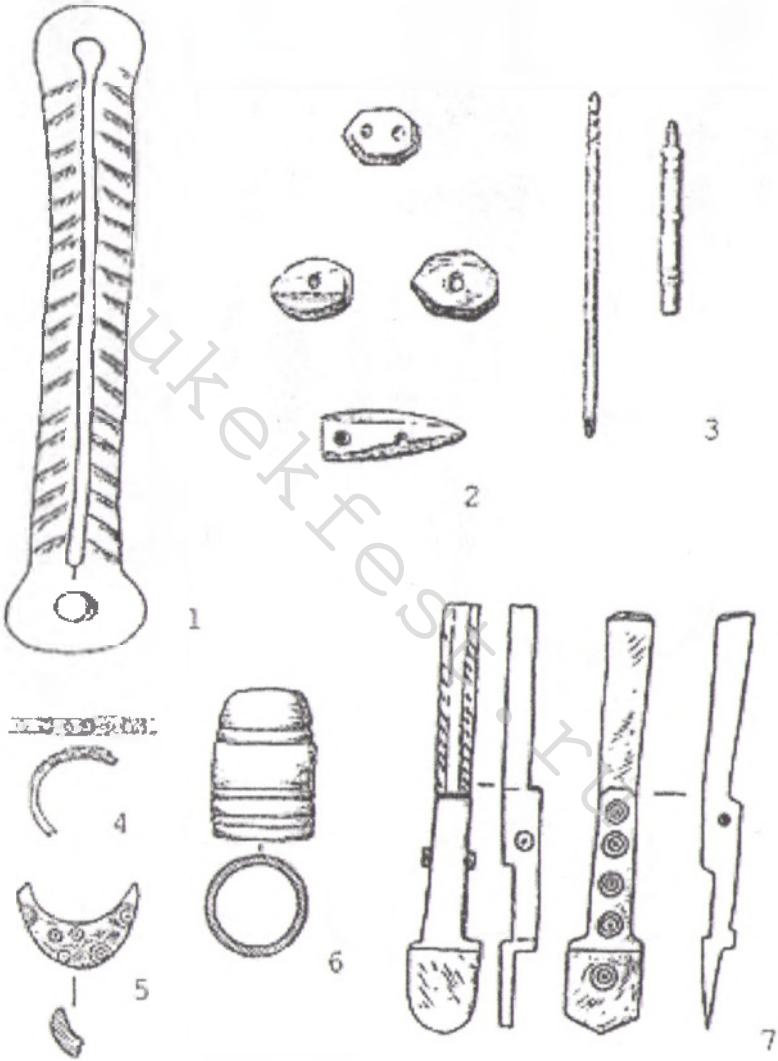


Рис. 28. Изделия из кости. *1, 3* – поделки; *2* – затыльники ножей; *4* – кольцо; *5* – кольцо для натягивания лука; *6* – шахматная фигурка; *7* – весы для взвешивания небольших предметов

ukekfest.ru

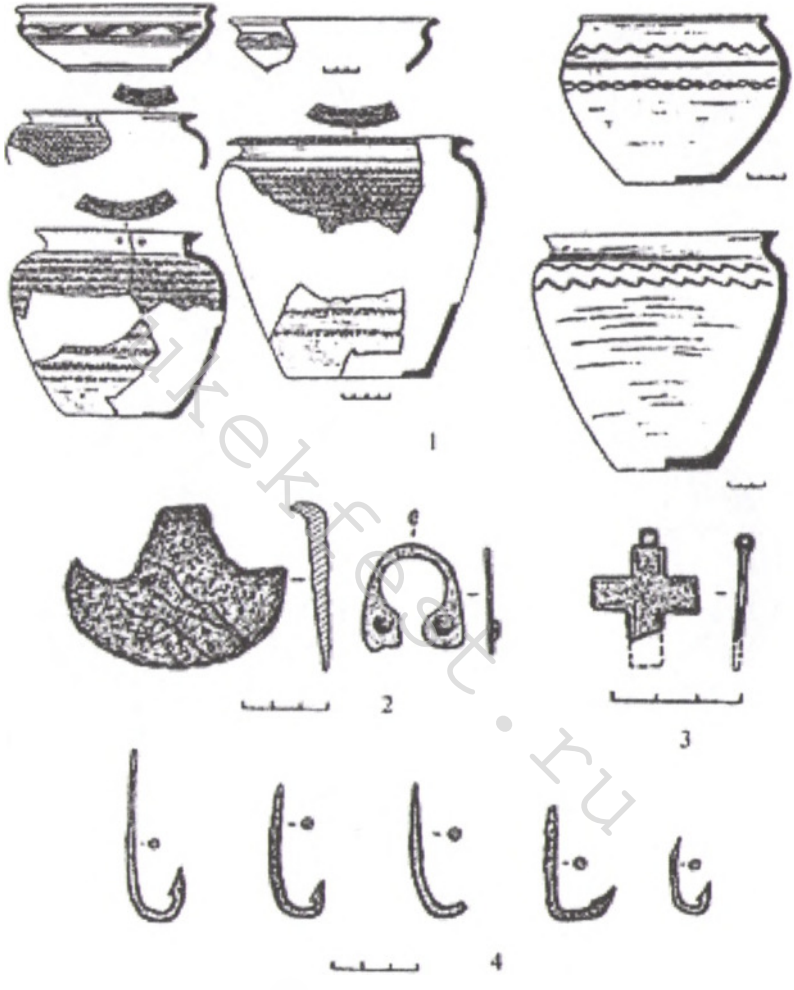


Рис. 29. Вещи из русского слоя Водянского городища. *1* – горшки; *2* – железные предметы; *3* – крест; *4* – рыболовные крючки

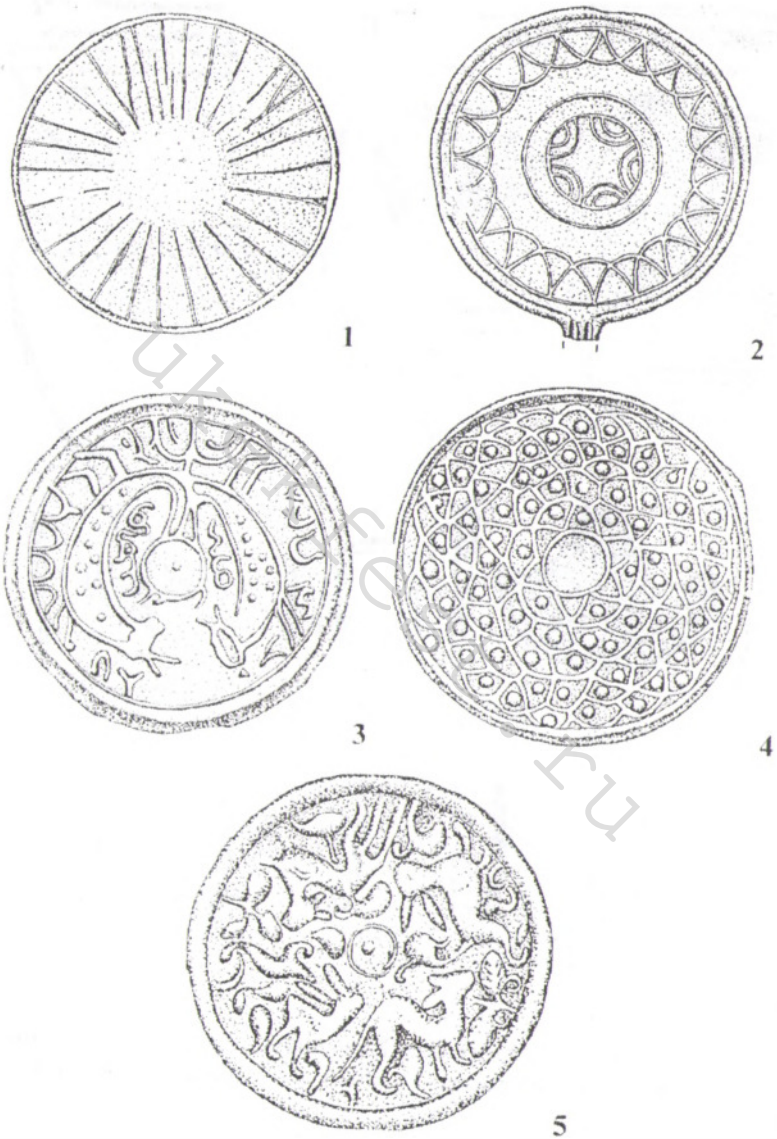


Рис. 30. Зеркала из некрополей в окрестностях Царевского городища

1

2

3

4

5

ukekfest.ru

Рис. 31. Зеркала из некрополей в окрестностях Царевского городища

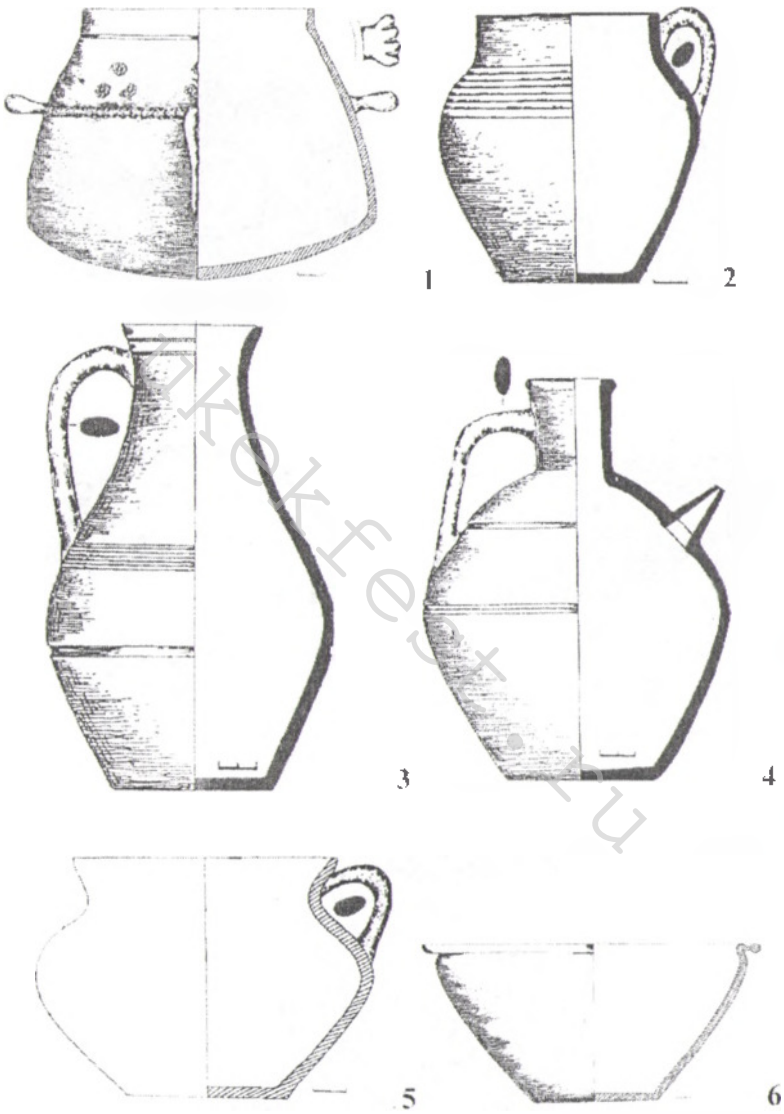


Рис. 32. Основные категории неполивной керамики. *1* – котел; *2* – горшок; *3* – кувшин; *4* – кувшин с носиком; *5* – горшок; *6* – миска

ukokfest.ru

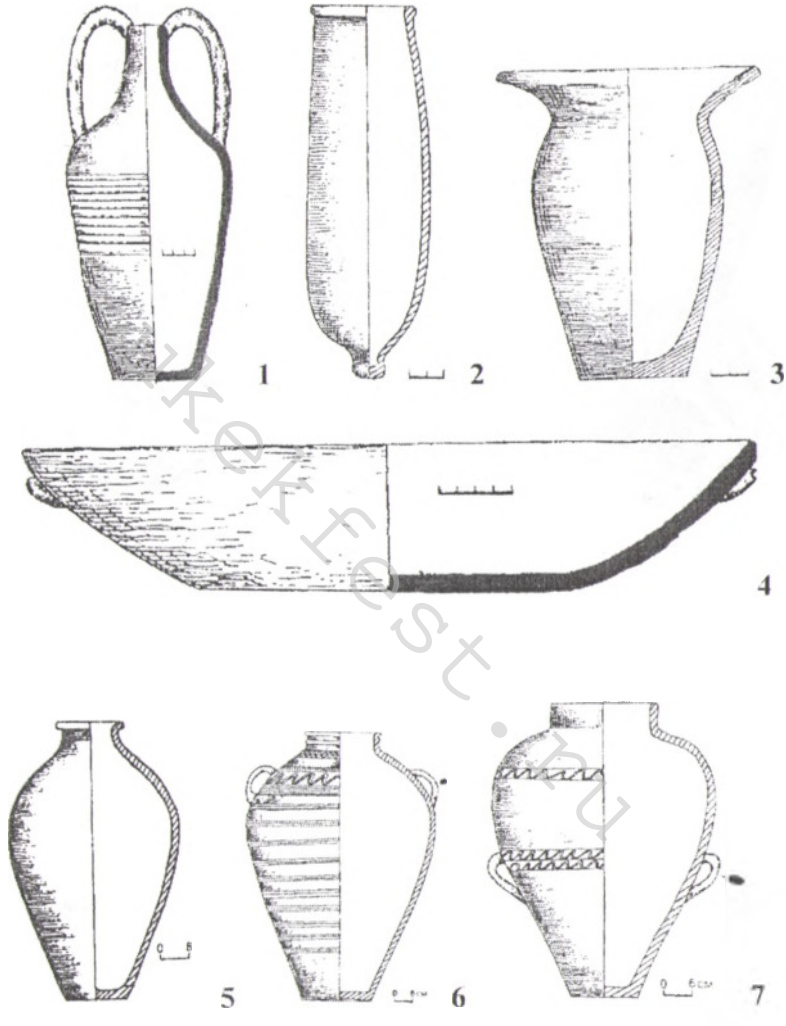


Рис. 33. Основные категории неполивной керамики. *1* – амфора; *2* – чигирь; *3* – сунак; *4* – таз; *5* – хум; *6–7* – хумча

kekfest.ru

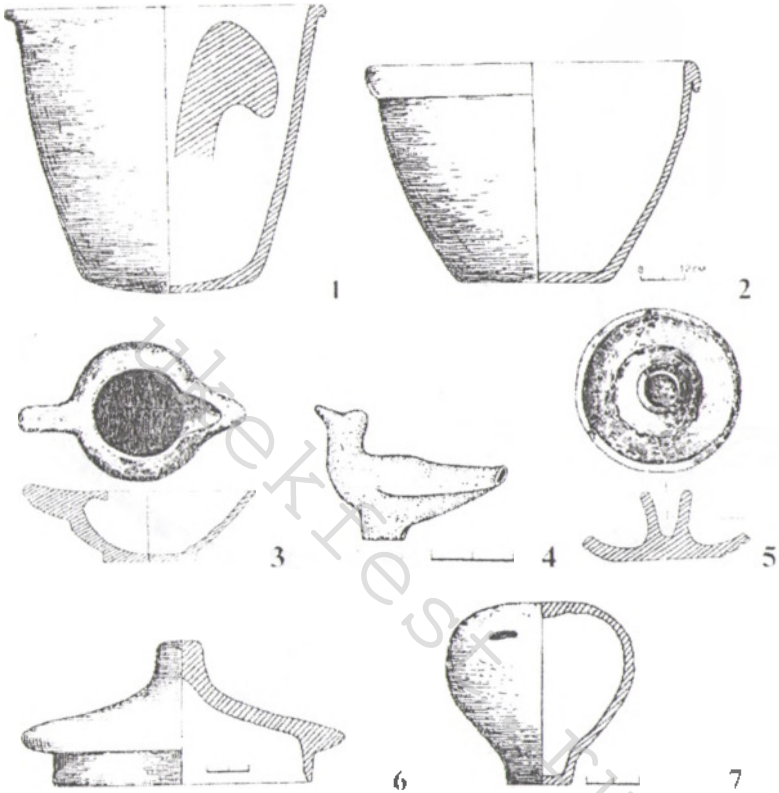


Рис. 34. Основные категории неполивной керамики. *1–2* – ямы; *3* – светильник; *4* – игрушка; 5 – подсвечник; *6* – крышка; *7* – копилка

tekhest.ru

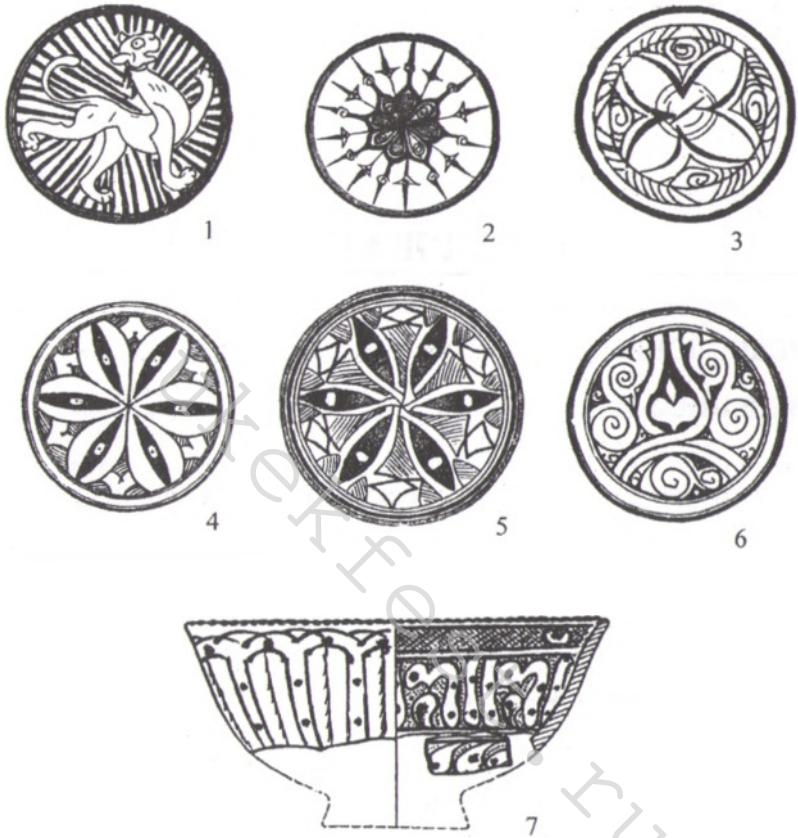


Рис. 35. Поливные (глазированные) чаши. *1–6* – красноглиняные чаши, гравированные под поливу; *7* – кашинная чаша

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ВВЕДЕНИЕ 6

Глава I
ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОРОДОВ У МОНГОЛОВ 9

1. Проблема общественного строя монголов накануне завоеваний 9
2. Возникновение улуса Бату 12
3. Первые монгольские города и их синкретический характер 14
4. Исторические особенности городов в монгольских государствах 19

Глава II
ОСОБЕННОСТИ СТЕПНЫХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIII–XV вв. 23

1. Причины появления золотоордынских городов на Нижней Волге 23
2. Природно-хозяйственные условия Нижнего Поволжья в XIII–XIV вв. 28
3. Этапы градообразования и функциональные характеристики золотоордынских городов на Нижней Волге 32

ukektest.ru

4. Динамика градостроительства
в золотоордынском Поволжье 39

Глава III
ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 45

1. Начальный этап изучения
золотоордынских древностей 45

2. Деятельность дореволюционных
краеведческих организаций
по исследованию золотоордынских памятников 48

3. Изучение древностей Золотой Орды
в 20–30-е гг. XX в. 53

4. Современные исследования в Нижнем Поволжье 57

Глава IV
СЕЛИТРЕННОЕ ГОРОДИЩЕ 62

1. Территория и исследования городища 62

2. Локализация золотоордынской столицы.
Проблемы хронологии. 63

3. Особенности застройки.
Основные объекты, исследованные на городище 67

4. Население золотоордынской столицы 72

Глава V
ЦАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ 75

1. Изучение Царевского городища 75

2. Хронология памятника и проблема названия города 77

3. Специфика застройки 81

ukontest.ru

4. Некрополи и население Царевского городища 87
5. Округа города 92

Глава VI
ВОДЯНСКОЕ ГОРОДИЩЕ 99
1. Территория памятника.
Хронология и периодизация истории древнего города ... 99
2. Проблема названия 102
3. Особенности городской застройки.
Основные исследованные объекты 106
4. Городское население 109
5. Русское население Водянского городища 112

Глава VII
НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ XIII–XV вв.
НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ 120
1. Укек и его округа (Саратовское Поволжье) 120
2. Бытовые памятники с территории Волгоградского
и Астраханского Поволжья 126

Глава VIII
АРХИТЕКТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 140
1. Градостроительство 140
2. Строительная техника 148
3. Жилая архитектура 154
4. Архитектура общественных зданий
и мемориальных комплексов 162

Checkfest.ru

Глава IX
РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛИ
В НИЖНЕВОЛЖСКИХ ГОРОДАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 173

1. Керамический комплекс 173
2. Металлообрабатывающие производства 186
3. Стеклоделие, косторезное и камнерезное ремесла 191
4. Торговля золотоордынских городов
Нижнего Поволжья 195

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 202

ГЛОССАРИЙ 206

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 211

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 226

ИЛЛЮСТРАЦИИ 227

ukekfest.ru

Научное издание

БЛОХИН Василий Геннадьевич
ЯВОРСКАЯ Лилия Вячеславовна

АРХЕОЛОГИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Учебное пособие

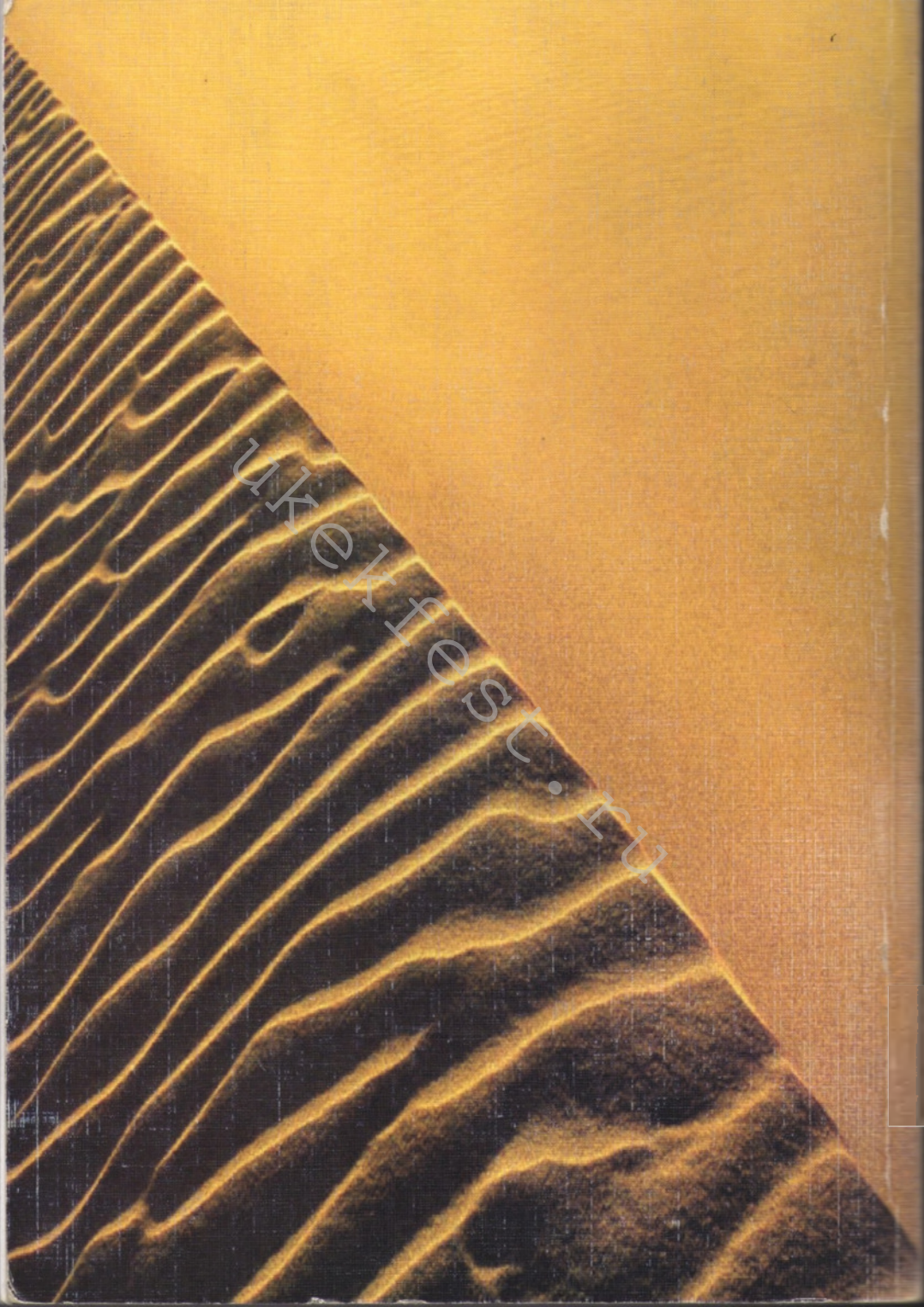
Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *С.А. Астахова*
Техническое редактирование *В.Г. Полюшиной*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 15.05 2006 г. Формат 60S84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,58.
Уч.-изд. л. 16,75. Тираж 400 экз. Заказ 190. «С» 94.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

ukfedu.ru

ukekfest.ru



ukeltest.ru